

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2016 / № 3

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

ISSN 2072-8514 (print)

2016 / № 3

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

**Редакционно-издательский совет
«Вестника Московского государственного
областного университета»**

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 3. – 112 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

Индекс серии «Психологические науки»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40717

© МГОУ, 2016.

© Издательство МГОУ, 2016.

**Редакционная коллегия серии
«Психологические науки»**

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. – д.псх.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Климова Е.М. – к.псх.н., МГОУ

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. – к.псх.н., доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Иванников В.А. – д.псх.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Карри К. – д.псх.н., Православный институт Святого Иоанна Богослова

Марцинковская Т.Д. – д.псх.н., проф., Психологический институт РАО (г. Москва)

Овсяник О.А. – д.псх.н., доц., МГОУ

Резванцева М.О. – к.псх.н., проф., МГОУ

Утлик Э.П. – д.псх.н., проф., МГОУ

Фирсов М.В. – д.и.н., проф., МГОУ

Шнейдер Л.Б. – д.псх.н., проф., Московский психолого-социальный институт

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

Y.M. Klimova – Ph.D. in Psychology, MSRU

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

V.A. Ivannikov – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – Ph. D in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor Psychological Institute, RAE (Moscow)

O.A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, MSRU

M.O. Rezvantseva – Ph.D. in Psychology, Professor, MSRU

E.P. Utlik – Doctor of History, Professor, MSRU

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor, MSRU

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Psychology-Social Institute

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychology. – 2016. – № 3. – 112 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26137.

Index series «Psychology» according to the union catalog «Press of Russia» 40717

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Базылевич Т.Ф.</i> СУЩЕСТВУЮТ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ? (ПРОДОЛЖЕНИЕ).....	6
<i>Воронин А.Н.</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ГРУППОВОМ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ.....	22

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Булгаков А.В., Чистоходова Л.И., Павлютенкова О.А.</i> МОТИВАЦИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА КАК КОМПОНЕНТ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ЕДИНОЙ ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВУЗА (ЧАСТЬ I. СТУДЕНТЫ: ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА)	30
<i>Дробышева Т.В.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕДНОСТИ И БОГАТСТВЕ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПЕРВИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ.....	49
<i>Емельянова Т.П.</i> ФУНКЦИИ СМИ С ПОЗИЦИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУБЛИКИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	62
<i>Телицына А.Ю., Гнутова А.А., Лобазникова Н.Ю., Шмагина Н.С.</i> СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДЕТЕЙ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, КАК ВОЛОНТЕРСКАЯ ПРАКТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ.....	73

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Веревкина Ю.В., Филинкова Е.Б.</i> ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОНКУРЕНТОСПОСОБНОМ РАБОТНИКЕ.....	88
<i>Ивахненко О.Н.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЕАТИВНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ И ИНЖЕНЕРОВ-ПРОГРАММИСТОВ.....	98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР VII ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ-ФОРУМА «ВМЕСТЕ – РАДИ ДЕТЕЙ! ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ»	106
--	-----

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

<i>T. Bazylevitch.</i> ARE THERE ANY PROBLEMS OF DIFFERENTIAL PSYCHOPHYSIOLOGY IN MODERN HUMAN STUDY? (CONTINUATION)	6
<i>A. Voronin.</i> EFFICIENCY OF COLLECTIVE INTELLECTUAL ACTIVITIES IN THE PROCESS OF GROUP PROBLEM SOLVING	22

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>A. Bulgakov, L. Chistokhodova, O. Pavlyutenkova.</i> MOTIVATION OF UNION MEMBERSHIP AS A COMPONENT OF INTERGROUP ADAPTATION OF STUDENTS AND TEACHERS IN THE UNITED TRADE UNION OF A UNIVERSITY (PART 1. STUDENTS: MOTIVATION PROBLEM OF UNION MEMBERSHIP)	31
<i>T. Drobysheva.</i> REPRESENTATIONS OF POVERTY AND WEALTH AT DIFFERENT STAGES OF PRIMARY ECONOMIC SOCIALIZATION: CONTENTS AND FACTORS OF DEVELOPMENT	49
<i>T. Emelyanova.</i> MASS MEDIA FUNCTION FROM RESEARCHERS' AND PUBLIC'S STANDPOINT: SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACH	62
<i>A. Telitsyna, A. Gnutova, N. Lobaznikova, N. Shmagina.</i> SOCIAL ROLE OF ONE-TO-ONE MENTORING IN EDUCATION AS A VOLUNTEER PRACTICE FOR THE SOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN IN DIFFICULT LIFE SITUATION	73

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

<i>Yu. Verevkina, E. Filinkova.</i> PROGRAM FOR THE STUDY OF SOCIAL REPRESENTATIONS ON A COMPETITIVE EMPLOYEE	88
<i>O. Ivakhnenko.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF MANAGERS' AND ENGINEERS - PROGRAMMERS' CREATIVITY	98

SCIENTIFIC LIFE

Review of the VII th All-Russian exhibition_forum "Together – for the sake of children! Together with children"	106
--	-----

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 612:159.9; 576

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-6-21

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ? (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Базылевич Т.Ф.

*Московский государственный университет технологий и управления
имени Г.К. Разумовского
109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблемам дифференциальной психофизиологии в современном человекознании. Автор исследует данную проблему в историческом аспекте, высказывает свое мнение о необходимости рассмотреть с позиции современных взглядов психологов дифференциальную психологию. Дифференциальная психофизиология и ее «смежные» отрасли – дифференциальная психология, генетическая психофизиология, психогенетика, психология целостной индивидуальности, экологическая психология индивидуальности, дифференциальная акмеология – до сих пор многими специалистами ошибочно воспринимается как физиология, не имеющая отношения к открытию фундаментальных законов психики. В результате сфера индивидуальных различий и в целом индивидуальности стала «золушкой» в психологии. Современная широта развернутых работ однозначно доказывает краеугольность проблематики индивидуальных особенностей для науки и практики и важность дифференциально-психофизиологического ракурса проработки постоянно встающих многочисленных проблем.

Ключевые слова: акмеология, генетическая психология, психогенетика, индивидуальность, дифференциальная психология.

ARE THERE ANY PROBLEMS OF DIFFERENTIAL PSYCHOPHYSIOLOGY IN MODERN HUMAN STUDY? (CONTINUATION)

T. Bazylevitch

*Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy
73, Zemlyanoi Val st., Moscow, 109004, the Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the problems of differential psychophysiology in modern human study. The author studies the historical aspect of the problem; and expresses her personal attitude to the necessity of examining differential psychology through the standpoint of modern

© Базылевич Т.Ф., 2016.

psychologists. Differential psychophysiology together with its "adjacent" branches – differential psychology, genetic psychophysiology, psychogenetics, psychology of holistic individuality, differential acmeology – is still mistakenly accepted by many scientists as physiology which has no relation to fundamental laws of psychology. As a result, the sphere of individual differences, and of individuality as a whole, has become the Cinderella of psychology. Modern width of the works studied definitely proves that the problems of individuality peculiarities are undoubtedly important for science and practice. Besides, the differential-physiological aspect of studying continuously arising problems is also important.

Key words: acmeology, genetic psychology, psychogenetics, individuality, differential psychology.

В предыдущей статье [16] нами убедительно показано, что этап исследований типологических особенностей ВНД человека как начала дифференциальной психофизиологии выявил ряд тупиковых позиций, выход из которых требовал создания новых методологических разработок, нового эксперимента и новых путей реализации типологических законов в практике.

С целью рассмотрения новых подходов обратимся к **эксплицитному этапу развития дифференциальной психофизиологии**, который связан с осознанием учеными и практиками потребности в дифференциально-психофизиологическом знании. Вместе с ее осознанием появился сам термин «дифференциальная психофизиология», характеризующий новую науку как самостоятельную область психологии. В данный период оформляются представления о новых целях и задачах направления, предмете, объекте, проблематике, общих и частных методологических принципах [7; 8; 12; 13; 19]. Здесь продолжены исследования индивидуально-стабильных, природных, конституциональных, генотипических особенностей человека, но существенно расширился анализ условий, механизмов и факторов включения синдромов свойств в функциональные

системы, в поведение и деятельность.

Можно отметить, что впервые здесь намечен и стал подвергнут объективному познанию «вертикальный срез» разноуровневых свойств индивидуальности, которые в виде эволюционно-системно обусловленных «слитий», «гроздьев» свойств индивида и личности, четко анализируемых в типологических факторах, включены в целостно- или системообразующие основания функциональных органов психики и поэтому отражаются в сколь угодно важных особенностях психики человека. Психофизиологический уровень индивидуальности как обладающий выраженными кумулятивными качествами является референтным для дифференциально-типологического исследования. По Б.Ф. Ломову, психофизиологический уровень индивидуальности является опосредующим звеном воздействия генотипа на психику [27]. Он структурирует «жесткие» звенья внутренних условий взаимодействия субъекта с внешним миром.

В.Д. Небылицын в качестве мощного двигателя развития традиций типологических исследований ВНД открыл новое их направление, назвав его дифференциальной психофизиологией. Владимир Дмитриевич как последователь школы Б.М. Теплова

отмечал, что изменение названия не было данью моде, а было направлено на снятие отмеченных выше противоречий, фиксируемых в исследованиях основных свойств нервной системы и их спорадических несистематизируемых психологических проявлений, а также для того, чтобы «очеловечить» исследование свойств нервной системы у человека [28; 29; 37].

Сам термин «дифференциальная психофизиология» В.Д. Небылицын ввел в 60-х гг. XX в., подробно обосновав его в предисловии к изданию 1969 г. трудов отечественной типологической школы с новым названием сборника «Проблемы дифференциальной психофизиологии» (до этого времени – «Типологические особенности высшей нервной деятельности»).

Владимир Дмитриевич отмечал, что изменение названия не было данью моде, а было направлено на снятие противоречий, фиксируемых в исследованиях основных свойств нервной системы и их психологических проявлений, а также для того, чтобы «очеловечить» исследование свойств нервной системы у человека», расширить область применимости типологических концепций. Все это было направлено на создание истинной субъектной дифференциальной психофизиологии активности в ее эволюционно-системной связи со столь угодно важными индивидуальными особенностями человека.

Данное направление какое-то время являлось приоритетным во впервые созданном в структуре Академии наук Институте психологии. В его плане первоначально особое значение имело развитие уже известной у нас в стране и за рубежом отечественной типологической школы Б.М. Теплова –

В.Д. Небылицына в работах лаборатории дифференциальной психофизиологии, основанной В.Д. Небылицыным и являющейся именной в ИП РАН. (Обобщение исторически инвариантных идей научного наследия этой школы сделано в цикле современных академических трудов [6; 30; 34].

Проработка проблем дифференциальной психофизиологии уже на самых начальных этапах работ столкнулась с рядом трудностей воссоздания «живой» индивидуальности из имеющихся мозаичных и статичных ее фрагментов, открывающихся в отдельных основных свойствах нервной системы. Используемые здесь стратегии исследования не способствовали эффективному познанию индивидуальных путей развития психики в деятельности. Примененные технологии часто фиксировали лишь транзитивную вариативности индивидных характеристик, а также необозримую множественность психологических проявлений парциально распределенных основных свойств нервной системы. Это привело в началах дифференциальной психофизиологии к иницированию В.Д. Небылицыным исследований общих свойств через типологическое изучение регуляторной мозговой системы [29; 30]. Наши работы (1968–1994) наметили особый путь поиска общих свойств (через «целостность», «интегративность», «сущность отдельного»). Такой ракурс проблемы в плане проработки теоретико-экспериментальных основ концепции целостной индивидуальности требовал создания новых – эволюционно-системных – технологий изучения единства индивидных и общеличных свойств в поведении.

Оформление дифференциальной психофизиологии в отдельную науку стало возможным благодаря следующим предпосылкам. 1. Использование современных методов многомерного статистического анализа, начатое ещё на первом этапе. Факторный, кластерный, регрессионный анализ, а также методы таксономии позволяли фиксировать существенные причины формирования структур многомерных системных объектов. Это открыло широкие возможности перехода от изучения «среднего человека» с нормальным распределением признаков к супернормальному объекту – целостной индивидуальности. 2. В противовес аналитическим исследованиям «мозаик» отдельных свойств и их многочисленных несистематизируемых психологических проявлений в дифференциальной психофизиологии инициированы системные типологические исследования включения закономерно складывающихся комплексов свойств в функциональные органы поведения. Такой ракурс исследований осуществлен, в частности, на модели изучения динамики психофизиологической «канвы» формирующейся вероятностно-прогностической деятельности. 3. Внедрение в психологию квазиэксперимента вместе при понимании целостности, интегративности, мультифакторности психического развития с его типологическими предикторами. При этом в дифференциальной психофизиологии выявилась принципиальная ограниченность применения манипулятивного статистического эксперимента с линейными схемами анализа. Здесь оказался рационален квазиэксперимент, основанный на фундаментальной типологической

теории. 4. Предпосылкой оформления начал дифференциальной психофизиологии в полноценное научное знание также стало использование фактов генетической психофизиологии и психогенетики: в проработке вопросов генетической обусловленности свойств и своеобразия экологических аспектов психофизиологического статуса индивида и личности, роли среды и генотипа в формировании дисперсии индивидуальных признаков. 5. Разработки в области методологии и теории, квазиэксперимента и прикладных исследований в русле проработки системно-типологических исследований целостной индивидуальности [8; 9; 21; 23; 25; 27; 28; 31; 36].

Изучая архивы В.Д. Небылицына, где приоткрыты планы ученого на будущее, отмечаешь, насколько они созвучны современному человекознанию. Так, в докладе на Президиуме АПН в 1971 г. Владимир Дмитриевич отмечал, что в «обозримое время» общая стратегия науки останется прежней, однако изменится «философия» психофизиологического анализа, получит дальнейшее развитие системный подход. Для дифференциальной психофизиологии эти изменения откроют перспективу «выхода» за рамки мозга, включения в предмет исследования биохимических и морфологических фактов целого организма. В соответствии с этим расширится проблематика, прежде всего, за счет систематического изучения в дифференциально-психофизиологических и онтогенетических аспектах специальных и общих способностей (интеллекта), а также памяти, внимания, мыслительной деятельности. На этом пути уже получены важные факты в

работах М.К. Акимовой, Е.М. Борисовой, Э.А. Голубевой, М.С. Егоровой, М.К. Кабардова, А.В. Либина, С.Б. Малыха, В.М. Русалова и других исследователей.

Подтвердился прогноз ученого и в отношении реализации в дифференциальной психофизиологии новой теории и методологии, прежде всего, системной ориентации. Существенно изменилось и продолжают меняться – принципы и методы исследовательской работы. Среди понятий, наиболее концентрированно выражающих этот процесс в психологии, исключительное место принадлежит понятиям «Система», «Структура», «Интегративность», «Целостность» [4; 11; 13]. Как пишет Г.П. Щедровицкий, «дело здесь не просто в моде. Изучение объектов как структур и систем стало в настоящее время основной задачей по сути дела всех наук» [39, с. 155]. Автор подчеркивает, что такая направленность прежде всего связана со способами понимания или, можно сказать, «видения» объектов.

Вместе с тем общесистемная теория требует выделения специфических «узлов» проблем, выявившихся в ходе формирования каждой отрасли психологических знаний. В частности, для дифференциальной психофизиологии стало важным понять, что представляет собой индивидуальность как «живая» целостность.

Справедливости ради стоит заметить, что переход к стереотипам научного мышления, существенно отличающимся от традиционных, всегда труден. Обычно такой выход за рамки привычных дихотомий коррелятивных исследований осуществляется в периоды, когда встают задачи, не раз-

решимые старыми способами, или же когда появляются новые объекты, к которым старые средства и методы не могут быть приложены.

Дифференциальная психофизиология вынужденно прошла этот путь, который образно можно обозначить как движение – от необозримого множества типологических особенностей высшей нервной деятельности и их многочисленных психологических проявлений – к актуальному сегодня системному исследованию интеграции многообразия индивидуальных различий в целостную индивидуальность.

Таким образом, обращение дифференциальной психофизиологии к системным (эволюционно-системным, системно-структурным, системно-историческим) представлениям было связано с насущной необходимостью выхода из «тупикового пространства», фиксируемого в аналитически ориентированных конкретных работах, которые создали необозримое множество линейно связанных индивидуальных различий. В русле иницированных В.Д. Небылицыным теоретико-экспериментальных работ особое место занимало создание категориального аппарата новой дифференциальной психофизиологии. Потребовалось именно создание нового, а не применение наработанного глоссария понятий, единым пониманием охватывающего область интеграции типологических характеристик в целостную индивидуальность. Так, удивительным стал тот факт, что неразработанной была даже категория «Индивидуальность», которая, очевидно, является одной из основных в психологии. Однако данная категория не получила должного статуса в совет-

ской психологии: «Большая советская энциклопедия» не содержит соответствующей дефиниции. Это понятие до сих пор часто используют как синоним индивидуальных различий, что ведет к «мозаичным» представлениям о природе индивидуальности, редуцируя ее содержание. Вместе с тем целостность индивидуальности очевидна: нельзя говорить о ее «раздвоении» по аналогии с общепринятым термином «раздвоение личности». Отмечу, что целостность – один из ясно фиксируемых сознанием признаков индивидуальности как системы – имплицитно содержится в логике развития ряда современных фундаментальных теорий [3; 4; 5; 26].

Целостность – в соответствии с системной методологией – обобщенная характеристика объектов, обладающих сложной внутренней структурой. Целостность – основная категория системного (эволюционно-системного, системно-исторического) подхода к анализу многоуровневых, многоаспектных психических феноменов. Органическим системам присуще взаимодействие дистантных активностей при системообразующей роли целей действий, мотивов деятельности, что достигается с помощью механизмов целеполагания и целеобразования, например, в антиципации будущего. Целостность концентрирует в себе качественно новые свойства компонентов.

Методология системного подхода делает центральными – наряду с категорией «Целостность» – такие понятия, как эволюция, развитие, взаимодействие и взаимосодействие, динамика, иерархия, системообразующий фактор, типичность поведения.

Типичность субъектно-объектного взаимодействия связана с наличием «жестких» звеньев в функциональных системах, структура которых раскрывает закон связи между элементами целого.

На этом пути эвристичными являются идеи В.Д. Небылицына, который неоднократно подчеркивал важную роль особенностей «целого мозга», целостных общеличных характеристик для воссоздания унитарной индивидуальности. Ученый полагал, что своеобразие данной целостности наиболее полно познается в процессе изучения «вертикального среза» разноуровневых свойств человека (от биохимических, генотипических – до общеличных, социально-психологических).

Трудности организации таких работ в дифференциальной психофизиологии стали очевидными в эпоху идеологического прессинга на науку. В советской психологии по сути дела обесценивалась роль индивидуальности в произвольной активности человека. При этом необоснованно расширительная трактовка деятельностной парадигмы как бы позволяла рассматривать факторы социума в качестве ключевых для интенсивного психического развития на благо общества, поэтому индивидуальные различия, скорее, считали артефактом непрофессионально построенного обучения, чем предметом научного анализа.

Однако конкретные исследования часто не подтверждали удобную идеологию точки зрения. Так, неоднократно было показано, что целенаправленная активность человека фиксирует сложноветвящиеся «слития», или «гроздь», разноуровневых индивидуаль-

ных особенностей. (Этот факт часто подчеркивали А.В. Брушлинский и Б.Г. Ананьев.)

Идея целостности, имманентно присущая системному подходу к развитию, в современной психологии считается главной при воссоздании интегративности свойств и качеств человека в активном поведении. Целостность такого рода динамично развивающихся органических живых систем с их свойствами принципиально не может быть описана через механические взаимосвязи отдельных ее частей, уровней, признаков. Целостность, применительно к проблемам индивидуальных различий, целесообразно изучать через «системообразующие факторы» [4], детерминирующие интегративность характеристик человека [34], типичность его поведения [6; 10; 23; 22]. В феноменах опережающего отражения сказываются фундаментальные закономерности формирования и развития функциональных систем.

Кумулятивные способности функциональной системы раскрываются в системной психофизиологии уже на уровне нейрональной активности. Удовлетворение даже элементарных органических потребностей задает не только функциональные системы, необходимые для достижения приспособительного эффекта, но и эволюционно древние пра-системы [31; 32; 36]. Возможность объективизации отмеченной гетерогенности функциональных систем – исходя из работ по системной психофизиологии – может осуществляться в преддвигательной нейрональной активности и, в частности, в факторах антиципации, включенной в произвольные движения.

Эти задачи в плане изучения индивидуализированности произвольной сферы психики долгое время не могли быть корректно поставлены в дифференциальной психофизиологии прежде всего из-за недостаточной ясности способов разрешения собственно психофизиологической проблемы. Как отмечено Б.Ф. Ломовым (1984), конкретные исследования, основывающиеся на теориях психофизиологического параллелизма, тождества, взаимодействия, по сути дела вели к тупиковым позициям. Природные особенности индивида при таком подходе могли выступать лишь в роли несущественных механизмов реализации деятельности. Логичным казалось, например, допущение решающего влияния на развитие личности «вывиха тазобедренного сустава» и несущественность роли типологических особенностей высшей нервной деятельности (Леонтьев, 1975), или же постулирование основного градиента организации индивидуальности со стороны смысловых характеристик личности [5].

Для гуманистически ориентированной науки вскрытие объективных оснований тех интегральных качеств, которые характеризуют человека как индивида и личность, становится актуальной теоретической задачей [37, с. 38]. Важность охвата единым пониманием своеобразности разноуровневых индивидуальных особенностей психики в их целостности подчеркивал еще Л. Сэв: «...пока не выяснена теоретическая основа понятия человеческого индивида, теория личности рискует увязнуть в зыбучих песках идеологических иллюзий» [38, с. 77].

Мысль о возможности изучения целостной индивидуальности с помо-

щью психологического моделирования развивающейся деятельности и последующего детального исследования своеобразия «жестких звеньев» психофизиологической «канвы» произвольной активности зародилась в логике развития отечественной типологической школы [10; 14; 18; 19; 20; 23]. В качестве репрезентанта психофизиологического уровня в структуре целостной индивидуальности использовали мозговые процессы антиципации. Моделировали достаточно широкий континуум ситуаций, в которых обычно осуществляются произвольные акты, органически включенные в решение значимой для человека задачи. Здесь опережающие психофизиологические явления обычно исследуются экспериментально на моделях установки, ожидания, готовности, вероятностного прогнозирования. Тонкими мозговыми индикаторами данных процессов являются, например, «волна ожидания» и ее аналог – моторный потенциал готовности – МПП, который выявляется в период подготовки к произвольному действию [8; 38; 42].

Целостность отражающихся в МПП и более широко в преддательностных феноменах – сверхсложных «живых» систем, как известно, принципиально не может быть описана через взаимосвязи отдельных их частей. Целостность, применительно к проблемам индивидуальных различий, целесообразно изучать через «системообразующий фактор» [4], интегративность характеристик человека [28], типичность поведения [39; 40; 41].

Системообразующим основанием, скрепляющим разноуровневые механизмы субъектно-объектного взаимодействия для получения планируемого

результата, является мотивационно-потребностная сфера личности [24; 25; 26]. Вектор «мотив-цель» (по А.Н. Леонтьеву) в процессе антиципации обуславливает опережающий характер реагирования человека в сложно-организованном потоке событий [4; 27]. Кумулятивность складывающихся при этом функциональных систем (функциональных органов) обеспечивает преимущество стадий развития психики. В результате актуальная структура нейро- и психофизиологического уровня жизнедеятельности, опосредующего влияние генотипа на психику [15; 23; 27], не может не содержать следы прошлого (генотипические признаки), аналоги настоящего (сравнение прогноза и реальности) и предвестники будущего (информационные эквиваленты образа-цели). Предпринятая в наших работах объективизация отмеченной гетерогенности функциональных систем в антиципации, включенной в динамику произвольных действий при стабилизации развития деятельности, позволяла изучать на этой модели общие закономерности строения недизъюнктивных структур индивидуальности.

Из системного подхода вытекала задача – изучить в типологическом аспекте индивидуально-характерные синдромы разноуровневых свойств человека в естественной динамике деятельности (Базылевич, 1994–1998). При этом необходимо было выявить, содержат ли функциональные системы – в качестве системообразующих – индивидуально-стабильные, конституциональные, природные, генотипические особенности человека. В данном контексте особое значение приобрело типологическое исследова-

ние произвольности (работа поддержана грантами РФФИ и РГНФ). Здесь психофизиологический уровень динамично формирующихся произвольных действий необходимо являлся референтным в экспериментальном исследовании, поскольку он опосредует влияние генотипа на психику, обладает выраженными кумулятивными качествами [10; 17; 18; 23; 27]. Референтность психофизиологических характеристик в типологических исследованиях обусловлена тем фактом, что сложноиерархизированные структуры индивидуальности не поддаются анализу с помощью самонаблюдения, саморефлексии, опроса, анкетирования.

Особенности антиципации (объективизирующие специфику функциональных систем) исследовались с помощью методики моторных вызванных потенциалов (МВП) в так называемых моторных потенциалах готовности (МПГ) и мозговых потенциалах антиципации [8; 9; 10; 19].

Анализ собранных материалов в рамках этой линии исследований выявил, что биоэлектрические характеристики антиципации являются тонким индикатором психологических особенностей ситуации развития деятельности (Базылевич, 1978–1994). Оказалось, что опережающие действие системные процессы антиципации, включенные в решение задачи на снятие неопределенности прогноза, отражают, в частности, степень стабилизированности стратегии поведения, информационный эквивалент образа прогнозируемого результата и личностный смысл действия, которые соотносятся с разными аспектами системообразующих (целостнообразующих) факторов психики.

Данные, полученные в дифференциальной психофизиологии относительно законов включения генотипических признаков в функциональные системы (на модели мозговых потенциалов антиципации в динамике вероятностно-прогностической деятельности), широко отражены в научной печати (Базылевич, 1998–2009). В частности, показано, что формирующаяся стратегия поведения характеризуется в ситуации «частый успех» по сравнению с ситуацией «редкий успех» – в лобном отведении – более выраженными ($P < 0,001$) характеристиками площадей между отрицательной фазой ПА и средней линией и превалированием отрицательной фазы над положительной в показателе полярно-амплитудной асимметрии потенциалов антиципации. При тех же условиях в ситуации «редкий успех» более акцентированными были следующие характеристики ПА: полярно-амплитудная асимметрия ПА затылочной области, среднеарифметическое значение ординат ПА (для двух отведений – O2 и F4), дисперсия мгновенных амплитуд ПА и средние значения ПА обеих зон мозга. При этом $0,05 < P < 0,01$. Совершенно другой была структура компонентов ПА в период относительной стабилизации стратегии поведения (конец опыта). Здесь в ситуации «частый успех» более выраженными оказались такие параметры ПА, как площадь негативной фазы потенциалов двух областей, полярно-амплитудная асимметрия ПА (при $p < 0,01$), амплитуда отрицательной фазы ПА лобной доли ($p < 0,05$). В ситуации «редкий успех» здесь сохраняется выраженность дисперсий мгновенных амплитуд ПА двух областей, высокий уровень синхрони-

зации биоэлектрических процессов двух полушарий и средних значений ординат ПА затылочной области.

Особое значение для оценки пригодности потенциалов антиципации к анализу психологии индивидуальности имело изучение механизмов реализации действий разного смысла [8]. Результаты эксперимента выделили явные различия факторных отображений (а следовательно, разный генез) взаимосвязей характеристик ПА, зарегистрированных в ситуациях решения испытуемым разных задач (при различающихся смыслах моторных действий), но в условиях сходства сенсомоторной организации произвольного движения.

Для анализа материалов данного исследования важен выявленный в конкретном эксперименте факт кардинального отличия психофизиологических механизмов антиципации в структуре произвольных действий разного личностного смысла при тождественности их сенсомоторных компонентов [8]. Показательно, что характеристики психофизиологии антиципации составили общие факторы (имели общий генез) с референтными показателями свойств нервной системы.

Доказательно выявлено, что природные факторы генеза функциональных систем выполняют системообразующую функцию преимущественно в ситуациях стабилизации развития деятельности при фиксации координат: 1. Степень сформированности стратегии поведения; 2. Субъективная вероятность прогноза «успеха» в будущей ситуации.

Результаты экспериментов показывают, что в период формирования

стратегии поведения, а также в период ее стабилизации функциональные системы, объективизированные в процессах антиципации, складываются с учетом индивидуально-типологических характеристик, таких как сила и лабильность нервной системы, причем структура этих синдромов существенно различна в разные периоды становления вероятностно-прогностической деятельности (Базылевич, 1988–1998).

Такое обобщение созвучно с мыслью Б.Г. Ананьева, полагавшего, что единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида [3, с. 178]. Можно предполагать, что антиципация составляет тот важный механизм, который обеспечивает взаимодействие свойств индивида и личности достижению результата при реализации целей действий.

Логика представленного цикла системных исследований в русле психологии целостной индивидуальности может быть обобщена следующим образом. Индивидуальность человека в единстве индивидных и личностных компонент субъекта психической деятельности, по-видимому, наиболее полно выражается в показателях произвольной сферы психики. Индивидуально-обобщенные интеграции физиологического и психического в составе функциональных систем являются инвариантной составляющей разнообразной активности человека. Следовательно, можно ожидать, что «жесткие структуры» психофизиологического уровня произвольных

движений могут рассматриваться как задатки сопряженных с ними индивидуальных особенностей психики человека.

Такой подход к рассмотрению неизбежно ограниченных экспериментальных фактов в плане развития дифференциальной психофизиологии и психологии создает новое проблемное поле, позволяющее перейти от постулирования «мозаичной» феноменологии индивидуальности к изучению закономерностей, связывающих разные ее уровни в субъекте психической деятельности.

В каждый момент своего развития человек органически включен в эволюционный процесс, итогом и этапом которого он является. Таким образом, эволюционные истоки свойств и качеств индивидуальности предполагают непрерывность и преемственность ее развития. В данном контексте в масштабе эволюции получают объяснение постоянно фиксируемые связи онтогенеза с филогенезом и социогенезом [1; 2; 3; 11; 24; 28; 40].

Результаты системных исследований структуры типологических факторов в психофизиологических механизмах антиципации, объективизирующих специфику функциональных систем, таким образом фиксируют здесь интегрированность индивидуальных и личностных черт. Эти факты предполагают отказ от иллюзорного, но вместе с тем практикующегося в психологических разработках изначального дизъюнктивного расчленения свойств индивида (как генотипических) и личности (как бы формируемой исключительно под влиянием социума).

Открытые закономерности используются в прикладных работах для ана-

лиза сопряженности задатков и текущих требований деятельности [9; 15; 25; 26; 40] и др.

Целый ряд конкретных исследований доказательно показывают, что координированность, синергичность, органичность сочетания в синдромах целостной индивидуальности биологического с социальным, генотипического и средового, воздействуя на психоэнергетику произвольных действий и сказываясь в психоэмоциональной напряженности, может стать решающим условием сохранения психического и соматического здоровья.

Таким образом, исследования в области дифференциальной психофизиологии путем экспериментов и контролируемых наблюдений доказали системную природу закономерного сочетания свойств индивидуальности в поведении. Системообразующим основанием ее целостности являются мотив – цель, или же – при другой стабилизации развития деятельности – природные детерминанты функциональных систем. Психофизиология антиципации может рассматриваться как системный индикатор единства индивидуальных и общеличных свойств субъекта психической деятельности.

Таким образом, учитывая, что свойства индивидуальности высших уровней не могут быть выражены через сумму свойств изолированных ее признаков (таких как типологические особенности ВНД), информация об их организации в деятельности при учете надситуативных координат ее развития должна анализироваться как кардинальная для систематизации своеобычности человеческой психики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абишев К. Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата, 1978. 168 с.
2. Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М., 1989. 208 с.
3. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 1. 230 с.
4. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. 225 с.
5. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007. 528 с.
6. Базылевич Т.Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. М., 1998. 248 с.
7. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная акмеология. М., 2007. 250 с.
8. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная психофизиология: прошлое, настоящее, будущее // Мир психологии. 2004. № 3. С. 44–67.
9. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная психофизиология и психология. Серия «Научная мысль». М., 2013. 340 с.
10. Базылевич Т.Ф. Еще раз про дифференциальную психофизиологию // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 44–57.
11. Базылевич Т.Ф. Индивидуально-типологические факторы антиципации в ходе развития деятельности человека // Индивидуально-психологические различия и биоэлектрическая активность мозга человека. М., 1988. С. 92–115.
12. Базылевич Т.Ф. Моторные вызванные потенциалы в дифференциальной психофизиологии. М., 1983. 142 с.
13. Базылевич Т.Ф. Особенности психофизиологических основ антиципации // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 5. С. 137–147.
14. Базылевич Т.Ф. Проблема тестов в психологии и дифференциальной акмеологии. М., 2006. 105 с.
15. Базылевич Т.Ф. Психология высших достижений личности. Психоакмеология. Серия «Научная мысль». М., 2013. 330 с.
16. Базылевич Т.Ф. Существуют ли в современном человекознании проблемы дифференциальной психофизиологии? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 6–21.
17. Базылевич Т.Ф. и др. Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барабанщикова. М., 2005. 495 с.
18. Базылевич Т.Ф., Белград С.Д., Кордюков В.Ф. Парадоксы биосоциальной детерминации индивидуальности // Мир психологии. 2005. № 4. С. 65–73.
19. Базылевич Т.Ф., Бутылин А.В. Дифференциально-акмеологическое изучение системных механизмов экологического «выгорания» личности // Акмеология. 2008. № 1. С. 6–11.
20. Базылевич Т.Ф., Бутылин А.В., Колядина Т.В. Валидизация методики оценки целостной индивидуальности как квазиэксперимента // Акмеологическая диагностика: коллективная монография. М., 2007. С. 12–24.
21. Базылевич Т.Ф., Колядина Т.В. К индивидуализированным предикторам речевого развития дошкольника // Мир психологии. 2007. № 4. С. 8–14.
22. Базылевич Т.Ф., Кукес В.Г., Альперович Б.Р., Гусева О.В., Хинцер Г.М. Проблема опосредствования ишемической болезни сердца особенностями целостной индивидуальности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 3. С. 45–56.
23. Базылевич Т.Ф., Ломов Б.Ф. В.Д. Небылицын и развитие дифференциальной психофизиологии // Небылицын В.Д. Избранные психологические труды. М., 1990. С. 5–24.
24. Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. М., 1993. 512 с.

25. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология. СПб. 2001. 454 с.
26. Колядина Т.В. Типологические факторы целостной индивидуальности в речевом развитии дошкольника : дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 195 с.
27. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1989. 444 с.
28. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. 253 с.
29. Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы человека. М., 1966. 384 с.
30. Небылицын В.Д. Проблемы психологии индивидуальности. М., 2000. 688 с.
31. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976. 335 с.
32. Небылицын В.Д., Базылевич Т.Ф. ВП двигательной зоны коры у человека // Физиологический журнал СССР. 1970. № 12. Т. 56. С. 1682–1688.
33. Небылицын В.Д., Базылевич Т.Ф., Боцманова М.Э., Голубева Э.А. Жизнь и научное творчество. М., 1996. 384 с.
34. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979. 352 с.
35. Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. Т. 1-5. М., 1956–1967.
36. Умрихин В.В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М., 1987. 203 с.
37. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы. М., 1975. 395 с.
38. Хакимзанова Е.А. Социально-психологическое консультирование развивающейся личности как целостной индивидуальности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 186 с.
39. Deecke L., Grozinger B., Kornhuber H.A. Voluntary finger movement in man: Cerebral potentials and theory // Biol. Cybernet., 1976b, vol. 23, p. 99–119.
40. Eysenck H.J. The biological basis of personality. Springfield, Thomas, 1967, 399 p.
41. Kristeva R., Keller E., Deecke L., Kornhuber H.H. Cerebral potentials preceding unilateral and simultaneous bilateral finger movements // EEG and Clin. Neuroph., 1979, vol. 47. P. 229–238.
42. Vaughan H.G. The motor potentials // Handbook of electroencephalography and clinical neurophysiology. Ed.A.Remond. Amcterdam, 1975, vol. 8, p. 86–91.

REFERENCES

1. Abishev K. Chelovek. Individ.Lichnost' [Person. Individual. Personality]. Alma-Ata, 1978.168 p.
2. Aleksandrov Yu.I. Psikhofiziologicheskoe znachenie aktivnosti tsentral'nykh i perifericheskikh neuronov v povedenii [Psychophysiological Significance of Central and Peripheral Neurons Activity in Behavior].M., 1989.208 p.
3. Anan'ev B.G. Izbrannyye psikhologicheskie trudy [Selected Psychological Works]. Vol. 1. M., 1980. 230 p.
4. Anokhin P.K. Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem [Essays on Physiology of Functional Systems]. M., 1975. 225 p.
5. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Psychology of Personality. Cultural-Historical Understanding of Human Development]. M., 2007. 528 p.
6. Bazylevich T.F. Vvedenie v psikhologiyu tselostnoi individual'nosti [Introduction to the Psychology of Integral Individuality]. M., 1998. 248 p.
7. Bazylevich T.F. Differentsial'naya akmeologiya [Differential Psychology]. M., 2007. 250 p.

8. Bazylevich T.F. Differentsial'naya psikhofiziologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Differential Psychophysiology: Past, Present, Future] // Mir psikhologii. 2004. no. 3. Pp. 44–67.
9. Bazylevich T.F. Differentsial'naya psikhofiziologiya i psikhologiya. Seriya «Nauchnaya mysl'» [Differential Psychophysiology and Psychology. Series "Scientific Thought"]. M., 2013. 340 p.
10. Bazylevich T.F. Eshche raz pro differentsial'nyu psikhofiziologiyu [Again on Differential Psychophysiology] // Psikhologicheskii zhurnal. 2005. no. 1. Pp. 44–57.
11. Bazylevich T.F. Individual'no-tipologicheskie faktory antitsipatsii v khode razvitiya deyatel'nosti cheloveka [Individually-Typological Factors of Anticipation in the Course of Development of Human Activities] Individual'no-psikhologicheskie razlichiya i bioelektricheskaya aktivnost' mozga cheloveka [Individual Psychological Differences and Bioelectrical Activity of Human Brain]. M., 1988. Pp. 92–115
12. Bazylevich T.F. Motornye vyzvannye potentsialy v differentsial'noi psikhofiziologii [Motor Evoked Potentials in Differential Psychophysiology]. M., 1983. 142 p.
13. Bazylevich T.F. Osobennosti psikhofiziologicheskikh osnov antitsipatsii [Features of Psychophysiological Bases of Anticipation] // Psikhologicheskii zhurnal. 1986. no. T. 7. № 5. Pp. 137–147.
14. Bazylevich T.F. Problema testov v psikhologii i differentsial'noi akmeologii [The Problem of Tests in Differential Psychology and Acmeology]. M., 2006. 105 p.
15. Bazylevich T.F. Psikhologiya vysshikh dostizhenii lichnosti. Psikhoakmeologiya. Seriya «Nauchnaya mysl'» [Psychology of the Highest Achievements of Individuality. Psychoimmunology. Series "Scientific Thought"]. M., 2013. 330 p.
16. Bazylevich T.F. Sushchestvuyut li v sovremennom chelovekoznanii problemy differentsial'noi psikhofiziologii? [Are There any Problems of Differential Psychophysiology in Modern Human Study?] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2016. no. 2. Pp. 6–21.
17. Ideya sistemnosti v sovremennoi psikhologii / pod red. V.A. Barabanshchikova [The Idea of Consistency in Modern Psychology / ed. by V. A. Barabanshchikova]. Bazylevich T.F. and others M., 2005. 495 p.
18. Bazylevich T.F., Belgrad S.D., Kordyukov V.F. Paradoksy biosotsial'noi determinatsii individual'nosti [The Paradoxes of the Bio-Social Determination of Individuality] // Mir psikhologii. 2005. no. 4. Pp. 65–73.
19. Bazylevich T.F., Butylin A.V. Differentsial'no-akmeologicheskoe izuchenie sistemnykh mekhanizmov ekologicheskogo «vygoraniya» lichnosti [Differential-Acmeological Study of Systemic Mechanisms of Environmental "Burnout" of Personality] // Akmeologiya. 2008. no. 1. Pp. 6–11.
20. Bazylevich T.F., Butylin A.V., Kolyadina T.V. Validizatsiya metodiki otsenki tselostnoi individual'nosti kak kvaziekspimenta [Validation of Methods for the Assessment of Holistic Personality as Quasixperiment] Akmeologicheskaya diagnostika / kollektivnaya monografiya [Acmeological diagnosis / collective monograph]. M., 2007. Pp. 12–24.
21. Bazylevich T.F., Kolyadina T.V. K individualizirovannym prediktoram rechevogo razvitiya doshkol'nika [To the Individualized Predictors of Preschoolers' Speech Development] // Mir psikhologii. 2007. no. 4. Pp. 8–14.
22. Problema oposredstvovaniya ishemicheskoi bolezni serdtsa osobennostyami tselostnoi individual'nosti [The Problem of the Mediation of Ischemic Heart Disease to the Peculiarities of Integral Individuality], Bazylevich T.F., Kukes V.G., Al'perovich B.R., Guseva O.V., Khintser G.M. // Psikhologicheskii zhurnal. 1991. no. T. 12. № 3. Pp. 45–56.
23. Bazylevich T.F., Lomov B.F. V.D. Nebylitsyn i razvitie differentsial'noi psikhofiziologii [V.D. Neb-

- ylitsyn and Development of Differential Psychophysiology] Nebylitsyn V.D. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Nebylitsyn D. B. Selected Psychological Works]. M., 1990. Pp. 5–24.
24. Golubeva E.A. Sposobnosti. Lichnost'. Individual'nost' [Ability. Personality. Individuality]. M., 1993. 512 p.
 25. Il'in E.P. Differentsial'naya psikhofiziologiya [Differential Psychophysiology]. SPb., 2001. 454 p.
 26. Kolyadina T.V. Tipologicheskie faktory tselostnoi individual'nosti v rechevom razvitiі doshkol'nika : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Typological Factors of Holistic Individuality in Preschoolers' Speech Development : Thesis ... of Candidate of Psychological Sciences]. M., 2009. 195 p.
 27. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. M., 1989. 444 p.
 28. Merlin V.S. Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti [Essay: Integral Research of Individuality]. M., 1986. 253 p.
 29. Nebylitsyn V.D. Osnovnye svoistva nervnoi sistemy cheloveka [The Basic Properties of the Human Nervous System]. M., 1966. 384 p.
 30. Nebylitsyn V.D. Problemy psikhologii individual'nosti [Problems of Psychology of a Personality]. M., 2000. 688 p.
 31. Nebylitsyn V.D. Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichii [Psychophysiological Study of Individual Differences]. M., 1976. 335 p.
 32. Nebylitsyn V.D., Bazylevich T.F. VP dvigatel'noi zony kory u cheloveka [VP Motor Areas of the Cortex in Humans] // Fiziologicheskii zhurnal SSSR. 1970. no. 12. T. 56. Pp. 1682–1688.
 33. ZHizn' i nauchnoe tvorchestvo [Life and Scientific Work]. Nebylitsyn V.D., Bazylevich T.F., Botsmanova M.E., Golubeva E.A. M., 1996. 384 p.
 34. Rusalov V.M. Biologicheskie osnovy individual'no-psikhologicheskikh razlichii [The Biological Basis of Individual Psychological Differences]. M., 1979. 352 p.
 35. Tipologicheskie osobennosti vysshei nervnoi deyatel'nosti cheloveka. T. 1-5 [Typological Peculiarities of Higher Nervous Activity of a Person. T. 1–5]. M., 1956–1967.
 36. Umrikhin V.V. Razvitie sovetskoi shkoly differentsial'noi psikhofiziologii [The Development of the Soviet School of Differential Psychophysiology]. M., 1987. 203 p.
 37. Shchedrovitskii G.P. Refleksiya i ee problemy [Reflection and its Problems]. M., 1975. 395 p.
 38. Khakimzanova E.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe konsul'tirovanie razvivayushcheysya lichnosti kak tselostnoi individual'nosti : dis. ... kand. psikhol. nauk [Socio-Psychological Counselling Developing Person as an Integral Individuality : Thesis... Cand. Psychol. Sciences]. M., 2008. 186 p.
 39. Deecke L., Grozinger B., Kornhuber H.A. Voluntary finger movement in man: Cerebral potentials and theory // Biol. Cybernet., 1976b, vol. 23. P. 99–119.
 40. Eysenck H.J. The biological basis of personality. Springfield, Thomas, 1967. 399 p.
 41. Kristeva R., Keller E., Deecke L., Kornhuber H.H. Cerebral potentials preceding unilateral and simultaneous bilateral finger movements // EEG and Clin. Neuroph., 1979, vol. 47. P. 229–238.
 42. Vaughan H.G. The motor potentials // Handbook of electroencephalography and clinical neurophysiology. Ed. A. Remond. Amsterdam, 1975, vol. 8. P. 86–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Базылевич Татьяна Федоровна – доктор психологических наук, профессор, академик Международной ассоциации академий наук, академик Академии имеджелогии, ассоци-

ированный ведущий научный сотрудник Института психологии Российской академии наук, профессор кафедры педагогики и психологии Московского государственного университета технологий и управления имени Г.К. Разумовского, директор и научный руководитель Национального центра психоакмеологии индивидуальности;
e-mail: baz5@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Bazylevitch – Doctor of Psychology, Professor, Academician of International Academic Community “Science”, Associated Leading Researcher of the Institute of Psychology RAS, Academician of Academy of Imageology, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Moscow State University of Technologies and Management, Director and Research Manager of National Center of Personality Acmeology;
e-mail: baz5@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Базылевич Т.Ф. Существуют ли в современном человекознании проблемы дифференциальной психофизиологии? (Продолжение) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 6–21.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-6-21

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Bazylevitch. Are there any problems of differential psychophysiology in modern human study? (Continuation) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 6–21.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-6-21

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-22-29

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ГРУППОВОМ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ*

Воронин А.Н.

Институт психологии Российской академии наук

129366 Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому исследованию эффективности совместной интеллектуальной деятельности на примере группового решения творческих задач. Комплексное рассмотрение когнитивных способностей и особенностей межличностного взаимодействия участников группового решения задач позволило выявить ряд факторов, обуславливающих эффективность совместной интеллектуальной деятельности: наличие в группе участников с нетипичным межличностным взаимодействием, средний уровень выраженности дискурсивных способностей и повышенный уровень креативности.

Ключевые слова: познавательные способности, интеллект, креативность, дискурсивные способности, совместная интеллектуальная деятельность.

EFFICIENCY OF COLLECTIVE INTELLECTUAL ACTIVITIES IN THE PROCESS OF GROUP PROBLEM SOLVING

A. Voronin

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

13, Yaroslavskaia str, Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the empirical research of the effectiveness of collective intellectual activities on the example of group solving of creative tasks. A comprehensive review of cognitive abilities and features of interpersonal interaction between the participants of the group activities enabled to reveal a number of factors that lead to the effectiveness of collective intellectual activities: the presence in the group of participants with atypical features of interpersonal interaction, the average level of discursive abilities and the enhanced level of creativity.

Key words: cognitive abilities, intelligence, creativity, discursive abilities, collective intellectual activity.

Социальная детерминация психического на сегодняшний день является одним из основополагающих принципов современной психологии. Однако проблема непосредственного влияния социального окружения, в том числе особенностей поведения, на эффективность интеллектуальной деятельности остается открытой. В значительной мере это объясняется тем, что данная проблема находится на стыке общей и социальной психологии. Решение указанной проблемы

© Воронин А.Н., 2016.

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ № 16-06-00433.

как проблемы психосоциальной лежит в изучении включенности человека в конкретные виды деятельности, его общения с другими людьми [12]. По мнению Б.Ф. Ломова, психологические исследования должны быть распространены на совместную деятельность, поскольку «в индивидуальной деятельности многое остается непонятным, если она рассматривается сама по себе...» [14, с. 231]. Современный уровень разработки проблем совместной деятельности позволяет выделить ее отличительные характеристики: наличие единой цели и общей мотивации; разделение деятельности на функционально связанные составляющие и распределение их между участниками; объединение индивидов и индивидуальных деятельностей и согласованное их выполнение; наличие управления, общих конечных результатов; наличие единого пространства и одновременность выполнения индивидуальных деятельностей [16, с. 138–145].

На наш взгляд, необходимо признать, что непосредственное социальное окружение, конкретные социальные ситуации, в которых оказывается человек, существенным образом влияют на познавательные способности и эффективность познавательной деятельности в целом [2, с. 115–134; 7; 10, с. 145–169; 11]. Общим основанием для рассмотрения указанных проблем выступает совместная интеллектуальная деятельность, в ходе которой проявляются интеллект и креативность человека при решении конкретной познавательной задачи в определенной социальной ситуации, обусловленной конкретными межличностными отношениями и личностными особенностями участников [6,

с. 165–289]. Совместная интеллектуальная деятельность трактуется как внешняя совместная деятельность двух и более человек в специально организованных ситуациях по решению некоторой познавательной задачи. Специфика совместной интеллектуальной деятельности определяется наличием конкретной общей цели данной совместной деятельности, т.е. решением познавательной задачи или проблемы, наличием феномена «преодоления интеллектуальной несостоятельности», ситуативным характером распределения этапов деятельности (или ролей) между ее участниками и разворачивающимся по этому поводу взаимодействием, ситуативно обусловленным изменением уровня интеллекта и креативности участников совместной интеллектуальной деятельности [5, с. 88–110]. Наиболее существенной характеристикой совместной интеллектуальной деятельности является ее модификация в зависимости от характера межличностных отношений и, соответственно, изменение ее эффективности. Было показано, что оптимальность проявления интеллекта и креативности зависит от адекватности восприятия складывающихся межличностных отношений, их принятия участниками взаимодействия и степени социального контроля в ситуации интеллектуального взаимодействия: оптимальность проявления интеллекта и креативности обратно пропорциональна степени социального контроля, а позитивное отношение к сложившимся межличностным отношениям, их принятие и/или адекватное восприятие создают благоприятные условия для проявления интеллекта и креативности [5, с. 207–220].

Также было исследовано влияние стийно складывающихся межличностных отношений в «рабочих группах» студентов при выполнении поисковых проектов на эффективность совместной интеллектуальной деятельности [9], при этом была представлена динамика показателей совместной интеллектуальной деятельности в течение учебного цикла в группах с различными межличностными отношениями и в группе студентов, выполнявших задания индивидуально. Однако взаимосвязь когнитивных способностей, особенностей межличностного взаимодействия по ходу совместного решения и его эффективность специально не изучалась.

Эмпирическое исследование совместной интеллектуальной деятельности в ходе группового решения различных типов задач и оценка ее эффективности в зависимости от характеристик познавательной сферы участников и особенностей межличностного взаимодействия проводилось в два этапа. На первом этапе была осуществлена диагностика познавательных способностей участников исследований: тестировались особенности интеллекта (социальный и общий), креативности (вербальная и невербальная) и дискурсивные способности. На втором этапе проводилось групповое решение 3 задач-головоломок различных типов: вербальной – сложение разрезанного стихотворного текста, невербальной – сложение разрезанного рисунка, решение логической задачи на соответствие. По ходу решения групповой задачи осуществлялась оценка характеристик межличностного взаимодействия между участниками по ходу решения задачи и

правильность ее решения, фиксировались вербальные реакции участников группового решения. Всего в исследовании приняло участие 50 человек (29 женщин и 21 мужчина в возрасте от 19 до 23 лет), групповое решение задач проводилось в 5 группах по 9–11 человек.

В исследовании использовалось несколько методик. Для определения уровня общего интеллекта был выбран краткий отборочный тест в адаптации В.Н. Бузина [1]. Для определения уровня социального интеллекта использовался адаптированный вариант теста Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е.С. Михайловой [15]. Вербальная и невербальная креативность диагностировалась с использованием кратких вариантов тестов Торренса и Медника [8; 3]. Креативность оценивалась по нескольким показателям: продуктивность, оригинальность, уникальность и гибкость. Дополнительно использовался тест дискурсивных способностей, позволяющий оценить успешность вербального взаимодействия [4, с. 168–176]. Экспертная оценка особенностей межличностного взаимодействия при групповом решении осуществлялась двумя ведущими непосредственно по ходу решения и еще двумя при просмотре видеозаписи группового решения. Особенности межличностного взаимодействия оценивались по 5-балльной шкале по 9 показателям: общая активность по ходу решения задач, количество интеракций, выдвижение гипотез, лидерство, оценивание других, информирование по поводу проблемы, полномочия, работа с подсказками и др. Указанный перечень показателей появился в ходе пилотажного исследования – наблю-

дения за ходом группового решения задач студентами с использованием методики стандартизованного наблюдения Р. Бейлса [13]. В целом характер интеракций при решении групповых задач укладывался в схему анализа взаимодействий в группах – SYMLOG, предложенную Р. Бейлсом, в основе которой лежало трехмерное пространство характеристик группового поведения, образованное следующими осями: «стремление доминировать – подчинение», «уступчивость; дружелюбие – враждебность»; «эмоциональность – аналитичность, ориентация на задачу, самоконтроль». Однако в нашем исследовании принимали участие студенты старших курсов, хорошо знающие друг друга, вследствие чего полюса «подчинение» и «враждебность» элиминировались, а фиксация некоторых категорий наблюдения в условиях совместной интеллектуальной деятельности оказалась крайне затрудненной. Дополнительно при групповом решении задач оценивалась степень принятия различных функционально-деловых и социально-эмоциональных ролей.

В ходе статистической обработки данных был проведен корреляционный и кластерный анализ отдельных частей массива данных соответственно целям исследования и сопоставление средних для различных групп испытуемых.

Так, сравнение средних методом LSD с помощью t-критерия Стьюдента по показателям когнитивных способностей и особенностям межличностного взаимодействия для 5 групп, осуществляющих групповое решение задач, показало, что имеются отдельные значимые различия по следующим

переменным: показатели социального интеллекта, общий интеллект, дискурсивные способности и вербальная креативность (оригинальность по тесту Медника). Корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи (тау Кендалла) между показателем эффективности решения групповых задач, композитной оценкой по социальному интеллекту и невербальной креативностью (показатели оригинальности и гибкости по тесту Торренса). Значимые различия между эффективностью совместной групповой деятельности и особенностями межличностного взаимодействия, а также их взаимосвязи не выявлены.

Отсутствие внятных результатов о непосредственном влиянии особенностей межличностного взаимодействия на эффективность совместной интеллектуальной деятельности предопределило отдельное рассмотрение данных о характере межличностных отношений. Был осуществлен иерархический кластерный анализ методом агломераций с мерой сходства Евклидово расстояние. По особенностям межличностного взаимодействия при решении групповых задач удалось выявить 3 типа испытуемых. Первый тип испытуемых характеризуется повышенной активностью почти по всем показателям межличностного взаимодействия, за исключением показателей «оригинальность выдвигаемых идей», «оценивание других», «обращение за пояснением», при этом была четко определена подгруппа, наделенная в ходе решения полномочиями для презентации группового решения и, соответственно, имеющая максимальные баллы по данному показателю. Для данных испытуемых характерен повы-

шенный уровень познавательных способностей, а по показателям общего интеллекта, одному из субтестов социального интеллекта и показателю работанности теста невербальной креативности Торренса эти испытуемые имеют максимальные баллы. Второй тип характеризуется средней выраженностью показателей межличностного взаимодействия, средним уровнем развития познавательных способностей с понижением по отдельным показателям социального интеллекта и невербальной креативности. Третий тип – «пассивные» – характеризуется низкими показателями межличностного взаимодействия, вероятно, вследствие низкого уровня развития всех измеряемых познавательных способностей. Помимо перечисленных групп, выявлены испытуемые с нетипичным межличностным взаимодействием, с контрастными паттернами поведения при решении групповых задач, однако именно такие испытуемые обладают наивысшими показателями интеллекта и креативности по всей подвыборке. Отметим, что наиболее высокий уровень дискурсивных способностей наблюдался у испытуемых, наделенных полномочиями и у испытуемых с нетипичным характером межличностного взаимодействия.

При проведении исследования совместной интеллектуальной деятельности в ходе группового решения различных типов задач проводилась экспертная оценка эффективности по степени правильности, полноте и оригинальности достигнутых каждой группой решений. Группы получили балльные оценки по каждому типу задач и в целом по результатам группового решения. Анализ полученных ре-

зультатов показал, что максимальная эффективность группового решения зависит от нескольких переменных. Во-первых, это состав группы по типу межличностного взаимодействия. Максимальная эффективность наблюдалась в группе, треть членов которой (4 человека из 11) характеризовалась нетипичным межличностным взаимодействием. В группах с минимальными показателями эффективности примерно поровну были представители всех трех типов межличностного поведения и ни одного «девианта». Вторая переменная, обуславливающая эффективность решения групповых задач, – уровень выраженности дискурсивных способностей. Наиболее высокие результаты показали группы с наивысшим и наименьшим средним уровнем выраженности дискурсивных способностей. Третья переменная, влияющая на эффективность решения групповых творческих задач, – повышенный уровень креативности. При этом взаимосвязь эффективности и креативности обусловлена типом материала: при более высоком уровне невербальной креативности успешнее решаются невербальные задачи, а при более высоком уровне вербальной креативности – вербальные. Повышение активности по следующим специфическим характеристикам при групповом решении задач – «выдвижение оригинальных идей», «продолжительность работы с подсказками», «высокий темп деятельности» – негативно сказывается на эффективности группового решения.

Полученные результаты объясняются спецификой решения творческих задач, требующих неординарных действий, что буквально проявляется в диспропорциях особенностей меж-

личностного взаимодействия у отдельных участников группового решения. Контрастирующее с общей активностью преобладание отдельных паттернов поведения, вероятно, способствует неординарности всего группового процесса и выдвиганию новых идей, способствующих решению. Предполагаемая линейная модель взаимосвязи уровня дискурсивных способностей и эффективности совместной интеллектуальной деятельности уступила место контрастной модели: эффективности совместной интеллектуальной деятельности способствуют крайности дискурсивности. Если высокий

уровень дискурсивных способностей в группе с максимальной эффективностью вполне объясним, то в группе с низким уровнем дискурсивных способностей, очевидно, имеет место нарушение коммуникаций, стимулирующее, вероятно, творческий потенциал участников, направленный как на восстановление нормальных коммуникаций, так и на решение творческой задачи. Средний уровень дискурсивных способностей при групповом решении творческих задач следует признать своеобразным пессимом при оценке эффективности совместной интеллектуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бузин В.Н. Краткий ориентировочный тест // Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики. М., 1989. С. 112–126.
2. Воробьева Е.В. Влияние способа общения на интеллектуальную продуктивность (на материале монозиготных близнецов в возрасте 13–14 лет): дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 187 с.
3. Воронин А.Н. Диагностика невербальной креативности (краткий вариант теста Торренса) // Методы психологической диагностики: Вып. 2. / ред. А.Н. Воронина. М., 1994. С. 5–40.
4. Воронин А.Н. Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М., 2015. 176 с.
5. Воронин А.Н. Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М., 2004. 270 с.
6. Воронин А.Н. Интеллект и креативность в совместной деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 376 с.
7. Воронин А.Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3. С. 35–58.
8. Воронин А.Н., Галкина Т.В. Диагностика вербальной креативности (адаптация теста Медника) // Методы психологической диагностики: Вып. 2. / ред. А.Н. Воронин. М., 1994. С. 40–81.
9. Воронин А.Н., Горюнова Н.Б. Влияние межличностных отношений на эффективность совместной интеллектуальной деятельности студентов // Психология обучения. 2014. № 8. С. 60–71.
10. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М., 1995. 276 с.
11. Дружинин В.Н., Хазратова Н.В. Экспериментальное исследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 37–54.
12. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. № 6. С. 62–88.

13. Корнилова Т.В. Метод наблюдения процесса взаимодействия людей в дискуссии (методика Р. Бейлза) // Общий практикум по психологии. Метод наблюдения. Ч. II. М., 1985. С. 25–57.
14. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 445 с.
15. Михайлова Е.С. Тест Дж. Гилфорда и М. Салливена. Диагностика социального интеллекта. Методическое руководство. СПб., 2006. 56 с.
16. Обозов Н.Н. и др. Психология управления в условиях совместной деятельности: коллективная научная монография СПб., 2012. 247 с.

REFERENCES

1. Buzin V.N. Kratkii orientirovochnyi test [Quick approximate test] Praktikum po psikhodiagnostike. Konkretnye psikhodiagnosticheskie metodiki [Workshop on Psychological Diagnostics. Specific Methods of Psychodiagnosics]. М., 1989. Pp. 112–126.
2. Vorob'eva E.V. Vliyaniye sposoba obshcheniya na intellektual'nyuyu produktivnost' (na materiale monozigotnykh bliznetsov v vozraste 13–14 let): dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The Influence of the Method of Communication and Intellectual Productivity (Based on the Monozygotic Twins at the Age of 13–14): Thesis... Candidate of Psychological Sciences]. М., 1997. 187 p.
3. Voronin A.N. Diagnostika neverbal'noi kreativnosti (kratkii variant testa Torrensa) [Diagnosis of Non-Verbal Creativity (a Short Version of the Test Torrens)] // Metody psikhologicheskoi diagnostiki. 1994. Issue 2. Pp. 5–40.
4. Voronin A.N. Diskursivnye sposobnosti: teoriya, metody izucheniya, psikhodiagnostika [Discursive Abilities: Theory, Methods of Study, Psychological Testing]. М., 2015. 176 p.
5. Voronin A.N. Intellect i kreativnost' v mezhlichnostnom vzaimodeistvii [Intelligence and Creativity in Interpersonal Interaction]. М., 2004. 270 p.
6. Voronin A.N. Intellect i kreativnost' v sovместnoi deyatelnosti : dissertatsiya ... doktora psikhologicheskikh nauk [Intelligence and Creativity in Collaborative Activities : Thesis ... Doctor of Psychology]. М., 2004. 376 p.
7. Voronin A.N. Intellektual'naya deyatelnost': proyavlenie intellekta i kreativnosti v real'nom vzaimodeistvii [Intellectual Operation: the Manifestation of Intelligence and Creativity in Real Interaction] // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2006. no. T. 3. № 3. Pp. 35–58.
8. Voronin A.N., Galkina T.V. Diagnostika verbal'noi kreativnosti (adaptatsiya testa Mednika) [Diagnosis of Verbal Creativity (Adaptation Mednick's Test)] // Metody psikhologicheskoi diagnostiki. 1994. Issue 2. Pp. 40–81.
9. Voronin A.N., Goryunova N.B. Vliyaniye mezhlichnostnykh otnoshenii na effektivnost' sovместnoi intellektual'noi deyatelnosti studentov [The influence of interpersonal relationships on the effectiveness of joint intellectual activity of students] // Psikhologiya obucheniya. 2014. no. 8. Pp. 60–71.
10. Druzhinin V.N. Psikhologiya obshchikh sposobnostei [Psychology of General abilities]. М., 1995. 276 p.
11. Druzhinin V.N., Khazratova N.V. Eksperimental'noe issledovanie formiruyushchego vliyaniya mikrosredy na kreativnost' [Experimental Study of the Formative Influence of Microenvironment on Creativity] // Psikhologicheskii zhurnal. 1994. no. 4. Pp. 37–54.
12. Zhuravlev A.L. Spetsifika mezhdistsiplinarynykh issledovaniy v psikhologii [The Specificity of Interdisciplinary Studies in Psychology] // Psikhologicheskii zhurnal. 2002. no. 6. pp. 62–88.
13. Kornilova T.V. Metod nablyudeniya protsessа vzaimodeistviya lyudei v diskussii (metodika R. Beilza) [Method of observation of the process of interaction between people in the dis-

cussion (methodology by R. Bales)] *Obshchii praktikum po psikhologii. Metod nablyudeniya. CH. II* [General Practicum in Psychology. The Method of Observation. Part II]. M., 1985. Pp. 25–57.

14. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. M., 1984. 445 p.
15. Mikhailova E.S. *Test Dzh. Gilforda i M. Sallivena. Diagnostika sotsial'nogo intellekta. Metodicheskoe rukovodstvo* [Test of John. Guildford and M. Sullivan. Diagnostics of Social Intelligence. Methodological Guidance]. SPb., 2006. 56 p.
16. *Psikhologiya upravleniya v usloviyakh sovmestnoi deyatelnosti: kollektivnaya nauchnaya monografiya* [Psychology of Management in the Conditions of Joint Activities: Collective Scientific Monograph]. Obozov N.N. and others 2012. 247 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН (г. Москва);
e-mail: voroninan@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voronin Anatoly N. – Doctor of Psychology, Professor, Senior Researcher of Speech Psychology Laboratory, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: voroninan@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Воронин А.Н. Эффективность совместной интеллектуальной деятельности при групповом решении задач // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-22-29

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Voronin. Efficiency of collective intellectual activities in the process of group problem solving // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-22-29

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-30-48

МОТИВАЦИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА КАК КОМПОНЕНТ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ЕДИНОЙ ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВУЗА (ЧАСТЬ 1. СТУДЕНТЫ: ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА)

Булгаков А.В.¹, Чистоходова Л.И.², Павлютенкова О.А.³

¹ *Московский университет Министерства внутренних дел*

Российской Федерации имени В.Я. Кикота

117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12, Российская Федерация

² *Московский государственный областной университет*

105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

³ *Электростальский политехнический институт – филиал Московского*

государственного машиностроительного университета (Университет машиностроения)

144000, г. Электросталь Московской обл., ул. Первомайская, д. 7,

Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты социально-психологического мониторинга членов профсоюза четырех вузов г. Москвы, проведенного в марте-июне 2016 г. на выборке 419 чел.: 200 студентов и 219 преподавателей. В настоящей части статьи раскрыты мотивы профсоюзного членства студентов, проведена оценка эффективности основных направлений деятельности профсоюза вуза. Для студентов основными мотивами профсоюзного членства являются: реализация активности в общественной жизни; помощь, поддержка, защита прав членов профсоюза; личностный и профессиональный рост; участие в культурно-просветительской, спортивной работе, оздоровлении. Причины недостаточной заинтересованности студентов при вступлении в профсоюз: недостаточное понимание функций организации, нежелание платить взносы, невысокий авторитет профсоюзной организации, уверенность в возможности самостоятельной защиты своих прав. Условиями увеличения профсоюзного членства в вузе студенты считают: более активное информирование о деятельности профкома, активизация работы профкома, повышение уровня сознательности.

Ключевые слова: деятельность профсоюза, межгрупповая адаптация в организации, мониторинг, мотивация профсоюзного членства, профсоюз, социальное партнерство.

MOTIVATION OF UNION MEMBERSHIP AS A COMPONENT OF INTERGROUP ADAPTATION OF STUDENTS AND TEACHERS IN THE UNITED TRADE UNION OF A UNIVERSITY (PART 1. STUDENTS: MOTIVATION PROBLEM OF UNION MEMBERSHIP)

A. Bulgakov¹, L. Chistokhodova², O. Pavlyutenkova³

¹ *Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot*

12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, the Russian Federation

² *Moscow State Regional University*

10A, Radio str., Moscow, 105005, the Russian Federation

³ *Elektrostal Polytechnic Institute – Branch of Moscow State Mechanical Engineering University*

7, Pervomaiskaya str., Elektrostal, Moscow Region., 144000, the Russian Federation

Abstract. Article presents the results of the social and psychological monitoring of union members of four high schools of Moscow, conducted in March and June 2016 on a sample of 419 people: 200 students and 219 teachers. The present part of the article discloses the motives of students' membership in the university union; the main directions of the university union activities are also outlined. Among the main motives there are: the realization of social life activity, assistance, support and protection of the union members' rights; personal and professional growth; participating in cultural enlightening, sport events and health improvement. Reasons for students' lack of interest when joining the union are as follows: lack of understanding of the organization functions, unwillingness to pay fees, low credibility of the trade union organization, certitude in ability to protect own rights by themselves. The students consider greater awareness about the activities of the trade union committee to be one of the terms of increasing university union membership. Besides, the increase of trade union's activities and of consciousness levels are the other important terms.

Key words: union activities, intergroup adaptation of the organization, monitoring, motivation, trade union membership, trade union, social partnership.

Статья продолжает развитие идей и практических наработок авторов: по дальнейшей диверсификации концепции межгрупповой адаптации (МГА) в организации (А.В. Булгаков) [4; 5; 6; 34]; по уточнению концепций управления образовательными организациями, развития профессиональной идентичности специалиста (Л.И. Чистоходова) [29; 30]; в изучении мотивации профсоюзного членства в реальных условиях российского вуза (О.А. Павлютенкова). Методологическую основу проведенного исследования составляют концепции А.В. Булгакова и Л.И. Чистоходовой, методическую – опыт проведения мониторинга в профсоюзной организации вуза О.А. Павлютенковой. Остановимся на основных определениях и некоторых ключевых методологических принципах проведения исследования.

Межгрупповая адаптация в организации представляет собой процесс оптимизации взаимодействия групп, характеризующихся соответствующими субкультурами, основу которых составляют **мотивационные**, когнитивные,

эмоциональные, поведенческие и интегральные компоненты, выступающие в единстве двух аспектов: структурно-функционального и ценностно-мировоззренческого [5; 34]. В определении нас в первую очередь интересуют мотивационные компоненты МГА.

В построении методологических основ исследования МГА целесообразно реализовать методологический подход «контролируемый эклектизм» [32] логично связанный с представлениями Р. Мертона о теориях среднего уровня, теориях «посредниках» между эмпирическим и теоретическим исследованием [35]. Вслед за П. Штомпкой мы старались привести к единому знаменателю разные источники различных теоретических направлений. Основой стала концепция МГА А.В. Булгакова, являющаяся теорией среднего уровня [14]. Если это так, то не зависимо на каком эмпирическом материале получен такой вывод теория пригодна для выдвижения работающих гипотез.

Дискуссия о мотивации профсоюзного членства является самой популярной в профсоюзах, начиная с момента трансформации российского общества [12]. При этом тема попала в международный тренд профсоюзных проблем [20]. Мотивация профсоюзного членства – устойчивая по актуальности проблема профсоюзных организаций. Проблеме посвящены огромные интернет ресурсы (более 94 тыс. ссылок за 0, 29 сек., 13.08.2016). В свою очередь электронная база Российской государственной библиотеки дает более 10 тыс. ссылок на авторефераты диссертаций, в которых употребляется слово «профсоюз». Экономические и исторические науки около 2,5 тыс. в каждой области, юриспруденция – бо-

лее 1 тыс., политология, социология, педагогика, технические науки около или более 600, философия, филология, медицина – 300, искусствоведение – 117, психологические науки – 78, из них 42 автореферата 1986–2014 гг., связанных с проблематикой мотивации. Хотя следует признать, что содержание психологи в прямой постановке вопроса членов профсоюза не изучали его как организацию. В авторефератах представлены ссылки или на апробацию результатов психологического исследования (публикации в профсоюзных журналах, выступления на профсоюзных конференциях, семинарах, в системе обучения профактива и др.), или даются рекомендации для внедрения полученных итогов в профсоюзных организациях. Таким образом, такой социальный институт, как профсоюз, сегодня интересует ученых и практиков с не меньшей силой, чем на протяжении прошлого века, а для психологов наиболее важными являются внутренние вопросы мотивации профсоюзного членства в их взаимосвязи с динамично меняющимися внешними условиями.

Проблема мотивации – проблема сохранения профсоюзов России как массового движения с социально привлекательными целями, а мотивация членства – главный стратегический ресурс. Если раньше мотивация практически не имела значения для вступления в профсоюз, так как прирост развития численности осуществлялся профсоюзной организации автоматически при найме работника, то сейчас он входит в ситуацию личного выбора: вступать в профсоюз или нет. По меткому выражению Г. Лейбница: «Выбор всегда должен опираться

на какое-то основание или принцип» [16]. Таким основанием, безусловно, является мотивация. Еще 30 лет назад при огромной численности на групповом и организационном уровне основная функция профсоюзов осуществлялась как объединительная и распорядительная, а основная, базовая функция профсоюза – защитная – не акцентировалась, то сегодня защитная функция имеет полный приоритет. Есть и другие психологические сложности. Во-первых, проблема нереализованных ожиданий. Профсоюзные активисты работают вполне успешно, затрачивают огромные усилия на вовлечение новых членов [13], но, приходя в профсоюз, новые члены профсоюза оказываются очень недовольны, так как организация не отвечает их целям и ожиданиям. В такой ситуации необходимо менять подход к мотивации профсоюзного членства, идти прежде всего от потребностей, социальных представлений работников. Во-вторых, комплекс проблем, связанных с технологией мотивирования, с технологиями, построенными на слабо работающих сегодня теориях и устаревших практиках. По мнению профсоюзных лидеров, многочисленных опросов, проводимых в профсоюзных организациях мотивация профсоюзного членства зависит от информированности работников; от фактического укрепления социального партнерства; от реальной защиты работников профсоюзной организацией; от уровня привлечения работников к активному участию в профсоюзной работе (возможность самореализации); от качества подготовки и проведения мероприятий; от личных особенностей профсоюзного лидера; от наличия по-

стоянно действующей и эффективной системы обучения профсоюзного актива, рядовых членов профсоюза; от опоры на молодежь [26].

Ученые дают рекомендации по повышению эффективности перечисленных направлений деятельности профсоюзных организаций. От традиционных по улучшению психологических условий труда, например, рабочих горячих цехов металлургической промышленности [21], членов экипажей судов гражданской авиации [25], кадров государственной службы [2; 3; 18], шахтеров [10], организации умственного труда студентов [31] до решения социально-психологических проблем управления женским производственным коллективом [24], психологической поддержки деятельности персонала органов управления молодежных общественных организаций [19]. Особое место занимают исследования психологии обучения активной молодежи в профсоюзе [8; 23]. Несмотря на фиксацию неудовлетворенности [7], даже недоверия к профсоюзам как общественной организации [1], психологи вспомнили хорошо забытое представление о профсоюзах, как о школе воспитания и подготовки кадров [8; 9; 11; 15; 17; 27], социальной элиты общества [28].

Среди часто встречающихся мотивационных факторов профсоюзного членства, как в перечисленных работах, так и во многих других текстах и документах, считаем важным сделать акцент на конгруэнтности индивидуальной работы с молодежью [22] и возрождении коллективистских начал профсоюзного движения [23]. Нивелирование профсоюзного коллективизма привело к тому, что среди работ-

ников утеряно само понимание, что они наемные и работодатель в любой момент может ущемить их права, что защищать себя они могут только коллективно при помощи профсоюзной организации.

В исследовании мотивация профсоюзного членства изучалась по циклической (кольцевой) схеме управления деятельностью профсоюзной организации Р.Г. Мюрдика и И.В. Росса [33] в авторской адаптации О.А. Павлютенковой. Особое значение в цепочке повышения социальной роли и эффективности деятельности профсоюза в вузе играет социальное партнерство – взаимодействие администрации и преподавателей, преподавателя и студента в их совместной работе по повышению уровня квалификации, знаний и умений в области общественной деятельности.

Настоящее исследование проводилось в рамках мониторинга «Психолого-экономическое обоснование социальных инвестиций Московской городской организации Профсоюза народного образования и науки РФ». Цель исследования – выявление факторов мотивации профсоюзного членства, оценка эффективности деятельности профсоюзных организаций в этом направлении, обоснование на основе концепции МГА возможности слияния студенческого профсоюза и профсоюза работников (преподавателей) в единую профсоюзную организацию вуза. Объект – мотивационный компонент межгрупповой адаптации членов различных профсоюзных организаций студентов и преподавателей в вузе. Предмет – факторы мотивации профсоюзного членства. Задачи, решаемые исследованием: во-первых, выявление рисков и ресурсов налаживания

социального партнерства в рамках совместной деятельности профсоюзных организаций, ее членов и администрации вузов, преподавателей и студентов. Во-вторых, определение факторов повышения мотивации профсоюзного членства, разработка рекомендаций по преодолению стагнации членства, выраженной тенденции уменьшения членов профсоюза в отдельных организациях, снижение общественной активности. В-третьих, обоснование мероприятий по повышению результативности деятельности профсоюзной организации в ситуации структурных изменений в образовании: сокращении, слиянии образовательных организаций, оптимизации их численности в сторону сокращения, увеличении нагрузки на преподавателей, сокращение рынка труда и т.д. Гипотеза исследования: попарное сравнение показателей мотивации профсоюзного членства студентов и преподавателей в полярных группах результативных и нерезультативных профсоюзных организаций позволит выявить ее структуру в каждой из сравниваемых групп. Соотнесение элементов структуры мотивации профсоюзного членства с эффективностью различных направлений деятельности профсоюза позволит определить как проблемные области, так и неиспользуемые ресурсы. Использование технологий межгрупповой адаптации в организациях разрешит проблему оптимизации единой профсоюзной организации вуза при слиянии студенческой профсоюзной организации и профсоюза работников (преподавателей). Основной стратегией реализации результатов исследования, его цели и задач является «стратегия роста» профсоюзной организации

на предмет повышения ее численности, социальной активности, статуса и имиджа.

Для проведения сравнительного анализа мотивации профсоюзного членства в полярных группах были определены результативные и нерезультативные профсоюзные организации вузов по критерию «членство в профсоюзе». Показатели – тенденция рост/снижение членов профсоюза, общественная активность, информационная работа, правовое обеспечение, уплата членских взносов и др. – определялись на основании экспертных оценок руководства МГО Профсоюза, изучения документов. Авторами разработан диагностический инструментарий. Группа из 12 профсоюзных активистов, прошедших обучение по методике опроса, под руководством О.А. Павлютенковой проводила обследование членов профсоюза студентов и преподавателей 4-х вузов. После чего осуществлялась математико-статистическая обработка результатов как по специально созданной компьютерной программе, так и с помощью стандартных статпакетов STATISTICA, SPSS. Для определения статистически значимых различий на уровнях $p < 0,05$; $p < 0,01$ или отсутствия различия применялся хи-квадрат критерий Пирсона. Результаты обследования интерпретировались по разработанной на основании теоретической модели схеме.

Опрашиваемым предъявлялся достаточно сложный многоуровневый диагностический инструмент в виде анкеты, в которую вошли, во-первых, *исследование структуры социальных представлений* о профсоюзе у студентов и преподавателей. Методологической основой является структурный

подход Ж.-К. Абрика. Сбор эмпирического материала проведен с помощью метода свободных словесных ассоциаций (предварительное задание в анкете). Полученные данные обработаны с использованием прототипического анализа (по П. Вержесу) и контент-анализа. В итоге выделены и описаны обобщенные понятийные категории, синтезирующие структурные элементы представлений: а) ядро – устойчивая часть представлений и б) периферия социальных представлений о профсоюзе – возможный ресурс для изменений. Во-вторых, *изучение организационной культуры вузов* по модернизированной нами методике «Диагностика организационной культуры» К. Куинн и Р. Камерон [34]. В-третьих, *изучение мотивации к деятельности* на основе модернизированного авторами, опросника «Мотивационный профиль» П. Мартин и Ш. Ричи [34]. В опроснике были частично изменены для лучшего понимания формулировки отдельных вопросов, количество вопросов уменьшено с 33 до 15. Оба опросника прошли все психометрические процедуры. На выборках 50–100 чел. проведена их стандартизация, уточнена валидность и надежность после проведенной модернизации. Практическая валидность методик «Диагностика организационной культуры» – 0,611, «Мотивационный профиль» – 0,632. Она определялась на основании корреляции между данными теста и внешним критерием «Наблюдаемое экспертами поведение и результаты деятельности участников опроса». Очевидная валидность – соответственно 0,44 и 0,53. Надежность составила 0,812 (тест-ретест) и 0,93 (для альфа Кронбаха).

В-четвертых, *авторская анкета по проблеме*. Анкета состояла из блоков, в которые вошли открытые и закрытые вопросы. Для ответов использовались различные варианты шкалы Лайкерта: от «полностью согласен» до «совсем не согласен», оценка по 5-балльной шкале, выставление рейтингов от 1 до 5 баллов. Это позволило в дальнейшем провести сравнение по частотности предъявления тех или иных ответов.

Блок 1. «Демографические данные члена профсоюза». В него вошли вопросы о поле, возрасте, стаже и активности в профсоюзе, о специальности или направлении подготовки, курсе обучения.

Блок 2. «Цели вступления в профсоюз». В блок вошли вопросы о цели вступления в профсоюз и помощи профсоюза в их достижении.

Блок 3. «Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность». Вопросы о необходимости профсоюза в вузе, об авторитете и влиянии профкома на студенческий коллектив, деятельности профсоюзной организации, удовлетворенности ею по решению вопросов обеспечения прав членов профсоюза.

Блок 4. «Информационное обеспечение деятельности профсоюза». Вопросы об источниках получения информации о деятельности профсоюзной организации, частоте их использования, удовлетворенности качеством (полнотой, сроками, полезностью) получаемой информации от профсоюзной организации.

Блок 5. «Уровень взаимодействия руководства профсоюза со своими членами». Вопросы о частоте, целях посещения профкома.

Блок 6. «Направления деятельности профсоюза»:

а) микроблок: «Оздоровление членов профсоюза». Вопросы о знании, использовании и желании участвовать в программах по оздоровлению членов профсоюза;

б) микроблок «Организационно-массовая работа». Вопросы о желании принять в них непосредственное участие;

в) микроблок «Обучение членов профсоюза». Вопросы о существующих формах обучения членов профсоюза;

г) микроблок «Помощь, поддержка». Вопросы о наличии и реальной моральной и материальной поддержки от профсоюзной организации;

д) микроблок «Культурно-просветительская работа». Вопросы о направлениях культурно-просветительской деятельности профсоюзной организации, которые вызывают наибольший интерес;

е) Микроблок «Улучшение работы профсоюзной организации». Вопросы о степени значимости наиболее важных направлений деятельности профсоюзной организации, о недостатках в работе, о том, что следует улучшить.

Блок 7. «Привлечение членов профсоюза». Вопросы об отношении администрации вуза к профсоюзной организации, наличии соглашения, знании его содержания; о причинах недостаточной заинтересованности студентов при вступлении в профсоюз; о причинах недостаточной эффективности работы первичных профсоюзных организаций; об условиях возможного увеличения профсоюзного членства; о мероприятиях, способных повысить авторитет профсоюзной организации и привлечь новых членов профсоюза (в том числе, молодежь).

Исследование проводилось в формате сравнения данных обследования результативной студенческой профсоюзной организации Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) – 100 чел. и менее результативной профсоюзной организации Московского городского педагогического университета (МГПУ) – 100 чел. Общая выборка 200 студентов.

Несмотря на различия поло-ролевого состава выборок, профессиональной направленности вузов не было выявлено статистически значимых различий в оценке организационных культур вузов и мотивационных профилей студентов ($\chi^2=3,675$ при табличном $\chi^2=6,635$). МАДИ – преобладание технических специальностей, большинство юношей, МГПУ – превалирование гуманитарных специальностей, большинство девушек. Несмотря на то, что сравнение показателей мотивационного профиля и организационной культуры по контрастным группам статистически достоверно не дали результата, их связь с мотивацией членства в профсоюзе может быть определена по обобщенной выборке студенчества.

Мотивационный профиль студентов вузов: мотивационный фактор (МФ) МФ-5 взаимоотношения – низкий, МФ-6 признание – низкий, МФ-8 власть, влияние – низкий, МФ-9 разнообразие, перемены – низкий, МФ-12 интересная и полезная работа – низкий. Мотивационный профиль содержательно характеризуется следующими позициями. В сфере межличностных и профессиональных отношений у студентов в значительной мере удовлетворена или не сформиро-

вана потребность устанавливать или поддерживать тесные взаимоотношения с коллегами или руководителями в ситуации, когда нет необходимости долгосрочно планировать совместную деятельность. Студенты часто равнодушны к мнению о себе других людей, иногда безразличны, глухи к потребностям других. Стремление оказывать или даже пытаться оказывать влияние на окружающих выражено слабо. Сказывается как недостаточный опыт коллективного взаимодействия, так и доминирующий в образовательной деятельности индивидуализм, где каждый сам за себя несет ответственность. В профессиональной и образовательной сфере они готовы к скучной и рутинной работе, а выполнение работы не зависит от того, интересна ли она и имеет ли общественную пользу. Психологические особенности возрастного развития – юношество, молодость – период наибольшей активности во взаимоотношениях с другими, период проб и ошибок, рисков и открытий. Сформированный уровень мотивации не представляет из себя мощного и быстро реализующегося потенциала в профессиональной деятельности. Однако можно ожидать при опосредованном, продуманном, тщательно спроектированном воздействии через систему включения студентов в активную профсоюзную деятельность, студенческую самоорганизацию компенсации проявлений неконструктивного индивидуализма.

Организационная культура вузов оценивается как культура «Отношений». Вуз и соответственно профсоюз воспринимаются как организации семейного типа, которые проникнуты разделяемыми всеми студентами цен-

ностями и целями, сплоченностью, соучастием, индивидуальностью и ощущением вуза, профсоюза как «мы». Такие организации больше похожи на большие семьи, чем на образовательные объекты и объекты общественной деятельности. Типичным является полуавтономная деятельность факультетов, где оцениваются скорее не индивидуальные успехи, а коллективные (групповые, курсовые), при публичном поощрении отдельных лучших студентов. Студенты в значительной степени доверяют руководителям вуза и профсоюза, видят в них партнеров. Задача руководителей профсоюза состоит в делегировании студентам полномочий и облегчении условий их участия в деятельности профсоюза, проявлении преданности делу и преданности профсоюзной организации.

Организационная культура «Отношений» имеет высокий потенциал для проведения профсоюзной работы. Она характеризует вуз, профсоюз как дружное место учебы, общественной работы, где люди имеют много общего и доверяют друг другу. Профсоюзные лидеры здесь – воспитатели и, возможно, даже родители. Велика роль традиций, высока обязательность организации, значение придается высокой степени сплоченности коллектива и моральному климату. Успех деятельности определяется в терминах здорового внутреннего климата и заботы о людях. Таким образом, профсоюзные лидеры в обследуемых вузах должны быть соратниками, воспитателями, родителями. Критерии эффективности профсоюзной организации: сплоченность, моральный климат, развитие человеческих ресурсов. Главная цель:

формирование и укрепление преданности делу профорганизации.

Перейдем к анализу *социальных представлений студентов о профсоюзе*. В МАДИ ядро представлений составляют практически равномерно распределенные, количественно уравновешенные группы понятий: 1) экскурсии, путешествия, отдых, веселье; 2) помощь, поддержка, защита в разных формах; 3) друзья, дружба, сплоченность; 4) ответственность, организованность, мероприятия, руководители; 5) активность. В МГПУ ядро представлений более размыто, где первые две позиции занимают основу: 1) организация, сообщество, объединение, союз, люди; 2) помощь, поддержка, защита в разных формах; 3) мир, труд, май; 4) работа; 5) СССР. Общими представлениями о профсоюзе у всех студентов является помощь, поддержка, защита в разных формах (25–33 %). Все остальные позиции являются в большей степени отражением результатов реальной деятельности профсоюзов или желаний такой деятельности. Важным ресурсом изменения представлений о профсоюзах является их периферия. У студентов МАДИ – общение и этика взаимоотношений. У студентов МГПУ – мероприятия, дружба. Использование этого знания будет способствовать мотивации членства в профсоюзах.

Результаты анкеты по блокам. Блок «Цели вступления в профсоюз». Существенные различия выявлены в области целеполагания. Так, только 5 % студентов результативных профсоюзных организаций не смогли назвать цели вступления в профсоюз, в неэффективных – 78 %. По целям особо выделяются: реализация актив-

ности в общественной жизни 31 % в эффективных, против 9 % в неэффективных, помощь поддержка 25 % против 9 %, личностный и профессиональный рост 12 % против 2 %, специфическая цель для МАДИ – экскурсии – 15 % против 0 % в МГПУ.

Блок «Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность». Студенты различно относятся к деятельности профсоюза в вузе, неодинаково оценивают его авторитет, иначе испытывают удовлетворенность от его работы. В более результативной профсоюзной организации по членству существует явно выраженная тенденция от «не совсем удовлетворен» к «удовлетворен», в неэффективной – практически равновесное состояние между этими оппозициями. Если авторитет и результаты деятельности профсоюза в оценках студентов не отличаются, удовлетворенность от нее имеет статистически значимые отличия. В МАДИ наблюдается тенденция роста удовлетворенности, в МГПУ стагнация данного показателя.

Блок «Информационное обеспечение деятельности профсоюза» по форме и разнообразию происходит в сравниваемых вузах одинаково, однако оценки результативности, удовлетворенности скоростью и полнотой представляемой информации разнятся статистически значимо. Показательные данные частотности использования тех или иных форм информирования в профсоюзных организациях.

Блок «Уровень взаимодействия руководства профсоюза со своими членами» в МАДИ и МГПУ отличается по показателю отсутствия посещений. В МГПУ 59 % опрошенных (против 9 % в МАДИ) не посещают профком, хотя

цели посещений у студентов обоих вузов одинаковые: решение проблем, получение консультации, получение информации, просто пообщаться.

Блок «Направления деятельности профсоюза»: микроблок «Оздоровление членов профсоюза». Данный показатель значимо отличается в результативных и нерезультативных профсоюзных организациях по росту членства в них. Основной вклад в отличие вносит отсутствие возможности пользоваться инфраструктурой профсоюза в целях укрепления здоровья. 68 % студентов МГПУ против 15 % МАДИ не пользовались ею. Микроблок «Организационно-массовая работа»: по частоте участия студенты МАДИ отличаются в 2–3 раза от студентов МГПУ. Особую популярность имеют соревновательные, научные и творческие мероприятия (31–36 %). Выявлено различие вузов по показателю «Обучение членов профсоюза». Особое внимание привлекает значительное количество студентов, затруднившихся ответить на вопрос – 57 % в МГПУ против 4 % в МАДИ, что фактически говорит об отсутствии целенаправленной работы профкома в этой области. Особую популярность среди студентов имеют школы профсоюзного актива (31 %). «Культурно-просветительская работа» в сравниваемых вузах организована. Профсоюзные организации дифференцирует активность их членов: в МГПУ 13 % против 2 % студентов МАДИ не участвуют в культурно-просветительской работе. Микроблок «Улучшение работы профсоюзной организации»: структура представлений студентов о наиболее значимых направлениях деятельности профсоюза имеют общую тенденцию

(статистически не отличаются). Имеющиеся количественные различия по всем показателям, когда студенты МАДИ превосходят студентов МГПУ, говорят об интенсивности культурно-просветительской работы в этих профсоюзных организациях. На первом месте в обеих организациях стоит защита прав членов профсоюза, далее она раскрывается в конкретных показателях студенческой жизни: своевременность выплаты стипендий, условия проживания, питания и т.д., взаимодействие с государственными органами (военный учет, регистрация и др.). Конкретизированный список направлений работы профсоюзной организации имеет следующую тенденцию. Полученные данные говорят о наиболее популярных из них (от 32 до 25 %): культурно-просветительская работа (поездки, экскурсии, билеты в театры и т.д.), организационно-массовая работа (участие в митингах, шествиях, слетах, создании и развитии форм студенческого самоуправления), спортивно-оздоровительная работа (ДМС, турниры, соревнования и т.д.). Статистически значимое различие ($p < 0,01$) имеют ответы студентов в оценке отношений администрации образовательного учреждения и профсоюзной организации. В МАДИ администрация уважает профсоюз – 85 % против 54 % в МГПУ, не уважает – 1 % против 19 %.

Блок «Привлечение членов профсоюза» показал отсутствие отличий в выборке МАДИ и МГПУ. Причинами недостаточной заинтересованности студентов при вступлении в профсоюз являются: недостаточное понимание функций организации, нежелание платить взносы, невысокий авторитет про-

фсоюзной организации, уверенность в возможности самостоятельной защиты своих прав. Основные причины недостаточной эффективности работы первичных профсоюзных организаций (МГПУ и МАДИ) – ограниченные финансовые возможности (28–17 %), недостаточная поддержка со стороны вышестоящего профоргана (17–10 %), недостаточная информированность членов профсоюза (14–20 %) – статистически не различаются, но показывают интенсивность работы в МАДИ по улучшению состояния дел по привлечению членов профсоюза. Условиями увеличения профсоюзного членства в вузе студенты считают: более активное информирование о деятельности профкома (32–34 %), активизация работы профкома (24–28 %), повышение уровня сознательности (24–23 %).

Результаты указывают на необходимость учить студентов проектировать будущее, возможность формулировать собственные желания и искать собственные цели, помогать в их реализации. Делать это не только в нерезультативных профсоюзных организациях, но и в результативных. Высокая естественная текучесть членов в студенческих профсоюзах не всегда позволяет жестко закрепить позитивную традицию в конструктивной постановке целей даже в них. В профсоюзной организации МАДИ наблюдается тенденция роста удовлетворенности ее деятельности, в МГПУ стагнация данного показателя. Напрашивается вывод об изменении как содержания, так и интенсивности работы студенческого профсоюза, поиска новых форм, использования новых или незамечаемых ресурсов.

Если построить тренды показателей стратегий информирования студентов

о работе профсоюза, то они практически идут параллельно, что говорит о полном отличии данных стратегий. Особое место занимают личная информационная работа профторгов и использование социальных сетей. Выявлен низкий интерес к официальным сайтам профорганизаций всех уровней (6–7 % опрошенных), СМС-сообщений (2 %) и электронной почте (6 %). Социальные сети (18 %) являются основной информационной площадкой, жизненным пространством студенчества.

Студенты МАДИ и МГПУ имеют различные на уровне $p < 0,05$ мнения об улучшении работы профсоюза в вузе. Общее мнение всех студентов – нужно улучшать социальные программы. Однако, если в результативной по членству профсоюзной организации в большей степени говорят о конкретном улучшении спортивно-оздоровительной работы, защиты прав членов Профсоюза, взаимодействия с государственными структурами и общественными организациями, то в нерезультативной – о работе с молодежью и молодыми кадрами в целом, как субъективном показателе ощущения отсутствия реальных действий со стороны профсоюзной организации. Привлекает внимание низкий показатель обеспокоенности студенчества в изменении такого важного показателя, как развитие и совершенствование системы социального партнерства (3–4 % опрошенных). С одной стороны, это непонимание, возможно, что и элементарное незнание, а с другой – отсутствие наглядных, ясных и измеряемых показателей результатов социального партнерства субъективно важных, а не просто декларируемых, для студента – члена профсоюза. Сре-

ди наиболее значимых направлений изменения работы доминируют (соответственно в МАДИ и МГПУ): усиление организации профсоюзной работы (43–57 %), информирование (46–31 %), этические проблемы (6–12 %). Такие показатели говорят не только о реальных желаниях студенчества в изменении деятельности профсоюза, но и косвенно показывают на правильную дифференциацию профсоюзных организаций. Там, где работа организована, например, информирование, там встают вопросы с этикой (взаимоотношениями, культурой поведения и т.д.) По мнению студентов МАДИ и МГПУ, мероприятия профсоюзной организации могут повысить ее авторитет и привлечь новых членов профсоюза, отношение к ним имеют статистически значимые различия ($p < 0,05$). Особое внимание обращает на себя приверженность студентов МАДИ к коллективным действиям. Видимо, имея позитивный опыт в этой области, студенты считают эти действия реальным вкладом в рост численности членов профсоюза. Такой же эффект дают праздничные, культурные, спортивные мероприятия (15 % у студентов МАДИ против 8 % МГПУ). Повышение стипендий как результат деятельности профсоюза студенты считают важнейшим фактором привлечения новых членов профсоюза (15–16 %). Кроме мероприятий, важным для роста профсоюза является знание о наличии и содержании соглашения с администрацией. Здесь выявлено отличие результативных и нерезультативных по членству профсоюзных организаций на уровне $p < 0,01$, в МГПУ 81 % против 41 % затруднились ответить на вопрос о знании соглашения.

Таким образом, выявленные направления могут стать не только основой мотивирования и вовлечения новых членов в студенческие профсоюзные организации, но и лечь в основу оптимальной межгрупповой адаптации в единой профсоюзной организации вуза. Исследованием вскрыта мотивационная структура членства в

профсоюзе студенчества – одного из наиболее динамично меняющихся субъектов межгруппового взаимодействия. В таблице представлены результаты сравнения студенческих выборок результативного и нерезультативного профсоюзов по критерию мотивации профсоюзного членства. Ее анализ позволяет сделать следующие выводы.

Таблица

Результаты сравнения результативной (МАДИ) и нерезультативной (МГПУ) студенческой профсоюзной организации (n=100, m=100, по хи-квадрат Пирсона)

Факторы мотивации членства (блоки анкеты)	№ вопросов, методика	Отличие (хи-квадрат критерий Пирсона)		
		Нет	0,05	0,01
Социальные представления о профсоюзе	Ассоциативная методика		+	
Мотивационный профиль	Тест	Нет		
Организационная культура	Тест	Нет		
Анкета				
Блок 1. «Демографические данные члена профсоюза»	1, 5, заключительные вопросы	Нет		
Блок 2. «Цели вступления в профсоюз»	3, 4			+
Блок 3. «Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность»	6, 7, 8, 9, 10			+
Блок 4. «Информационное обеспечение деятельности профсоюза»	11, 12, 13, 14			+
Блок 5. «Уровень взаимодействия руководства профсоюза со своими членами»	15, 16	Нет		
Блок 6. «Направления деятельности профсоюза»				
Микроблок: «Оздоровление членов профсоюза»	17, 18			+
Микроблок «Организационно-массовая работа»	19	Нет		
Микроблок «Обучение членов профсоюза»	20, 21		+	+
Микроблок «Культурно-просветительская работа»	22		+	
Микроблок «Улучшение работы профсоюзной организации»	23, 24, 25, 26	Нет		
Блок 7. «Привлечение членов профсоюза»	27, 28, 29, 30, 31, 32, 33		+	+

Во-первых, выявлено отсутствие различий по ряду показателей факторов мотивации членства в студенче-

ских профсоюзах: показатели тестов «Мотивационный профиль», «Организационная культура», анкеты: блок

«Уровень взаимодействия руководства профсоюза со своими членами», микроблок «Организационно-массовая работа», микроблок «Улучшение работы профсоюзной организации».

Во-вторых, получено различие между выборками на уровне $p < 0,05$ по ассоциативной методике «Социальные представления о профсоюзе», шкалам анкеты: Микроблок «Культурно-просветительская работа», Микроблок «Обучение членов профсоюза». Данные результаты при использовании несут определенные ограничения, их обязательно необходимо проверять другими методиками (беседа, наблюдение и др.).

В-третьих, получены статистически значимые различия по выборкам на уровне $p < 0,01$. Что подчеркивает работоспособность разработанной факторной модели мотивации членства в профсоюзе и показывает на результативность использования данных по блокам «Цели вступления в профсоюз», «Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность», «Инфор-

мационное обеспечение деятельности профсоюза», «Привлечение членов профсоюза» и микроблокам «Оздоровление членов профсоюза», «Обучение членов профсоюза».

В-четвертых, субъективный показатель *отношений администрации образовательного учреждения и профсоюзной организации* можно считать не только одним из показателей эффективности социального партнерства, но показателем успешной межгрупповой адаптации в вузе.

Во второй части настоящей статьи «Преподаватели: мотивация профсоюзного членства и межгрупповая адаптация как основа реорганизации профсоюзной организации» будут представлены результаты мониторинга преподавателей вузов, проанализированы возможности использования межгрупповых адаптационных технологий для построения единой профсоюзной организации вуза, намечены перспективы дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антоненко И.В. Социальная психология доверия: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 48 с.
2. Бекоева Д.Д. Социально-психологические условия формирования государственного самосознания: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 32 с.
3. Блохина Л.Н. Индивидуальные различия в психологической адаптации к условиям профессиональной деятельности у госслужащих: на примере таможенной службы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 26 с.
4. Булгаков А.В. Влияние психологических явлений межгруппового взаимодействия в организации на эффективность управления знаниями: платформа Супефин Д. Сноудена // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0 : Сборник статей. М., Т. XX. С. 574–595.
5. Булгакова А.В. Психология межгрупповой адаптации на кораблях Военно-морского флота России: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007. 462 с.
6. Булгаков А.В. Принцип культурного опосредования как основа сравнительного анализа результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2015. №10(153). С. 37–59.

7. Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2008. 33 с.
8. Гребнева Е.М. Эффективность решения инновационных задач в сфере управления персоналом: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 28 с.
9. Джига Н.Д. Акмеология созидания продуктивного субъекта образования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2013. 67 с.
10. Евдокимова Т.Е. Клинико-динамические особенности невротических и соматоформных расстройств у шахтеров и социально-психологические факторы риска их формирования: автореф. дис. ... д-ра мед. наук, д-ра психол. наук. М., 2011. 42 с.
11. Егоров И.В. Динамика взаимосвязи самооценки и социально-психологических качеств личности студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 25 с.
12. Итоговый документ научно-практической конференции «Мотивация профсоюзного членства: Шанс есть?!» СПб., 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.profkam.ru/dlyaprof/agitac/motivaciya_profsoyuznogo_chlenstva_shans_est/ (дата обращения: 13.08.2016).
13. Кононенко Г.А. Технология вовлечения в профсоюз. В помощь тренеру-преподавателю по вопросам профсоюзного обучения. Учебно-методическое пособие. Хабаровск, 2008. 20 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kemprofzdrav.org/intra-work/education/help-prepod/training-programs/vovlechenie-v-profsouz.pdf> (дата обращения: 13.08.2016).
14. Корчемный П.А. Концепция межгрупповой адаптации в организации А.В. Булгакова как теория среднего уровня: области применения, результаты, перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 1. С. 74–84.
15. Кочарова М.В. Психологическое обеспечение аттестации руководящих кадров железнодорожного транспорта: на примере начальников поездов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 30 с.
16. Лейбниц Г.В. Четвертое письмо Лейбница, или Ответ на третье возражение Кларка // Сочинения в четырех томах. Т. 1 (Философское наследие). М., 1982. 636 с.
17. Логинова Е.В. Социально-психологические особенности самоопределения в юношеском возрасте в ситуации нестабильности общества: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 26 с.
18. Малюченко Г.Н. Развитие конструктивного поведения в конфликтных ситуациях у кадров государственной службы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 20 с.
19. Москаленко А.В. Нормативно-правовая и психологическая поддержка деятельности персонала органов управления молодежных общественных организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, канд. психол. наук. М., 2012. 25 с.
20. Набиев Р.Р., Мирзанов И.Н., Торопчина О.М. Методические рекомендации по мотивации профсоюзного членства (зарубежный опыт). Уфа, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chemprof-rb.ru/114> (дата обращения: 13.08.2016).
21. Ольхов О.Г. Психогигиена труда рабочих горячих цехов металлургической промышленности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1991. 24 с.
22. Петрова И.А. Психологические эффекты пребывания личности в неопределённой жизненной ситуации: на примере ситуации ненадёжной работы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011. 25 с.
23. Петрушин С.В. Психологические основы становления большой контактной группы студентов как субъекта учебно-воспитательного процесса вуза: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Нижний Новгород, 2011. 41 с.

24. Пушина В.Н. Социально-экономические и социально-психологические проблемы управления женским производственным коллективом: автореф. дис. ... канд. экон. наук, канд. психол. наук. Иваново, 1994. 61 с.
25. Пчелинов А.Ф. Временные факторы дестабилизации деятельности членов экипажей судов гражданской авиации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. 19 с.
26. Результаты анкетирования по теме «Для чего нам нужен Профсоюз?» (Туапсе, 2015): анализ, оценка, выводы. М., 2015. 28 с.
27. Сахарова Н.А. Психолого-педагогические особенности включения взрослого в учебно-познавательную деятельность в контекстном обучении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 23 с.
28. Трофимова В.В. Политико-психологический анализ процесса рекрутирования политической элиты федерального уровня в современной России: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 24 с.
29. Чистоходова Л.И., Кирпичев М.А. и др. Проблемы развития промышленности московского региона после расширения г. Москвы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 69–74.
30. Чистоходова Л.И., Лавров Н.Н. Теоретическая модель развития профессиональной идентичности специалиста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 1. С. 119–124.
31. Шикун А.А. Психологические условия организации умственного труда студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 1993. 20 с.
32. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М., 2005. 664 с.
33. Экономика предприятия / под общ. ред. Г.З. Суша. М., 2011. 336 с.
34. Bulgakov, A.V. Psychology of Intergroup Adaptation in Organizations as the Integration of Socio-Psychological and Cognitive Paradigms: Some Results and Prospects of Development // International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice. 2014/№1. p. 3. URL: <http://www.interpsy.sgu.ru> <http://interpsy.sgu.ru/en/journal/2014/1> (дата обращения 13.08.2016)
35. Merton, Robert K. On Sociological Theories of the middle range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.-I: Free Press, L.: Macmillan, 1967.

REFERENCES

1. Antonenko, I.V. Social Psychology of Trust: Abstract. Thesis... Dr. Psychol. Sciences. Yaroslavl, 2006. 48 p.
2. Bekoeva, D.D. Socio-Psychological Conditions of Formation of National Consciousness: Abstract. Thesis..Dr. Psychol. Sciences. M., 2004. 32 p.
3. Blokhin, L.N. Individual Differences in Psychological Adaptation to the Conditions of Professional Work at State Employees: the Customs Service Example: Abstract. Thesis..Cand. Psychol. Sciences. M., 2008. 26 p.
4. Bulgakov, A.V. The Impact of Psychological Phenomena of Intergroup Interaction in the Organization on the Effectiveness of Knowledge Management: Platform Cynefin D.Snoudena Way // Russia. Community Development Alternatives. 2.0 / Proc. M. : New Literary Review, 2015. Volume XX. Pp. 574–595.
5. Bulgakov, A.V. Psychology of Intergroup Adaptation by the Ships of the Navy of Russia: Dis. ... Dr. psychol. Sciences. M., 2007. 462 p.
6. Bulgakov, A.V. The Principle of Cultural Mediation as a Basis for Comparative Analysis of Intergroup Adaptation Research Organizations // Journal of Russian State Humanitarian

- University. A series of "Life. Pedagogy. Education". 2015. №10 (153). S. 37–59.
7. Grachev, A.A. Psychological Designing of Industrial Organization: Abstract. Thesis... Dr. Psychol. Sciences. SPb., 2008. 33 p.
 8. Grebneva, E.M. The Effectiveness of the Innovative Solutions of Problems in the Field of Personnel Management: Abstract. Thesis..Cand. Psychol. Sciences. M., 2010. 28 p.
 9. Gigha, N.D. Akmeology Creation of Productive Subject Education.: Thesis.. Cand. Dr. Psychol. Sciences. Kostroma, 2013. 67 p.
 10. Evdokimov, T.E. Clinic-Dynamic Features of Miners' Neurotic and Somatoform Disorders and Psychosocial Risk Factors of their Formation: Abstract. Thesis...Dr. Med. Sciences, Dr. psychol. Sciences. M., 2011. 42 p.
 11. Egorov, I.V. The Dynamics of the Relationship of Self-Esteem and Social and Psychological Qualities of Pedagogical Universities Students' Personality: Abstract. Thesis...Cand. Psychol. Sciences. M., 2005. 25 p.
 12. Resulting Document of Scientific-Practical Conference "The Motivation of Union Membership: Is There a Chance?!" St. Petersburg, 2011 [Electronic Source]. URL: http://www.profkam.ru/dlyaprof/agitac/motivaciya_profsoyuznogo_chlenstva_shans_est/ (reference date 08/13/2016).
 13. Kononenko, G.A. Technology Involving the Union. To Help Coaches on Trade Union Education. Educational Handbook. Khabarovsk, 2008. 20 p. [Electronic Source] URL: <http://www.kemprofzdrav.org/intra-work/education/help-prepod/training-programs/vovlechenie-v-profsouz.pdf> (Reference date 13/08/2016).
 14. Korchemnaya, P.A. The Concept of Intergroup Adaptation in the Organization AV Bulgakov as a Middle Range Theory: the Scope, Results, Prospects // Bulletin of Moscow State Open University. "Psychological Science" series. 2011. № 1. Pp. 74–84.
 15. Kocharova, M.V. Psychological Support Certification of the Managerial Personnel of Rail Transport: the Example of Trains Chiefs: Abstract. Thesis... Cand. Psychol. Sciences. M., 2013. 30 p.
 16. GV Leibniz. Fourth Letter to Leibniz, or Answer to Clark's Third Objection // Works in Four Volumes. Volume 1 (Philosophical Heritage). M.: Thought, 1982. 636 p.
 17. Loginova, E.V. Socio-Psychological Characteristics of Adolescence's Identity in Situation of Instability in Society: Abstract. Thesis... Cand. Psychol. Sciences. Yaroslavl, 2005. 26 p.
 18. Malyuchenko, G.N. The Development of Constructive Behavior in Conflict Situations in the Frame of Public Service: Abstract. Thesis ... Cand. Psychol. Sciences. M., 1996. 20 p.
 19. Moskalenko, A.V. Legal and Psychological Support for the Activities of the Staff of Youth Organizations of Controls: Abstract. Thesis..PhD in Law, Cand. Psychol. Sciences. M., 2012. 25 p.
 20. Nabiyev, R.R., Mirzanov, I.N., Toropchin, O.M. Guidelines on the Motivation of Trade Union Membership (Foreign Experience). Ufa, 2008 [Electronic Source]. URL: <http://www.chemprof-rb.ru/114> (reference date 13/08/2016).
 21. Ol'khov, O.G. Psychohygiene of Workers of Hot Shops Metallurgical Industry: Abstract. Thesis ... Dr. Psychol. Sciences. L., 1991. 24 p.
 22. Petrova, I.A. Psychological Effects of Residence of A Person in Uncertain Situations: the Case of Unreliable Work Situation: Abstract. Thesis ... Cand. Psychol. Sciences. Krasnodar, 2011. 25 p.
 23. Petrushin, S.V. Psychological Bases of Formation of a Large Group of Students How to Contact the Subject of the Educational Process of a University: Author. Thesis. ... Dr. Psychol. Sciences. Nizhny Novgorod, 2011. 41 p.
 24. Pushina, V.N. Socio-Economic and Socio-Psychological Problems of Management of Fe-

- male Production Team: Abstract. Thesis... Cand. Econ. Sciences, Cand. Psychol. Sciences. Ivanovo, 1994. 61 p.
25. Pchelinov, A.F. Temporary Factors Destabilizing the Activities of Civil Aviation Crews Members: Abstract. Thesis...Cand. Psychol. Sciences. M., 1993. 19 p.
 26. The Results of the Survey on the Topic "Why do we Need a Union?" (Tuapse, 2015): the Analysis, Evaluation, Conclusions. M.: Moscow City Organization of Trade Union of Workers of Public Education and Science of the Russian Federation, 2015. 28 p.
 27. Sakharov, N.A. Psycho-Pedagogical Features of Inclusion in Adult Learning and Cognitive Activity in Contextual Training: Abstract. Thesis... Cand. Psychol. Sciences. Moscow, 1995. 23 p.
 28. Trofimov, V.V. The Political and Psychological Analysis of the Process of Recruitment of the Political Elite at the Federal Level in Modern Russia: the Abstract. Thesis.. Cand. Psychol. Sciences. M., 2012. 24 p.
 29. Chistokhodova, L.I., Brick, M.A. and Others. The Problems of Development of the Industry of the Moscow Region after Broadening of Moscow // Bulletin of Moscow State Open University. Series: Economy. 2013. № 2. Pp. 69–74.
 30. Chistokhodova, L.I., Lavrov, N.N. The Theoretical Model of Development of Professional Identity of a Specialist. // Bulletin of Moscow State Open University. Series: Psychological Science. 2012. № 1. Pp. 119–124.
 31. Shikun AA Psychological Conditions of the Organization of Students of Mental Labor: Abstract. Thesis Cand. Psychol. Sciences. Tver, 1993. 20 p.
 32. Sztompka P. Sociology. Analysis of Modern Society: Trans. from Pol. CM. Chervonnaya. M.: Logos, 2005. 664 p.
 33. Business Economics / under total. Ed. Land GZ M., 2011. 336 p.
 34. Bulgakov, A.V. Psychology of Intergroup Adaptation in Organizations as the Integration of Socio-Psychological and Cognitive Paradigms: Some Results and Prospects of Development //International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice. 2014/№1. p. 3. URL: <http://www.interpsy.sgu.ru><http://interpsy.sgu.ru/en/journal/2014/1> (дата обращения: 13.08.2016)
 35. Howe, Neil; Strauss, William (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company. ISBN 978-0-688-11912-6.
 36. Merton, Robert K. On Sociological Theories of the Middle Range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.-I: Free Press, L.: Macmillan, 1967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Чистоходова Людмила Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, директор Института управления, экономики и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf413@mail.ru

Павлютенкова Ольга Алексеевна – старший преподаватель, председатель первичной профсоюзной организации работников и обучающихся Электростальского политехнического института – филиала Университета машиностроения(МАМИ);
e-mail: olgapavl@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bulgakov Alexandr V. – Doctor of Science in Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology, Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Chistokhodova Lyudmila I. – Doctor of Pedagogical sciences, Professor, Director of the Institute of Management, Economics and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: kaf413@mail.ru

Pavlyutenkova Olga A. – Senior lecturer, Chairman of the primary trade union organization of employees and students of the Elektrostal Polytechnic University instituta – engineering branch (MAMI);
e-mail: olgapavl@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Булгаков А.В., Чистоходова Л.И., Павлютенкова О.А. Мотивация профсоюзного членства как компонент межгрупповой адаптации студентов и преподавателей в единой профсоюзной организации вуза (часть 1. Студенты: проблема мотивации профсоюзного членства)// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 30–48.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-30-48

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Bulgakov, L. Chistokhodova, O. Pavlyutenkova. Motivation as a component union membership intergroup adaptation students and teachers in the common university of trade unions (part 1. Students: motivation problem union membership)// Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 30–48.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-30-48

УДК 316.61

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕДНОСТИ И БОГАТСТВЕ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПЕРВИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ*

Дробышева Т.В.

Институт психологии Российской академии наук

129366 Москва, Ярославская 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений о бедности и богатстве на этапе первичной экономической социализации. Показано, что развитие представлений о бедности и богатстве на разных возрастных стадиях носит неравномерный характер. Содержание представлений о бедности отличается большей изменчивостью во времени, чем представлений о богатстве. Негативная модальность представлений о бедности в обыденном сознании респондентов разного возраста указывает на социальную релевантность явления бедности. Исследованы «внешние» и «внутренние» факторы представлений о бедности и богатстве.

Ключевые слова: представления о бедности и богатстве, развитие, факторы экономического сознания, первичная экономическая социализация.

REPRESENTATIONS OF POVERTY AND WEALTH AT DIFFERENT STAGES OF PRIMARY ECONOMIC SOCIALIZATION: CONTENTS AND FACTORS OF DEVELOPMENT

T. Drobysheva

Institute of Psychology Russian Academy of Sciences

13, Yaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the representations of poverty and wealth at the stage of the primary economic socialization. It is shown that the development of the representations of poverty and wealth at different age stages is uneven. The content of the representations of poverty has a greater variability than the representations of wealth. The way children and teenagers understand poverty as a negative phenomenon indicate social relevance of poverty. The social and psychological factors of the development of poverty and wealth representations is analyzed.

Key words: representation of poverty and wealth, development, factors of economic consciousness, primary economic socialization.

Проблемы бедности и богатства являются предметом исследования социально ориентированных отраслей науки. Не углубляясь в историю философского

© Дробышева Т.В., 2016.

* Государственное задание ФАНО № 0159-2016-0001.

знания, заметим лишь, что данные проблемы рассматривались еще в работах Аристотеля, Платона, Т. Гоббса и др. и остаются актуальными в настоящее время. Для социологов вопросы экономического неравенства в обществе (М. Вебер, Т. Веблен, В. Зомбарт, П. Сорокин и др.) выделились в отдельное исследовательское направление. Причем интерес современных зарубежных и отечественных специалистов в большей степени прикован к проблемам бедности (П. Таунсенд, П. Элкок, Л. Гордон, З.Т. Голенкова, Т.Н. Заславская, Н.М. Римашевская и др.), чем богатства, которое чаще рассматривается в контексте исследований элиты или сопоставляется с бедностью (Н.Е. Тихонова, М.К. Горшков и др.), что косвенно указывает на различие в социальной (и психологической) природе данных явлений. Исследования социальных психологов (О.С. Дейнека, Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев, Т.П. Емельянова, Е.Л. Сучкова, В.А. Хащенко, Е.В. Шибанова и др.) показывают, что существуют различия в восприятии бедности и богатства, которые проявляются в содержании, структуре представлений о них, а также в функциях данных представлений. Так обнаружено, что представления о бедности выполняют функцию защиты, самоподтверждения и самопрезентации малообеспеченных групп населения [6], а представления о богатстве [5] – функцию поддержания эмоциональной стабильности группы.

В предыдущей статье [4] нами было кратко изложено состояние зарубежных и отечественных исследований проблемы детерминации феноменов экономического сознания личности на этапе ее первичной социализации¹. В

настоящей статье будет сделан акцент на содержании изменения (развития) представлений о бедности и богатстве, обусловленных возрастными особенностями. В данном случае фактор «возраст» будет рассматриваться как ведущий.

Зарубежные исследователи накопили не мало эмпирических данных, которые позволили им сформировать два подхода в изучении развития экономических представлений – стадийный и континуальный [10]. Исследования, построенные на стадийном подходе, предполагают: фиксированную последовательность развития от стадии к стадии; конечное состояние, к которому стремиться личность в развитии своих представлений; выделение набора универсальных признаков, позволяющих отнести развитие представлений к той или иной стадии (К. Данziger, Г. Джахода, А.Э. Берти, А.С. Бомби и др.). В континуальном подходе отсутствует финальная стадия в развитии представлений, это непрерывный процесс, акцент ставится на средовом воздействии, а само развитие рассматривается как скачкообразный процесс, причем индивид может длительное время находиться на какой-то одной или нескольких стадиях (Х. Диттмар, Дж. Дикинсон, Н. Эмлер, Д. Лейзер, М. Ганин и др.). Заметим, что все исследователи (не зависимо от подхода) ищут доминирующий (внешний или внутренний) фактор развития экономических представлений, но не отвечают на вопрос об их взаимосвязи, взаимозависимости в развитии представлений.

ричной экономической социализации изложено в статье автора, опубликованной в предыдущем выпуске журнала.

¹ Подробно о различиях первичной и вто-

Концептуально в понимании системы внешних и внутренних факторов мы будем опираться на концепцию системной детерминации Б.Ф. Ломова [7]. Изменение представлений об экономических явлениях на разных возрастных стадиях первичной экономической социализации – сложный процесс, обусловленный системой «внешних» и «внутренних» факторов, «предпосылок», «опосредствующих звеньев». Содержание изменений в экономическом сознании детей, подростков и т.п. зависит не только от возраста респондентов, но и от условий их жизнедеятельности, от характеристик семьи и родителей, сверстников как основных агентов экономической социализации и т.п. Однако этим оно не ограничивается. Внутренняя детерминация экономического сознания личности проявляется уже в том, что сформированные на предыдущем этапе развития ее характеристики на следующем этапе выступают в качестве «внутренних факторов» (механизмов) изменения компонентов экономического сознания.

Программа исследования

В рамках данной работы будет рассмотрено изменение (развитие) базовых компонентов экономического сознания на примере представлений о бедности и богатстве. *Новизна и актуальность* исследования связана с выявлением динамичных и инвариантных признаков бедности и богатства¹

¹ Представления о категориях людей-носителей признаков бедности и богатства имманентно включены в представления о бедности и богатстве как социальных явлениях. В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать указанные термины по контексту.

в представлениях личности на разных возрастных стадиях первичной экономической социализации, что указывает на неравномерность и гетерохронность становления экономического сознания личности.

Цель исследования – выявление особенностей представлений личности о богатстве и бедности на разных стадиях ее первичной социализации. *Предметом исследования* выступили различия в представлениях о бедности и богатстве у детей из трех возрастных групп, а также факторы их обуславливающие. *Объектом исследования* – представления личности о бедности и богатстве.

Гипотеза исследования: развитие представлений о бедности и богатстве носит неравномерный характер; на разных стадиях развития представлений признаки богатства менее динамичны, чем признаки бедности, что указывает на социальную релевантность явления бедности.

Описание выборки: всего в исследовании принимали участие 462 респондента, проживающие в Москве. Из них: 173 чел. (от 5,5–6,5 лет); 118 чел. (9–10 лет); 171 чел. (13–15 лет.). Группы были примерно выравнены по полу (девочек чуть больше в группе подростков).

Методики и методические приемы: программы исследований строились с учетом возрастных особенностей и включали: в группе дошкольников – проективный рисуночный тест «бедный и богатый человек», рассказы детей о бедном и богатом; стандартизированное интервью, построенное на опроснике Р. Брусдала «Бедность и богатство» [11]; анкету, направленную на изучение социально-демографических характеристик детей и родите-

лей, самооценок детей по шкале «бедный – богатый». В работе с младшими школьниками и подростками также применяли опросник-анкету Р. Брусдалла «Бедность и богатство». Дополнительно программа включала метод семантического дифференциала для оценки личностных качеств бедного и богатого (20 биполярных шкал, включающих интеллектуальные, нравственные, деловые, эмоциональные и др. характеристики) [2]; мини-сочинения (в группе младших школьников), фокус-группы (в группе подростков). С целью изучения механизма конструирования экономических представлений применяли методику ценностных ориентаций (ЦО) Н.А. Волковой (64 ЦО, разделенные на 8 типов: нравственные, интеллектуальные, эстетические, социальные и т.п.) [2]. В работе проводился сравнительный анализ полученных данных с результатами исследования представлений о бедности и богатстве, проведенного сотрудниками Института социологии РАН [1].

Статистические методы анализа соответствовали эмпирическим задачам и включали: контент-анализ рисунков, рассказов, мини-сочинений; описательные методы статистики; критерий Краскала-Уоллеса, Спирмена (при $p \leq 0.05$); регрессионный и факторный анализы. Также в работе использовали качественные методы анализа данных.

В связи с ограничением объема публикации ниже будут представлены только некоторые результаты.

Результаты исследования

Инвариантные и динамичные признаки бедности и богатства в экономических представлениях респондентов выявляли с помощью сравнительно-

го анализа данных в трех возрастных группах. Данные признаки были выделены на этапе пилотажного исследования и включали следующие характеристики: имущественные и финансовые признаки бедности и богатства, способности достижения статуса бедного и богатого, отношение общества к бедным и богатым людям, социальные и психологические последствия бедности и богатства в обществе, удовлетворенность жизнью бедного и богатого, установки богатого на вложение денежных средств; личностные качества бедного и богатого; социальная дистанция между бедным и богатым; отношение бедного к богатому и наоборот.

Динамичные признаки бедности и богатства в представлениях детей, младших школьников и подростков.

Результаты показали, что основные различия в группах связаны: с психологическими признаками бедности и богатства (личностные качества бедного и богатого, их психологическое благополучие), лежащими в основе идентификации бедного и богатого человека; с оценкой психологических и социальных последствий бедности в обществе и способами достижения статуса бедного и богатого. Так, дети приписывали бедному больше негативных («плохой», «грубит» и т.п.), чем позитивных характеристик («добрый»; «хороший тоже»). Эта тенденция с возрастом только усилилась. Если все дошкольники акцентировали внимание на нежелании бедного работать (ленивый), на его эмоциональных характеристиках (грустный), иногда социальных (не хочет общаться или наоборот), то на следующей стадии произошло расширение спектра личностных качеств бедного. Так, фак-

торная структура личностных качеств бедного человека (построена на основе семантического дифференциала) в сознании младших школьников включала сначала его эмоциональные характеристики (1 фактор), затем то, как он воспринимается другими людьми (2 фактор), потом оценивалось его отношение к деятельности (3 фактор) и, наконец, – к другим людям (4 фактор). Именно в последнем факторе («отношение бедного к другим») аккумуляровались позитивные качества бедного в сознании данных респондентов (честный, отзывчивый). Заметим, что эмоциональные характеристики личности бедного у младших школьников остались также высоко значимыми, как и у дошкольников.

В группе подростков аналогичная структура личных качеств бедного имела другую последовательность. Сначала они отмечали отношение бедного к деятельности (1 фактор), затем его эмоциональность (2 фактор), отношение к другим (3 фактор) и, в последнюю очередь, то, как он воспринимается другими людьми (4 фактор), т.е. для подростков важнее деловые качества бедного как представителя экономической группы, чем его отношение к другим и др. Изменилась и модальность качеств личности бедного в представлениях подростков. Исчезли позитивные оценки, произошла своеобразная «демонизация»¹ образа бедного. В сознании подростков бедность – не только экономическая категория,

¹ В данном случае речь идет о преувеличении подростками негативных характеристик бедности в противовес взвешенным оценкам (т.е. позитивным, нейтральным, негативным). Специалисты считают, что функцию «демонизации» объектов социальной жизни в массовом сознании выполняют СМИ.

но и нравственная, интеллектуальная. Причем эти характеристики они включали и в описание бедного – необразованный, глупый, бедный чувствами. В представлениях подростков появились и оценки внешности бедного (толстый, некрасивый), что вполне объяснимо с позиции возрастных особенностей. Такая моноmodalность оценок личности бедного в представлениях подростков во многом объясняется стадией профессионального самоопределения. Мотивация выбора профессии в 13–14 лет часто рассматривается в перспективе получения высокого экономического статуса, а не самореализации. Также в группе подростков был выявлен низкий уровень удовлетворенности актуальным уровнем материального благосостояния семьи при завышенных оценках самого уровня. Данное противоречие, возможно, является «внутренним фактором» «демонизации» бедного в представлениях подростков. Выявленные на предыдущей стадии социализации представления младших школьников о честности, отзывчивости, доброте бедного (фактор «отношение бедного к другим») оказались редуцированы в сознании подростков.

Динамика личностных качеств богатого в представлениях респондентов отличалась от аналогичной динамики качеств бедного. Она проявлялась при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту и была связана с изменением модальности оценок с преимущественно позитивных (дошкольники) на негативные (подростки). В представлениях подростков позитивные характеристики были включены только в фактор «образ богатого у других» (3 фактор),

что в большей степени связано с развитием механизмов социального познания (эмпатии, идентификации), которые позволяют подростку увидеть богатого «глазами другого». Различия в факторных структурах личностных качеств богатого в представлениях подростков и младших школьников показали следующее. Младшие школьники оценивали сначала отношение богатого к другим (1 фактор), затем его отношение к деятельности (2 фактор) и далее: образ богатого в восприятии других (3 фактор), эмоциональность (4 фактор), активность (5 фактор). Заметим, что представление об отношении богатого к другим, которое позитивно воспринималось большинством детей дошкольного возраста («дружит с бедным», «жалеет его»), в представлениях младших школьников кардинально изменилось по содержанию и модальности. По их мнению, отношение богатого к другим имеет выраженный негативный характер (неблагодарный, жадный, лживый, хвастливый). Личностные качества богатого в представлениях подростков оценивались иначе, чем в представлениях младших школьников. Для них стало наиболее важным его отношение к деятельности (1 фактор), чем его «эмоциональность» (2 фактор), «образ у других» (3 фактор), «отношение к другим» (4 фактор) или «внешний облик богатого» (5 фактор).

В сознании детей дошкольного возраста носители признаков богатства воспринимаются как психологически благополучные люди, в то время как бедные – менее благополучные. Данный факт подтверждается тем, что на большей части рисунков всех детей бедный человек имел грустное выражение лица, в то время как богатый –

веселое; в суждениях также присутствовали высказывания о психологическом благополучии богатого (эмоциональное состояние рассматривается как один из признаков благополучия). Заметим, что дети младшего школьного и подросткового возраста не считают, что богатство приносит счастье и что все богатые – психологически благополучные люди. Подчеркивание дошкольниками эмоционального состояния бедного и богатого во многом связано с тем, что способность к распознаванию и пониманию эмоционального состояния другого человека сформирована на предыдущей стадии развития, а на данной стадии она выступает в качестве «опосредствующего звена» (в терминах концепции системной детерминации Б.Ф. Ломова) [7], усиливающего влияние «внутреннего фактора» («возраст») на следствие (возрастные различия в восприятии и понимании бедного и богатого). Полученный результат согласуется с данными других исследователей, обнаруживших позитивную динамику (от 5 к 6 годам) способности детей к дифференциации эмоций при восприятии персонажей рекламы [8]. В нашем случае дети не только понимали, но и приписывали эмоциональные состояния разной модальности бедному и богатому, т.е. в сознании 5–6-летних детей устойчивые эмоциональные состояния являются *сопутствующим признаком экономического статуса бедного и богатого*, в то время как на следующих стадиях развития личности связь между благополучием и экономическим статусом респондентами отвергается.

Изменения в понимании *способа достижения бедности* в период от до-

школьного к подростковому возрасту происходит только на стадии подросткового возраста. Если дошкольники и младшие школьники чаще всего отмечали лень и отсутствие работы, то подростки добавили: неверно принятое решение, которое приводит к потере средств; отсутствие образования у бедного; его криминальное поведение (проиграл в карты и т.п.). Динамика представлений *о способах достижения богатства* более существенна. Так, все дошкольники упоминали, что «нужно много работать», «копить деньги» (сберегательное поведение) и заниматься кладоискательством. Младшие школьники не отмечали кладоискательство, но подчеркивали важность школьных знаний для достижения высокого экономического статуса, а также полагали, что для этого «надо родиться в богатой семье» (мотив фатализма). Подростки наряду с этим указали на роль позитивно направленной волевой, а также позитивно и негативно направленной деловой активности самого богатого. Они считали возможными и такие способы как «удачно выйти замуж/жениться» или выиграть (вера в случай), то есть на стадии подросткового возраста, с одной стороны, происходит расширение знаний о способах достижения статуса богатого, с другой стороны, для них становятся незначимыми знания о тех способах, которые были важны на более раннем этапе формирования представлений (кладоискательство, сбережение). Таким образом, можно говорить о *кумулятивном характере развития представлений о способах достижения высокого экономического статуса*.

Еще один динамичный аспект представлений о бедности и богатстве

связан с пониманием респондентами *психологических и социальных последствий бедности*. В дошкольном возрасте только некоторые дети (в нашем исследовании это были дети из семей с «низким уровнем экономического статуса»; они составляли 1/3 выборки) упоминали о социально-психологических последствиях бедности, считая, что «у бедных нет друзей», «с ними никто не хочет дружить» и т.п. Остальные дошкольники не высказывали аналогичных суждений. Однако тот факт, что часть детей продемонстрировала понимание психологических последствий бедности, все же свидетельствует о том, что данный аспект представлений о бедности закладывается на стадии ранней экономической социализации (дошкольный возраст). На следующей возрастной стадии мы обнаружили стагнацию, т.е. отсутствие изменений в понимании последствий бедности в сознании младших школьников. Только на стадии подросткового возраста проявилась динамика: респонденты осознавали как негативные, так и позитивные психологические последствия бедности. Причем подростки понимали эти последствия иначе, чем дети. Младшие школьники и часть дошкольников рассматривали их с точки зрения негативной направленности на самого бедного («это у него нет друзей», «это с ним не хотят дружить»), подростки же оценивали негативное влияние бедности на окружающих людей («окружающим неприятно видеть бедных, общаться с ними» и т.п.), а позитивное влияние – на самого бедного («бедность стимулирует активность человека в изменении своего статуса»). Социальные последствия бедности дети дошколь-

ного и младшего школьного возраста не осознавали. В представлениях же подростков бедность негативно влияет на общество («чем больше бедных, тем беднее общество»).

Инвариантные признаки бедности и богатства в представлениях респондентов из трех возрастных групп. Наименее динамичными оказались *финансовые и материальные (имущественные) признаки богатства* в представлениях детей. Речь идет о наличии денег, драгоценностей, недвижимого и движимого имущества. Заметим, что они выделяются не только детьми и подростками, но и взрослыми людьми [см. 1; 3; 9]. Также практически не изменяются в сознании респондентов от дошкольного к подростковому возрасту *установки на вложение средств* богатым человеком (сбережение, потребление, благотворительность, инвестиции). Если в дошкольном возрасте наиболее разнообразные знания продемонстрировали дети из семей с высоким уровнем экономического статуса, то в обыденном сознании всех респондентов младшего школьного и подросткового возраста присутствовало знание о всех вышеперечисленных способах. Причем, суждения о благотворительности, которой должен заниматься богатый человек, высказывались всеми респондентами не зависимо от возраста (включая взрослых). Достаточно устойчивыми оказались и *оценки позитивных социальных последствий богатства* в представлениях респондентов («общество становится богаче»), но они начинают осознаваться только с младшего школьного возраста. *Негативные оценки психологических последствий богатства* («раздражают других людей», «вызывают зависть») локально

присутствовали даже в суждениях дошкольников.

Наименее динамичными оказались и представления об *отношениях бедных и богатых*. Так, если дошкольники считали, что они дружат, но в то же время «богатый может выгнать и обидеть бедного», то младшие школьники и подростки были единодушны в том, что «богатые пренебрежительно относятся к бедным, а бедные завидуют им».

В целом при сопоставлении объема высказываний о бедности и богатстве мы обнаружили, что все респонденты (не зависимо от возраста) о бедности говорили намного меньше, чем о богатстве. Выявленный факт согласуется с данными других исследователей, обнаруживших аналогичную тенденцию в обыденном сознании взрослых [9], что указывает на латентную стигматизацию¹ явления бедности в нашем обществе.

Факторы и механизмы представлений о бедности и богатстве на разных возрастных стадиях первичной экономической социализации. Самооценка ребенка (в том числе, экономическая) формируется во взаимодействии со взрослым. Общение детей с родителями является основным источником этого знания о себе.

¹ Социальная стигматизация означает навешивание социальных ярлыков. В этом смысле стигматизация – увязывание какого-либо качества (как правило, отрицательного) с отдельным человеком или множеством людей, хотя эта связь отсутствует или не доказана. Стигматизация является составной частью многих стереотипов. Согласно Э. Гоффману, стигматизация в общественном смысле означает вид отношений между постыдным общественным качеством и стереотипом – ожидаемым отношением к нему, задающий неспособность к полноценной общественной жизни из-за лишения права на общественное признание https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_стигматизация.

Однако трансляция родителями своих представлений о бедности и богатстве может стать базовым основанием конструирования детьми аналогичных представлений. В то же время восприятие и понимание себя как бедного или богатого, оценивание себя по шкале «бедный – богатый» – более сложный процесс, который строится не только на родительском опыте и знаниях, но и во взаимодействии с другими людьми (сверстниками, значимыми чужими и т.п.). Мы предположили, что на стадии ранней экономической социализации (дошкольный возраст) экономическая самооценка только формируется, но не выступает в качестве «внутреннего фактора» (детерминанты) в процессе дифференциации детьми представлений о бедности и богатстве. В качестве «внешних факторов» представлений о бедности и богатстве рассматривали социальные и социально-демографические характеристики семьи и родителей. Данные регрессионного анализа показали, что, с одной стороны, самооценка детей зависит от совокупности независимых переменных (экономический статус семьи, образовательный статус матери, сфера деятельности отца) ($KMD=0,603$; $F=14,191$; $p=0,000$), с другой стороны, сама самооценка влияет (в данную регрессионную модель также вошла переменная «состав семьи») ($KMD=0,54$; $F=16,76$; $p=0,000$) на понимание детьми удаленности социальной дистанции между бедными и богатыми. Однако обнаруженное нами влияние самооценки на дифференциацию бедных и богатых наблюдалось только в группах детей, проживающих в семьях с высоким уровнем экономического статуса¹. В группах детей

¹ Данный статус определялся по двум при-

из семей с низким и средним уровнем экономического статуса, влияние самооценки по шкале «бедный и богатый» не было выявлено. В этих группах в регрессионную модель независимых переменных, влияющих на зависимую (представления о бедности и богатстве), вошли следующие характеристики: экономический статус семьи, образовательный статус матери, сфера деятельности отца. Данный факт, с одной стороны, частично опровергает наше предположение, что самооценка на данной стадии развития не влияет на представления о бедности и богатстве, с другой стороны, показывает, что на ранней стадии становления экономического сознания и самосознания сила ее влияния на исследуемые представления еще не велика.

Результаты сравнительного анализа системы факторов экономических представлений в группах младших школьников и подростков показали, что на этих стадиях изменяется система детерминант. Сформированная на предыдущем этапе (т.е. в дошкольном возрасте) самооценка детей по шкале «бедный – богатый» в младшем школьном и подростковом возрасте играет роль внутреннего фактора в конструировании представлений о бедности и богатстве. Нами выделено большее число корреляций самооценки с представлениями о бедности и богатстве у младших школьников и подростков, чем у дошкольников.

знакам: условиям проживания семьи в мегаполисе (недвижимость) и экспертным оценкам экономического статуса семьи. На основании выделенных критериев все дети были условно разделены на 3 группы: с условно высоким, средним и низким уровнем экономического статуса семьи.

Наряду с этим на стадии младшего школьного возраста процесс внутренней детерминации экономических представлений раскрывается посредством анализа ценностного контроля за включением в структуру представлений о личных качествах бедного и богатого тех или иных элементов. К примеру, в группах младших школьников в процессе конструирования представлений о бедном человеке включение в образ тех или иных личностных качеств имело более «жесткий» контроль со стороны ценностной системы респондентов, чем включение характеристик в образ богатого. В связи с этим факторная структура исследуемых представлений о бедном носила редуцированный характер, т.е. включала меньшее число факторов [2]. Заметим, что аналогичные результаты нами были получены на группах студентов и людей более старшего возраста, что указывает на устойчивый характер этого явления [3]. По всей видимости система ценностных ориентаций личности осуществляет соответствующий контроль поступающей извне и постоянно меняющейся информации о бедных и богатых людях, их личностных качествах и т.п. Выявленные данные согласуются с результатами других исследователей [11].

В изучении системы факторов, обуславливающих представления о бедности и богатстве наиболее сложно контролировать стихийные влияния. К примеру, влияние представлений, мнений, порождаемых в общественном дискурсе на сознание индивида. Тем не менее, сопоставив результаты полномасштабного исследования представлений о бедности и богатстве в разных социальных группах взрослого населения страны [1] и нашего исследования,

мы обнаружили следующее. В группе младших школьников представления о бедном человеке в большей степени согласуются с представлениями взрослого населения (категории людей, оцениваемые качества личности, отношение к ним респондентов), чем о представлении о богатом. В группе подростков, наоборот, представления о богатом (признаки богатства, способы достижения богатства, черты личности) имеют больше сходства с общественными, чем представления о бедном. Данный факт наглядно демонстрирует не только различия в источниках и способах получения информации о бедном/богатом человеке, на которые указывали школьники в нашем исследовании, но и иллюстрирует взаимодействие внешних и внутренних факторов. Тем не менее можно констатировать, что на этапе первичной экономической социализации по мере развития экономического сознания в целом происходит усиление конгруэнтности исследованных представлений личности распространенному мнению о бедном и богатом в обществе. В данном процессе значимые микрогруппы (семья, сверстники) посредством групповых ценностей и норм задают общую направленность развития экономических представлений. Личность же, конструируя представление, избирательно относится к транслируемому знанию об экономических явлениях и объектах, их отношениях и т.п., тем самым проявляя себя как субъекта.

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать несколько *выводов*.

1. Развитие представлений о бедности и богатстве на разных возрастных стадиях носит неравномерный характер. Данный процесс в целом ха-

рактируется чередованием периодов позитивной и негативной динамики, связанной с расширением/редукцией содержания или изменением модальности представлений и периодов стагнации.

2. Содержание представлений о бедности отличаются большей изменчивостью во времени, тенденцией к индивидуализации, что проявляется в вариативности образов бедности в сознании респондентов. Преобладание негативной модальности представлений о бедности в обыденном сознании респондентов разного возраста указывает на социальную релевантность явления бедности.

3. Представления о богатстве менее изменчивы во времени, чем представления о бедности, что обусловлено включением в представления универсальных характеристик. Образ богатого в сознании респондентов включает большее число характеристик, чем аналогичный образ бедного. Данный факт свидетельствует о тенденции к социализации явления богатства.

4. Различия в представлениях о бедности и богатстве обусловлены соотношением внешних и внутренних факторов, взаимодействие которых

на каждой стадии развития экономических представлений определяет изменение в содержании исследуемых представлений.

5. На стадии ранней экономической социализации различия в представлениях детей о бедности и богатстве в большей степени определяются условиями их жизнедеятельности в семье, связанными с экономическим статусом семьи, сферой деятельности родителей и т.п., чем характеристиками самих детей, выступающими в роли «внутренних факторов».

6. Изменения в содержании экономических представлений на каждой следующей стадии развития характеризуются усилением роли «внутренних» факторов в их взаимосвязи с «внешними». Так, в группе дошкольников и младших школьников представления о богатстве, распространенные в обществе и транслируемые родителями, больше согласованы с аналогичными представлениями детей, чем представления о бедности. В группе подростков, наоборот, представления о бедности более согласованы с представлениями, распространенными в обществе, а представления о богатом отражают мнение и взгляды референтной группы сверстников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3 (239). С. 16–22.
2. Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М., 2013. 312 с.
3. Дробышева Т.В. Факторы и механизмы экономической социализации личности в группах работающих и неработающих пенсионеров // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 115–129.
4. Дробышева Т.В. Детерминанты экономического сознания личности на этапе первичной экономической социализации: состояние проблемы исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 54–61.

5. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
6. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности на примере работников бюджетной сферы // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 250–263.
7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 444 с.
8. Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н., Лебедева Е.И. Телевизионная реклама и дети. М., 2013. 184 с.
9. Хащенко В.А., Шибанова Е.В. Представления о богатстве и бедности в различных социально-экономических условиях жизни: региональный аспект // Проблемы экономической психологии. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 476–510.
10. Фернам А., Аргайл М. Деньги: Секреты психологии денег и финансового поведения. СПб., 2006. 352 с.
11. Brusdal R. Norwegian children's descriptions of the consequences of poverty and wealth // Journal of Economic Psychology. 1990. V.11 (4). P. 545–556.

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. Bogatstvo i bednost' v predstavleniyakh rossiyan [Wealth and Poverty in the Perception of Russians] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. no. 3 (239). Pp. 16–22.
2. Drobysheva T.V. Ekonomicheskaya sotsializatsiya lichnosti: tsennostnyi podkhod [Economic Socialization of Personality: a Value Approach]. M., 2013. 312 p.
3. Drobysheva T.V. Faktory i mekhanizmy ekonomicheskoi sotsializatsii lichnosti v gruppakh rabotayushchikh i nerabotayushchikh pensionerov [Factors and Mechanisms of Economic Socialization of Personality in Groups of Working and Non-Working Pensioners] // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2015. no. 4. Pp. 115–129.
4. Drobysheva T.V. Determinanty ekonomicheskogo soznaniya lichnosti na etape pervichnoi ekonomicheskoi sotsializatsii: sostoyanie problemy issledovaniya [Determinants of Economic Consciousness of a Personality on the Stage of the Primary Economic Socialization: the State of Research Challenges] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2016. no. 2. Pp. 54–61.
5. Emel'yanova T.P. Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [The Construction of Social Representations in the Conditions of Transformation of Russian Society]. M., 2006. 400 p.
6. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Strukturno-funktsional'nyi podkhod k analizu sotsial'nykh predstavlenii o bednosti na primere rabotnikov byudzhethnoi sfery [Structural-functional approach to the analysis of social representations of poverty on the example of public sector employees] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. no. 3. Pp. 250–263.
7. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. M., 1984. 444 p.
8. Sergienko E.A., Talanova N.N., Lebedeva E.I. Televizionnaya reklama i deti [Television Advertising and Children]. M., 2013. 184 p.
9. Khashchenko V.A., Shibanova E.V. Predstavleniya o bogatstve i bednosti v razlichnykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh zhizni: regional'nyi aspekt [The Concept of Wealth and Poverty in Different Socio-Economic Conditions of Life: Regional Aspect] Problemy ekonomicheskoi psikhologii. V 2 t. [Problems of Economic Psychology. In 2 Vol. M., 2005. T]. Vol. 2. M., 2005. Pp. 476–510.
10. Fernam A., Argail M. Den'gi: Sekrety psikhologii deneg i finansovogo povedeniya [Money: the Secrets of the Psychology of Money and Financial Behavior]. SPb., 2006. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Drobysheva Tatiana V. – PhD in Psychology, Senior Researcher of the Social and Economic Psychology Laboratory, Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Дробышева Т.В. Представления о бедности и богатстве на разных стадиях первичной экономической социализации: содержание и факторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 49–61.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Drobysheva. Representations of poverty and wealth at different stages of primary economic socialization: contents and factors of development // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 49–61.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61

УДК 159.9.316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-62-72

ФУНКЦИИ СМИ С ПОЗИЦИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУБЛИКИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

Емельянова Т.П.

Институт психологии Российской академии наук

129366, ул. Москва, Ярославская, д. 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. Обсуждаются социальные и социально-психологические функции СМИ в контексте медиапотребления и медиавключенности. Результаты исследования трех групп российского общества (журналисты, учителя и студенты) свидетельствуют о наличии общего, разделяемого всеми группами представления о СМИ. Показано, что в представлении трех групп ключевыми функциями традиционных СМИ являются информационная и культурно-образовательная. Отмечается недостаток познавательных программ и изданий, а также обилие низкопробной информации. Обнаружены различия в представлениях членов трех групп.

Ключевые слова: социальные представления о функциях СМИ, конструкционизм, негативные оценки традиционных СМИ, большие социальные группы, информационные технологии.

MASS MEDIA FUNCTION FROM RESEARCHERS' AND PUBLIC'S STANDPOINT: SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACH

T. Emelyanova

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences

13, building 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. Social and socio-psychological functions of mass media within the context of media consumption and media inclusion are discussed. The results of researching three groups of Russian society (journalists, teachers and students) demonstrate there is an idea about mass media shared by all groups. It has been shown that the key functions of traditional mass media as reflected in the three groups' representations are informational and cultural-educational. The lack of educational programs and issues and abundance of low quality information has been revealed. Some differences in the three groups' members' representations have been detected.

Key words: social representations about functions of mass media, constructionism, traditional negative assessment of mass media, large social groups, information technology.

© Емельянова Т.П., 2016.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Федерального Агентства научных организаций РФ, проект 0159-2016-0001.

В эпоху, когда информация является самостоятельной ценностью, а информационные технологии открывают широкие возможности для ее распространения, СМИ приобретают влияние, которое в обществоведении принято называть «мягкой силой» [12; 18], в отличие от «жесткой силы», в основе которой лежит принуждение. Влияя посредством убеждения, внушения, заражения и других механизмов, «мягкая сила действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат самостоятельного принятия своего собственного решения» [12, с. 65]. Созданные СМИ образы, интерпретации, легенды и формируют реальность, которая социально конструируется через дискурсивные практики. Именно поэтому так важно изучать социально-психологические механизмы коллективного сознания с точки зрения социального конструкционизма [14].

Общество и государство возлагают на масс-медийные каналы ряд социальных и социально-психологических функций. В работах, посвященных изучению роли СМИ в обществе, в первую очередь, рассматриваются социальные функции медиа, определяющиеся природой самих СМИ, политическим и экономическим контекстом, в котором они действуют, а также потребностями использующих их людей. Общепринятой модели классификации социальных функций СМИ не существует. Используемые подходы разнообразны и разноплановы: ряд функций выделяются исследователями единодушно, в ряде функций авторы расходятся. Объединенный список может выглядеть следующим образом:

коммуникативная функция, информационная, идеологическая, культурно-образовательная, функция выражения и формирования общественного мнения, контрольно-организаторская, рекламно-справочная, рекреативная функция. Для раскрытия содержания этих функций, а вместе с тем механизмов воздействия СМИ на общество, была выдвинута теория медиапотребления [8; 13]. «Феномен медиа-потребления соотносится в широком плане с процессом использования ресурсов, потребления благ (экономических, социальных, культурных и иных) для удовлетворения индивидуальных или групповых потребностей» [8, с. 116]. Термин «медиапотребление» используется социологами и означает особый вид потребления, в отношении которого изучаются факторы, детерминирующие особенности текущего состояния и перспективы использования различных видов СМИ. Развиваются такие теоретические модели, как концепция конвергенции медиа (например, телевидения и интернета), теория замещения одного вида СМИ другим, репертуар потребления публикой программ разного содержания, доли аудитории, предпочитающей те или иные СМИ и т.п. социологическая проблематика.

Для целей социально-психологического анализа более адекватен, на наш взгляд, термин «медиавключенность», так как он предполагает изучение ментальной активности пользователей СМИ: цели аудитории, проявляемый интерес, эмоциональную составляющую включенности во взаимодействие со СМИ, активную когнитивную работу по освоению информации и др. Эти виды социально-психологической активности соотносимы с особыми

социально-психологическими функциями СМИ, которые и обеспечивают степень и продуктивность медиавключенности, так как отвечают социально-психологическим особенностям и потребностям личности и групп. Отдельные социально-психологические функции СМИ пересекаются с их социальными функциями [2], но отличаются собственным содержанием, а значит, требуют специального исследовательского подхода. К важнейшим социально-психологическим функциям СМИ мы относим функцию передачи информации (создание основы для конструирования социальных представлений, формирования собственных мнений, аттитюдов и т.п.), функцию повышения социальной компетентности (возможность сопоставления различных точек зрения и подготовки к презентации знания), развлекательную, функцию обеспечения контакта, функцию участия в формировании общественного мнения. Рассматривая реализацию названных функций СМИ с позиций теории социальных представлений (СП), представим результаты исследований, проведенных нами и другими авторами.

Функция передачи информации

При соотнесении информационного наполнения материалов СМИ и социальных представлений их аудитории обнаруживаются две проблемы. С одной стороны, работы французских авторов [15; 16] фокусируют важную общественную проблему – неудовлетворенность специалистов деятельностью СМИ, в частности, той трактовкой событий, связанных с агрессией и насилием во французском обществе, которую СМИ навязывают своим читателям и зрителям. Интерпретации,

содержащиеся в СМИ, «грешат» неточностью, скандальностью и даже несут в себе скрытую пропаганду насилия.

С другой стороны, в наших исследованиях [4] сравнительный анализ социальных представлений респондентов и интерпретаций СМИ экстремальной ситуации задымления в Москве от торфяных пожаров показал различие по основным смысловым категориям. Так, в частности, различия в категории «Причины пожаров» выглядят следующим образом: социальные представления респондентов включают в себя идею о том, что причиной стали горящие торфяники и неподготовленность государственных служб к подобным явлениям, а СМИ, в свою очередь, оперируют преимущественно понятием «виновники», обращаясь к советскому прошлому.

Несовпадение содержания социальных представлений респондентов о бедности в российском обществе и ее интерпретации высокотиражной газетой «Аргументы и факты» было обнаружено в нашем исследовании совместно с Т.В. Дробышевой [6]. Сопоставление двух сфер общественного сознания показывает, что массовый дискурс в популярном издании по трактовкам бедности в ряде пунктов отличается от интерпретаций, содержащихся в СП социальных групп малоимущих граждан. Если в содержании СП о бедности преобладают элементы, в которых присутствуют оценки рисков бедности для себя и своей социальной группы, выражен нравственный модус СП о бедности, негативные эмоциональные переживания (страхи, тревоги), то в трактовке бедности «АиФ» отмечают приемы депроблематизации в части

негативных эмоциональных переживаний бедных, использования более «утешительной» статистики бедности, оптимистичного завышения возможностей самостоятельного преодоления бедности, приписывание бедным ответственности за нарастание числа социальных отклонений.

Роль СМИ в конструировании обыденных представлений о научных достижениях и новых технологиях в медицине, в частности о вспомогательных репродуктивных технологиях обсуждался автором этой статьи. Результаты говорят о проблематизации родственных отношений в обществе, обсуждении новых форм семьи, осмыслении участия «дополнительных» людей в рождении ребенка. Однако анализ дискурса в интернете относительно вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) свидетельствует скорее о преобладании консервативных представлений о семье, в которых суррогатные матери и доноры яйцеклеток максимально исключаются из семейных отношений, а появление новых технологий отнюдь не меняет образа «нормальной» семьи [5].

Функция повышения социальной компетентности

Разработанная В. Вагнером концепция символического коллективного коупинга как механизма конструирования социального представления успешно применялась им для анализа механизма ментального освоения публикой СМИ нового явления. Общество начинает требовать от людей осваивать возникающие интерпретации, сравнивать и пытаться их понять. Когда новое явление становится предметом личных разговоров, а также публичного дискурса, темой полити-

ческих дебатов и поводом освещения в СМИ, общество начинает требовать от людей осваивать возникающие интерпретации, сравнивать их и пытаться понять. Для В. Вагнера важна идея о том, что отказ человека от принятия какой-либо позиции в этих обсуждениях, чреват для него психологическими санкциями за неосведомленность и некомпетентность. Именно таким образом формируется «коммуникативное знание» [19].

Развлекательная функция

Она реализуется посредством трансляции концертов, игр, шоу, соревнований и т.п. Осуществляя данную функцию через публикации и передачи развлекательного порядка, СМИ удовлетворяет естественную потребность человека в снятии напряжения. В определенных условиях такие передачи и публикации могут стать причиной ухода в мир иллюзий (эскапизм) и отгораживания от реальных повседневных забот и проблем вплоть до интернет-зависимости [1; 9].

Функция обеспечения контакта

Функция контакта проявляется в такой форме, как обратная связь со стороны аудитории в виде писем и участия в интерактивных программах на радио. В случае интернет-коммуникации эта функция реализуется значительно более интенсивно посредством интернет-форумов, блогов, различных виртуальных групп по увлечениям и интересам и др. Массовая коммуникация может также выполнять и компенсаторную роль, заменяя непосредственный межличностный контакт для тех, кто страдает от дефицита общения (чаще всего это одинокие пожилые люди) через интерактивные программы в традиционных СМИ. Эта

функция в интернете может реализоваться через личностные механизмы информационной социализации [7], совладания с трудностями [1], самопрезентации [5] и др.

Функция участия в формировании общественного мнения

Эта функция основывается на потребности членов общества не только пассивно принимать информацию, но и самим проявлять социальную активность, в частности, в создании общественного мнения. Такая социальная активность проявляется в форме различных видов обратной связи. СМИ и особенно интернет (петиции, сбор подписей, «лайки» и др. способы объединения людей) дают большие возможности для выбора человеком референтных групп и выражения своего мнения. В основе этого выбора лежат взгляды, убеждения, ценностные ориентации личности. Данная функция в наименьшей степени изучена обществоведами и психологами.

В какой же мере СМИ выполняют свои функции по мнению реципиентов, мы выясняли в ходе специального исследования, проведенного с позиций теории социальных представлений [17], при участии А.В. Шустовой. В качестве объектов исследования были выбраны члены трех групп российского общества: студентов, учителей и журналистов. Выбор этот не случаен и обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это представители групп, имеющих высшее или неоконченное высшее образование, как правило, целенаправленно рефлексирующие состояние общества. Во-вторых, это люди, для которых, как мы предполагаем, тема функционирования СМИ является актуальной и значимой: для

учителей – в аспекте образования и просвещения, для студентов – в свете получения различного рода информации, для журналистов – в профессиональном плане.

Цель работы – анализ представленности функций традиционных СМИ в обыденном сознании членов трех социальных групп россиян. Предмет исследования – социальные представления о функциях СМИ у студентов, учителей и журналистов. Задачи исследования. 1) Выявление ядерных и периферических элементов СП о функциях традиционных СМИ в трех социальных группах. 2) Поиск значимых различий в структуре СП между группами студентов, учителей и журналистов. 3) Сопоставление полученных результатов с мнением аналитиков и результатами исследований других авторов.

Для изучения социальных представлений о СМИ мы использовали метод исследовательского интервью и метод шкалирования. Проведение качественного исследовательского интервью было необходимо для описания и операционализации изучаемых явлений, что, в свою очередь, сделало возможным применение количественного метода шкалирования для определения структуры социальных представлений и методов статистического анализа для выявления специфики представлений в различных группах. Всего в исследовании приняли участие 96 человек в возрасте от 19 до 56 лет (29 респондентов мужского пола, 67 – женского), из них: 33 чел. – студенты, 31 чел. – учителя, 32 чел. – журналисты. Все респонденты – жители Москвы, имеющие высшее или неоконченное высшее образование.

Наше исследование проходило в два основных этапа. На первом этапе была проведена серия *исследовательских интервью* с представителями трех социальных групп, в нем приняли участие 10 человек. Цель данного этапа – сбор максимального набора мнений респондентов о традиционных СМИ России. Во время интервью с согласия респондентов велась аудиозапись. Далее записи расшифровывались, составлялись стенограммы. Анализ стенограмм производился с помощью тематического контент-анализа. Интервью проводились в индивидуальном порядке, по предварительной договоренности. В ходе интервью с респондентом обсуждался ряд вопросов, касающихся СМИ России (рассматривались только телевидение, радио и пресса) и относящихся к нескольким тематическим блокам. Тематические блоки были выделены на основе анализа литературы по проблеме исследования. Всем респондентам, помимо прочих, задавался вопрос о положении дел в традиционных СМИ России (телевидение, радио и пресса), о задачах и выполнении СМИ их функций.

В ходе пилотажной кодировки текстов была разработана схема контент-анализа, включающая в себя ряд категорий и подкатегорий. В рамках категории «Функции СМИ» выделены подкатегории: информационная, аналитическая, образовательная, пропагандистская и коммуникационная функции. Высочастотными подкатегориями оказались: низкосортность СМИ, информационная функция, объективность, необъективность, нехватка информации, многообразие мнений и образовательная функция.

На втором этапе исследования на основании результатов контент-анализа, был составлен список утверждений, касающихся СМИ, для проведения процедуры шкалирования. Это было необходимо для того, чтобы определить ядерные и периферические элементы социального представления о СМИ. В шкалировании приняли участие 86 человек: 30 студентов вузов (РГГУ, МГУ, МГЛУ, МГЮА), средний возраст – 21 год; 28 школьных учителей, преподающих в общеобразовательных школах, средний возраст – 39 лет; 28 журналистов, работающих в различных СМИ, средний возраст – 25 лет. Респондентам были предложены шкалы для оценки утверждений по 5-ти балльной шкале. В список для шкалирования вошли 28 утверждений, относящихся к наиболее упоминаемым подкатегориям контент-анализа. Выделение ядра и периферической части социальных представлений производилось по методу Ж.-К. Абрика в адаптации автора статьи [3]. Расчет коэффициента позитивных ответов (TCP (i)) для каждого утверждения из списка производился по следующей формуле:

$$TCP(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \cdot 100,$$

где $n(4)$ – число ответов «высокая степень согласия», $n(5)$ – число ответов «очень высокая степень согласия», N – общее число ответов. При значении коэффициента, равном 82 и больше, утверждение считалось входящим в ядро социального представления. При определении данной числовой рамки мы ориентировались на среднее значение коэффициен-

та по всем трем выборкам (60) и его стандартное отклонение (22). Из 28 представленных утверждений в ядро социальных представлений попали 13. Из них четыре следующие утверждения являются ядерными для всех трех групп: «Я предпочитаю получать новости из тех СМИ, которые предоставляют наиболее объективную, соответствующую реальности информацию», «Мне важно, чтобы в СМИ были представлены различные точки зрения на один и тот же вопрос», «СМИ должны стремиться к максимально объективному освещению событий», «СМИ должны выполнять образовательную функцию, заниматься просвещением людей».

Четыре общих ядерных элемента связаны с важностью наличия объективной информации, разнообразия мнений, информационной и образовательной функциями СМИ. Утверждения, характеризующие эти элементы, не относятся к разряду «критических» и являются популярными, вероятно, в силу своей очевидности. Респонденты называют, в первую очередь, те функции, которые российские СМИ выполняют недостаточно эффективно: информационную, аналитическую, образовательную, коммуникационную. Несколько неожиданным является выделение респондентами образовательной функции СМИ: о том, что СМИ должны заниматься воспитанием и просвещением людей говорят не только учителя (что вполне прогнозируемо), но и журналисты и студенты. Вероятно, это связано с упомянутой выше проблемой качества материалов СМИ и высокой выраженности у респондентов потребности в познавательной информации.

Выделились утверждения, вошедшие в ядро представлений только у журналистов («Мне важно получать информацию своевременно»), только у учителей («Необходимо ужесточить меры по отношению к материалам СМИ, транслирующим порнографию, насилие и т.п.»), «В СМИ должна быть пропаганда культуры, высших духовных ценностей, правильного образа жизни») и только у студентов («По телевизору показывают очень много низкокачественных передач, в которых затрагиваются пошлые, примитивные, избитые темы»).

Для определения статистически значимых различий между выборками по степени согласия с тем или иным утверждением мы использовали критерий различий Манна-Уитни (обработка данных производилась с помощью программы SPSS-17). По характеру высказываний в различных группах респондентов обнаруживаются следующие закономерности. Наибольший резонанс обсуждаемая тема вызвала у журналистов, что, очевидно, связано с их профессиональной принадлежностью. Меньше всего заинтересованными в теме традиционных СМИ оказались студенты, они же были наиболее оптимистичными и наименее критичными в своих замечаниях. Возможно, это связано с тем, что, во-первых, тема СМИ не является для них настолько актуальной, как, например, для журналистов. Во-вторых, это более «молодая» группа, не застывшая в полной мере все социальные трансформации (в отличие от учителей). В-третьих, представители студенческой группы в большинстве своем являются активными пользователями Интернета и значительно реже обращаются за

какой-либо информацией к традиционным СМИ, т.е. для них актуальным предметом обсуждения становится, скорее, интернет, чем телевидение или пресса.

Учителя оказались самыми пессимистично настроенными. В своих ответах они констатируют кризис современного общества: «...еще в 70-е годы я поняла, что мы падаем в пропасть. Вот сейчас мы в нее упали». Характер высказываний, очевидно, вызван принадлежностью респондентов к определенной возрастной и профессиональной группе: произошедшие за последние 30 лет изменения (в том числе и в сфере школьного образования) стали причиной переживания социальной неудовлетворенности. Представления о СМИ схожи в группах журналистов и студентов и отличаются от представления учителей. Вероятно, это связано с тем, что участвовавшие в исследовании журналисты и студенты незначительно отличаются между собой по возрасту и поэтому имеют общие взгляды по ряду вопросов, отличные от взглядов учителей.

Если обратиться к соотношению полученных данных с мнением аналитиков и результатами других исследований, то обнаруживается следующее. Из описанных выше социальных функций СМИ наши респонденты назвали информационную, аналитическую, коммуникативную, культурно-образовательную и идеологическую функции. При этом одними из самых значимых функций СМИ для них являются информационная и аналитическая, тогда как многие авторы акцентируют свое внимание на необходимости выполнения СМИ контрольно-организаторских функций. Возможно, что

в сознании респондентов, для которых недостаточная объективность традиционных СМИ является очевидной, отсутствует понимание журналистики как «четвертой власти» в обществе. В то же время респонденты уделяют внимание коммуникативной функции и, частично, функции выражения общественного мнения, что свидетельствует о понимании значимости СМИ как института гражданского общества.

Особое внимание обращает на себя факт выделения респондентами идеологической и культурно-образовательной функций: примечательно, что, говоря о значимости познавательной информации и трансляции культурных ценностей в медиа, респонденты отталкиваются от действительной ситуации в СМИ (засилье низкопробных передач и изданий). Акцент на низкосортности информации нивелирует выполнение традиционными СМИ рекреативной функции. Такие результаты, безусловно, объясняются принадлежностью респондентов к определенным социальным группам, и распространение этих закономерностей на все общество в целом было бы необоснованным.

Необходимо отметить, что характер полученных нами данных свидетельствует о недостаточном выполнении традиционными СМИ ряда социально-психологических функций (таких как адекватная передача информации, функция повышения социальной компетентности, функция обеспечения контакта, функция участия в формировании общественного мнения), что могло бы стать причиной социальной дезориентации и ощущения собственной незащищенности. Однако возрастающая год от года роль интернета в

обществе [10] во многом компенсирует эти пробелы, впрочем, создавая новые проблемы [9; 11], особенно для социализации детей и подростков, в виде расширения пространства агрессии, разного рода экстремизма, кибербуллинга, игромании и др., то есть рисков, которым обществу предстоит противодействовать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху новых информационных технологий: возможности и ограничения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.07.2016).
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991. 125 с.
3. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
4. Емельянова Т.П. Социальные представления о стихийных бедствиях в России (на примере аномальной жары и ее последствий) // Психологические исследования проблем современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2012. С. 15–31.
5. Емельянова Т.П. Факторы конструирования обыденных представлений о научных достижениях и новых технологиях в медицине: случай вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 25–35.
6. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.07.2016).
7. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.07.2016).
8. Назаров М.М. Телевидение и интернет: типология российского медиапотребления // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 116–126.
9. Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 54–61.
10. Реутов Е.В., Тришина Т.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 140–148.
11. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 16–24.
12. Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 65–73.
13. Elaine Y. News Consumption across Multiple Media Platforms // *Information, Communication & Society*, 2011. 14:7, 998–1016.
14. Lahlou S. Social representations and social construction: the evolutionary perspective of installation theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CUP, 2015. P. 193-209. 481 p.
15. Mabilon-Bonfils B. Мйconnaissance du politique, sciences sociales et reprйsentations sociales : le cas des violences scolaires // *Dйviance et sociйtй*. 2007, № 31(2), 173–197.
16. Mannoni P., Bonardi Ch. Terrorisme et mass media // *Topic : revue freudienne*. 2003 № 83 P. 55–72.

17. Moscovici S. La psychanalyse son image et son public. Paris: PUF. 1976. 506 p.
18. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. 208 p.
19. Wagner W. Vernacular Science Knowledge: Its Role in Everyday Life Communication // Public Understanding of Science, № 16/1, January 2007.

REFERENCES

1. Belinskaya E.P. Sovladanie s trudnostyami v epokhu novykh informatsionnykh tekhnologii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Elektronnyi resurs] [Coping with Challenges in the Era of New Information Technologies: Possibilities and Limitations [Electronic Source]] Psikhologicheskie issledovaniya. 2014. T. 7. № 38. S. 2. [Psychological Research. 2014. Vol. 7. No. 38. P. 2.]. URL: <http://psystudy.ru> (request date 12.07.2016)
2. Bogomolova N.N. Sotsial'naya psikhologiya pechati, radio i televideniya [Social Psychology Press, Radio and Television]. M., 1991. 125 p.
3. Emel'yanova T.P. Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [The Construction of Social Representations in the Conditions of Transformation of Russian Society]. M., 2006. 400 p.
4. Emel'yanova T.P. Sotsial'nye predstavleniya o stikhiinykh bedstviyakh v Rossii (na primere anomal'noi zhary i ee posledstviy) [Social Representations of Natural Disasters in Russia (on the Example of Heat Waves and its Consequences)] Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Psychological Research of the Problems of Modern Russian Society] / ed. by A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M., 2012. Pp. 15–31.
5. Emel'yanova T.P. Faktory konstruirovaniya obydenykh predstavlenii o nauchnykh dostizheniyakh i novykh tekhnologiyakh v meditsine: sluchai vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [Factors in the Design of Everyday Ideas on Scientific Achievements and New Technologies in Medicine: the Case of Assisted Reproductive Technologies] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2016. no. 1. Pp. 25–35.
6. Emel'yanova T.P., Drobyshcheva T.V. Konstruirovaniye sotsial'nykh problem v SMI i v predstavleniyakh grazhdan (na primere bednosti) [Elektronnyi resurs] [Construction of Social Problems in the Media and in the Representations of Citizens (on the Example of Poverty) [Electronic Source]] Psikhologicheskie issledovaniya. 2015. T. 8. № 39. S. 1. [Psychological Research. 2015. Vol. 8. No. 39. C. 1]. URL: <http://psystudy.ru> (request date 10.07.2016)
7. Martsinkovskaya T.D. Informatsionnaya sotsializatsiya v izmenyayushchemsya informatsionnom prostranstve [Elektronnyi resurs] [Informational Socialization in Changing Information Space [Electronic Source]] Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. [Psychological research. 2012.]. – URL: <http://psystudy.ru> (request date 10.07.2016)
8. Nazarov M.M. Televidenie i internet: tipologiya rossiiskogo mediapotrebleniya [TV and Internet: a Typology of Russian Media Consumption] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. no. 6. Pp. 116–126.
9. Soldatova G.U., Nestik T.A. Otnosheniye k internetu sredi internet-pol'zovatelei: tekhnofoby i tekhnofily [Attitude towards the Internet among Internet Users: the Technophobes and the Technophiles] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2016. no. 1. Pp. 54–61.
10. Reutov E.V., Trishina T.V. Internet-praktiki i informatsionnye predpochteniya naseleniya [Internet Practices and Information Preferences] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. no. 4. Pp. 140–148.
11. Tkhostov A.SH., Surnov K.G. Vliyaniye sovremennykh tekhnologii na razvitiye lichnosti i formirovaniye patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii [The Impact

- of Modern Technologies on the Development of Personality and the Formation of Pathological Forms of Adaptation: the Reverse Side of Socialization] // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2005. no. T. 26. № 6. Pp. 16–24.
12. Yakoba I.A. «Myagkaya sila» v sovremennoi politike i diskursivnoi tekhnologii ["Soft Power" in Contemporary Politics and Discourse Technologies] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. no. 12. Pp. 65–73.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянова Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Emelyanova – Ph.D., Professor, leading research associate, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Емельянова Т.П. Функции СМИ с позиций исследователей и публики: социально-психологический подход // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 62–72.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-62-72

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Emelyanova. Mass media function from researchers' and public's standpoint: socio-psychological approach // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology*. 2016. no 3. Pp. 62–72.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-62-72

УДК 376.1–058.862; 37.035

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-73-87

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДЕТЕЙ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, КАК ВОЛОНТЕРСКАЯ ПРАКТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Телицына А.Ю.¹, Гнутова А.А.¹, Лобазникова Н.Ю.¹, Шмагина Н.С.^{2,3}

¹ Межрегиональная общественная организация «Старшие братья старшие сестры»
107076, Москва, ул. Матросская тишина, д.23, к.1, офис 5

² Столичная финансово-гуманитарная академия
109383, Москва, ул. Шоссейная, д. 90, стр. 17

³ Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена описанию опыта наставничества в образовательном пространстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В течение 8 лет долгосрочное индивидуальное наставничество проходило при поддержке и сопровождении профессиональных психологов. Выявлена социальная роль наставничества в мотивации детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в образовательном пространстве: повышение самооценки, уверенности в своих силах, появление мотивации к обучению и получению образования. Результатом наставничества для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, оказалась возможность окончить школу, получить профессиональное образование и устроиться на работу.

Ключевые слова: дети в трудной жизненной ситуации, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, индивидуальное наставничество, наставничество для детей школьного возраста, образование, успешность обучения, мотивация.

SOCIAL ROLE OF ONE-TO-ONE MENTORING IN EDUCATION AS A VOLUNTEER PRACTICE FOR THE SOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN IN DIFFICULT LIFE SITUATION

A. Telitsyna¹, A. Gnutova¹, N. Lobaznikova¹, N. Shmagina^{2,3}

¹ Inter-Regional Social Organization Elder Brothers Elder Sisters of Russia
107076, Moscow, Matrosskaya tishina str., 23, bld. 1, office 5

² Metropolitan Financial-Humanities Academy
109383, Moscow, Shosseynaya str., 90, bld. 17

³ Moscow State Regional University
10A, Radio str., Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. The article describes mentoring in educating sphere of orphans and children left without parental care. For 8 years a long-term mentoring took place under the guidance and support of professional psychologists. Social role of mentoring for motivating children in difficult life situations to get education has been revealed. Besides, it contributes to self-esteem and self-confidence; it is also important for motivating children to study and get education. Mentoring children in difficult life situations has resulted in their ability to finish school, get professional education and find work.

Key words: children in difficult life situations, orphans, one-to-one mentoring, mentoring school-age children, education, academic achievements, motivation.

Большинство исследователей, изучавших проблему социальной адаптации детей-сирот и различный опыт эмоциональной депривации [1; 7; 8; 9; 10; 13], отмечают, что воспитанники детских домов не готовы к самостоятельной жизни после выпуска. Причина этого лежит в нехватке опыта жизни в семье и поддержки со стороны общества. Последние исследования показывают, что «опыт», который дети получают за время жизни в организации для детей-сирот, оказывает большое влияние на их последующее развитие. В результате выпускники детских домов не владеют социальными навыками, имеют искаженное представление о социальных ролях, противоположном поле, а также о своем будущем. Многие сироты ощущают себя социально-исключенными: имеют низкую самооценку, не уверены в себе, зависимы и неспособны строить отношения с окружающими. Все это приводит к более серьезным проблемам социальной адаптации и исключенности в будущем. По результатам российских исследований последних лет [3; 4; 5] можно сделать вывод о том, что государственные учреждения не достаточно справляются со своей задачей подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к самостоятельной жизни после вы-

пуска. Из этого следует необходимость принятия дополнительных мер для решения проблем преодоления социальной исключенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В этом отношении волонтерские программы наставничества, специализирующиеся в помощи детям-сиротам с целью развития их жизненного потенциала через дружбу с волонтером, выступают в качестве одного из вариантов таких мер, направленных на преодоление проблем социальной адаптации детей, в том числе и в образовательном пространстве [6].

Межрегиональная общественная организация содействия программе воспитания подрастающего поколения «Старшие братья старшие сестры» занимается профессиональным наставничеством для детей, нуждающихся в социально-педагогической поддержке, на протяжении 12 лет. Технология наставничества предполагает индивидуальное взаимодействие волонтера-наставника и ребенка школьного возраста на регулярной и долгосрочной основе: не реже одного раза в неделю в течение минимум одного года. Работа с ребенком строится под профессиональным сопровождением психологов – специалистов программы. Общение ребенка с волонтером-наставником способствует его все-

стороннему развитию, обогащению социального опыта, развитию навыков общения, улучшению эмоционального состояния, возможности получения помощи и поддержки от наставника, когда она особенно необходима.

В программе принимают участие дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (дети в замещающих семьях, дети, воспитывающиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также дети из неблагополучных кровных семей). В настоящее время в программе участвуют более 230 волонтеров и детей. В исследовании принимали участие только дети, оставшиеся без попечения родителей и проживающие в организациях для детей-сирот.

Дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, часто имеют одну общую черту – низкую самооценку. И в процессе обучения именно низкая самооценка не дает ребенку возможности учиться, осваивать новое. Для формирования адекватной самооценки необходимы условия, которые позволяют ценить себя, осознавать свою значимость, в частности, теплые доверительные отношения со значимым взрослым, четкие границы, уважительное обращение. Детям необходимы здоровые взаимоотношения с родителями или значимыми взрослыми. При отсутствии родителей могут быть взаимоотношения с другими людьми, чтобы испытывать чувство безопасности и иметь нормальную самооценку, уметь решать сложные внутренние проблемы [12]. Отсутствие значимого взрослого приводит к снижению мотивации учебы, появлению страха неуспеха.

Таким образом, для мотивации к учебе детей и подростков, оказавшихся

в трудной жизненной ситуации, наставников стали обучать умению выстраивать длительные отношения с ребенком. Самооценка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основывается на уважительном, принимающем, заботливом отношении со стороны значимых других – наставников. Представляем описание программы подготовки наставников.

Этапы реализации программы наставничества:

1. Диагностика и отбор волонтеров: целью является составление целостного представления о личности волонтера. Задачами – изучение личностных особенностей, психологической характеристики, мотивации и установок, увлечений, ценностей, навыков волонтера для последующего индивидуального подбора ребенка. На начальном этапе проведения диагностики используются анкетирование и интервьюирование. По результатам диагностики специалист составляет социально-психологический портрет волонтера, на основе которого ему подбирается ребенок. Если кандидат на роль наставника не отвечает критериям и требованиям программы, то его кандидатура отклоняется (Рис. 1).

Обязательными условиями вступления волонтеров в программу, является сбор справок об отсутствии судимости и состоянии здоровья (в том числе психического), а также 3-х рекомендательных писем, одно из которых предоставляется с места работы волонтера.

2. Обучение и подготовка волонтеров сосредоточены на получении знаний, умений, навыков, выработке психологических установок, необходимых

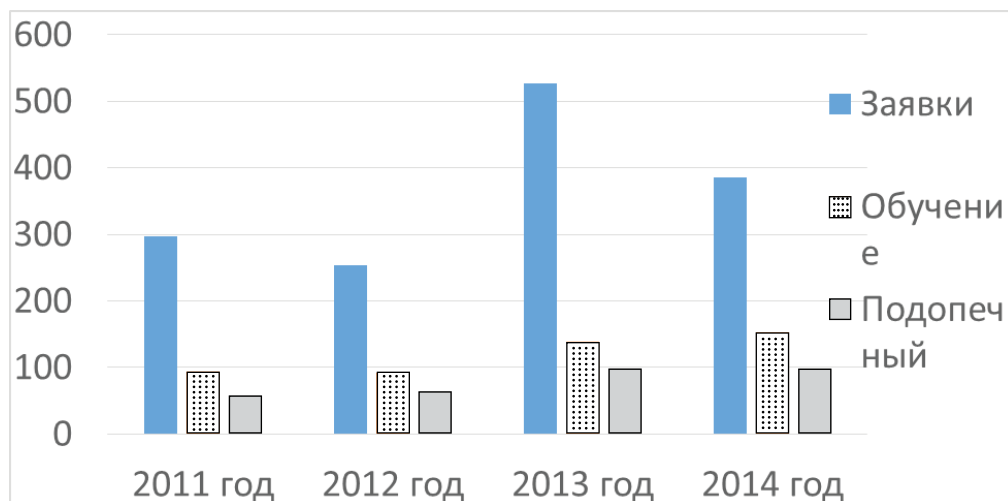

Рис. 1. Соотношение полученных заявок на наставничество, число потенциальных волонтеров, которые прошли обучение, и волонтеров, включенных в программу (количество человек)

для выстраивания осмысленных и продуктивных отношений с ребенком. Целью обучения волонтеров является их подготовка к выполнению роли наставника, повышение эффективности функционирования пар «наставник – ребенок» в рамках программы.

В ходе реализации подготовки будущих наставников, решаются следующие задачи:

1) знакомство с правилами программы, правами и обязанностями участников программы;

2) создание адекватного представления о целях и содержании деятельности волонтера в рамках программы, корректировка ожиданий волонтера;

3) формирование устойчивой мотивации к участию в программе, повышение осознанности выбора волонтерской деятельности;

4) развитие навыков взаимодействия с ребенком, коммуникативных навыков [2].

Используются такие формы работы как социально-психологический тре-

нинг, индивидуальные консультации, круглые столы (с действующими наставниками программы). Продолжительность подготовительного тренинга составляет 15 часов.

3. Подбор и сопровождение пар «наставник – ребенок» проводится на основе принятия решения о подборе ребенку волонтера специалистами программы на основании всей совокупности информации, полученной от волонтера, ребенка, опекуна (родителя). При этом учитываются следующие факторы: пол и возраст участников, их личностные особенности, общность интересов и увлечений, потребности ребенка и его возможности, навыки волонтера.

Профессиональное сопровождение пары «наставник – ребенок» осуществляется специалистом организации на регулярной основе и на протяжении всего времени участия в программе. Оно включает в себя:

1) постановку целей для пары «наставник – ребенок» (основные направ-

ления развития ребенка, проблемы, задачи);

2) регулярную оценку динамики отношений между ребенком и наставником;

3) регулярную оценку изменений личностных особенностей и навыков ребенка в результате взаимодействия с наставником;

4) регулярные супервизии с ребенком и наставником, предполагающие создание мотивационной среды и поддержку участников в проблем-

ных ситуациях, возникающих в ходе их взаимодействия (индивидуальные консультации, беседы, анкетирование).

Оценка эффективности программы наставничества. Анализ эффективности программы проводится с 2009 г. на основании анкет, заполняемых наставником и ребенком (в том числе с ОВЗ) перед вступлением ребенка в программу и через год их регулярного индивидуального взаимодействия.

Таблица 1

Изменение состава участников оценки эффективности программы

	2009–2010	2010–2013	2013–2016
Участники оценки	Наставник	Наставник Воспитатель	Наставник Ребенок

У детей с особыми возможностями здоровья часто вызывали затруднение

даже самые простые вопросы анкеты (Рис. 2).

28. Я изменился(-ась) в лучшую сторону за время общения со «старшим братом» («сестрой»)

1 да
 2 немного
 3 я не заметил(-а)
 4 не изменился(-ась)

29. Я доверяю «старшему брату» («сестре») и могу обратиться к нему(-ей) за помощью

1 доверяю и легко могу обратиться
 2 доверяю, но не всегда обращаюсь
 3 не совсем доверяю и не обращаюсь
 4 не доверяю и не обращаюсь

30. Я хочу быть похожим на «старшего брата» («сестру»)

1 да, во всем
 2 практически во всем
 3 немного
 4 не хочу

31. Мой «старший брат» («сестра») научил(-а) меня сделать
сделывания, но чинить разговоров
и привлекать внимание и все.

Рис. 2. Пример заполнения анкеты ребенком с ОВЗ

Проводилась ежегодная оценка определения зон развития ребенка и направлений работы волонтера, для планирования деятельности организации. Оценка помогает найти «пробелы» на этапах подготовки и сопровождения волонтеров. Регулярное проведение оценки повышает уровень доверия доноров и укрепляет профессиональный вес организации в некоммерческом секторе.

Оценка эффективности программы за 2015–2016 г. проводилась волонтерами на основе заполнения специально разработанных опросников, в которых оценивался ребенок и пара в целом по следующим шкалам:

– **отношения в паре** (доверие в паре, взаимопонимание, поддержка друг друга, интересно друг с другом, ощущение своей нужности ребенку);

– **познавательная сфера/обучение** (широта кругозора, желание узнавать что-то новое, успешность обучения в школе, интерес к чтению, умение логически мыслить);

– **профорентация/трудоустройство** (осведомленность о различных профессиях, определился с профессией, желание обучаться и работать по профессии, умение ставить цели и следовать им);

– **эмоционально-личностная сфера** (самостоятельность, уверенность в себе, ответственность, умение адекватно выражать свои чувства, понимает эмоции и чувства других).

Опросники заполнялись два раза с разницей по времени года участия пары в программе. В задачу наставников входила оценка для каждого критерия от 1 до 10 баллов (1–2 балла – ребенок практически не владеет данным навыком/качеством, 9–10 – ребенок

практически полностью владеет данным навыком/качеством).

Цель исследования – выявление изменений у детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Гипотеза исследования – наставничество способствует повышению мотивации к учебной деятельности детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и личностным изменениям, помогающим социализации в образовательном пространстве. В исследовании принимали участие 50 волонтеров программы. Использовался метод рандомного отбора с выделением определенных характеристик: пол и возраст. Таким образом, выборку составили 43 женщины и 7 мужчин в возрасте от 20 до 39 лет, что отражает поло-возрастное распределение волонтеров.

В результате было выявлено наличие статистически значимых (Т-критерий Вилкоксона, значимость на уровне $P < 0,05$) позитивных изменений по следующим показателям:

- широта кругозора;
- успешность обучения в школе;
- хозяйственно-бытовые навыки (уборка, стирка, готовка);
- понимание эмоций и чувств других людей;
- умение ставить цели и следовать им.

Волонтеры отмечали, что у их подопечных увеличилось количество знаний об окружающем мире, что, в свою очередь, могло косвенно повлиять на успешность обучения, так как прямую наставник не включен в учебную деятельность ребенка и не сопровождает его в школе. Однако регулярные выходы за территорию организации и тот опыт, которым волонтеры делятся со своими подопечными, определён

способствуют расширению кругозора у детей и получению важной и необходимой информации для их будущей самостоятельной жизни.

Значимые улучшения по шкале «понимание эмоций и чувств других людей» могут быть результатом происходящего в парах постепенного эмоционального сближения участников программы. Так, в ходе непосредственного индивидуального общения с наставником ребенок учится лучше понимать другого человека и лучше осознает, что он чувствует при этом сам. Волонтер-наставник может не только разделить с подопечным его эмоции и чувства, но и поделиться с ним собственными, показывая опыт понимания переживаний другого.

Отдельно стоит сказать про «умение ставить цели и следовать им». Це-

леполагание в парах – одна из важных особенностей деятельности волонтеров. С ребенком регулярно обсуждают цели для своих встреч (также в процессе участвует и куратор пары). Цели касаются того, чем конкретно наставник может помочь своему подопечному в повседневной жизни. К примеру, научить запекать курицу, просыпаться по будильнику в школу или кататься на велосипеде. Такой подход способствует улучшению навыков самостоятельной постановки целей и их достижения у детей.

Аналогично оценку встречам со своими волонтерами за год общения давали дети. В опросе приняло участие 77 детей разного пола и возраста. Они заполняли опросник, состоящий из ряда шкал со значениями от – 3 до + 3 (Табл. 2).

Таблица 2

Пример опросника оценки эффективности наставника для ребенка

Интересный	3	2	1	0	1	2	3	Скучный
Не доверяю ему (ей)	3	2	1	0	1	2	3	Полностью доверяю ему (ей)
Понимает меня	3	2	1	0	1	2	3	Не понимает
Серьезный	3	2	1	0	1	2	3	Веселый
Всегда выполняет обязанности свои обещания	3	2	1	0	1	2	3	Не выполняет обещания

Из ответов детей выбрано несколько шкал, которые наиболее полно отражают значимость волонтера в жизни своего подопечного, так как только значимый взрослый может повлиять на развитие и обучение ребенка. Анализу подвергались следующие шкалы:

- доверяю / не доверяю своему волонтеру;
- мой волонтер меня поддерживает / не поддерживает;

- наши встречи с волонтером важны / не важны для меня;
- наши встречи интересные/скучные.

Не по всем шкалам были выявлены статистически значимые различия (G-критерий знаков и T-критерий Вилкоксона значения на уровне $P > 0,05$) в ответах детей в начале и конце года их участия в программе. Показано, что дети стабильно считают во-

лонтера человеком, которому они могут доверять, и получить поддержку от него в трудной ситуации, а встречи с волонтером воспринимаются каждым ребенком, как важные и интересные.

Первый год с наставником часто бывает очень значимым для подопечного: ребенок в организации для детей-сирот, приюте ждет регулярных встреч, радуется, что стал кому-то нужен, его статус в коллективе повышается. Дети больше общаются и друг с другом, и со взрослыми. Как уже указывалось

выше, программа предусматривает постановку краткосрочных целей для пары наставник – ребенок под патронажем психолога-куратора (во избежание завышенных ожиданий и соответственно фрустрирования), поэтому у детей именно на первом году общения с наставником появляются более четкие планы на будущее. Однако при изучении влияния продолжительности взаимоотношения с наставником на академическую успеваемость детей и их социальное самовосприятие, мы получаем иные результаты (Табл. 3).

Таблица 3

Продолжительность взаимоотношений с наставником и академической успеваемости детей, их социальное самовосприятие (% детей)

	Общение с наставником в течение 2-6 лет	Общение с наставником менее 2-х лет
Улучшение академической успеваемости	82	18
Появление хобби	73	27
Мотивация к обучению	80	20
Повышение самооценки	67	33
Повышение уверенности в себе	66	34

Низкий уровень образования и отсутствие мотивации к обучению. Серьезной проблемой последствий жизни в интернате для воспитанников является низкий уровень приобретаемого образования, что связано со слабой образовательной системой, действующей внутри центров содействия семейному воспитанию. Воспитатели не заинтересованы в помощи детям при самоподготовке, редко помогают детям выполнять домашние задания. Кроме того, центры содействия семейному воспитанию не дают достаточной поддержки детям для того, чтобы продолжать обучение после выпуска. Дети не мотивированы на то, чтобы учиться

и получать профессию, занимают иждивенческую позицию. В результате этого, даже несмотря на большое количество льгот, предоставляемых государством для детей при поступлении в высшие учебные заведения, выпускники сиротских учреждений редко принимают решение о продолжении профессионального образования.

Куратор-психолог программы «Старшие Братья Старшие Сестры»: *«Проблема существует. Они не готовы учиться, не готовы работать, поскольку для этого нужно приложить усилия, для этого нужно отказаться от тех или иных удовольствий, которые можно получить вместо того,*

чтобы трудиться, поэтому проблема есть».

Сами наставники отмечают проблему низкого уровня образования у детей, считают ее одной из наиболее насущных и требующих мер по ее решению. В этом отношении наставники, в первую очередь, обращают внимание на слабую технику чтения и математику (счет), как наиболее проблемные точки в способностях подопечных:

«Стало понятно в какой-то момент, когда я попросила его почитать, что он читает с большим трудом. Буквально по слогам. И стало ясно, что нужно с этим что-то делать. Ну, не может мальчик в тринадцать лет читать по слогам» (П., 34 года, наставник, опыт наставничества – 1 год).

«Была еще проблема, заключающаяся в том, что он не умеет считать. Для меня было открытием, когда я клала рубль или два, а он видел двенадцать. И я поняла, что с деньгами они не дружат. В тетрадках-то они считают, а на практике – нет. Долго мы с этим мучились, но я научила его считать» (А., 28 лет, наставник, опыт наставничества – 3 года).

«У них настолько ослабленная программа, что дети в седьмом классе дроби проходят. Для меня это немного диковато» (И., 45 лет, наставник, опыт наставничества – 1,5 года).

Наставники решают проблему привлечения ребенка к учебе с помощью игрового подхода к образовательной деятельности, который помогает детям легче воспринимать информацию и не уставать. Это то, чего воспитатели и сотрудники детских учреждений, а также замещающие родители, часто не могут себе позволить. Как в отношении чтения, так и в отношении за-

нятий по счету, детям интересно узнавать новое в интерактивном формате. Показательным примером в этом отношении является кейс-пара, в которой волонтер придумала специальную игру для подопечного, стеснявшегося и отказывавшегося читать:

«Надо было как-то увлечь его чтением. Как я поняла, самостоятельно он принципиально против. Он понимает, что все другие ребята читают лучше него, а он читает плохо. И я придумала следующую игру. В которую, кстати, он искренне верит, и думает, что это по-взрослому. Я сказала ему: а давай, ты будешь работать. Ты ведь хочешь купить машину “Скорой”. Тебе нужен чемоданчик, деньги. Я предложила ему работать иллюстратором. Я должна приносить ему рассказы, сказки, а он будет делать иллюстрации. Так и началось его приучение к чтению» (П., 34 года, наставник, опыт наставничества – 1 год).

Таким образом, вовлекая ребенка в активную деятельность, волонтер сумела пробудить в нем стабильный интерес и желание научиться читать. Важно отметить, что такая игровая мотивация ребенка может поддерживать его в желании учиться дольше, чем наставления воспитателя. Более того, в таком формате ребенок не ощущает процесса «учебы», что в противном случае могло бы негативно сказаться на восприятии наставника, который обрел бы в глазах ребенка образ учителя, а не друга.

В отношении обучения счету типичным является практический подход: волонтер предлагает ребенку самому выбрать товар, сравнив цены, сделать покупку, посчитать сдачу. Такая практика не только помогает ре-

бенку освоить математический счет, но и дает возможность приобрести опыт взаимодействия в бытовой ситуации, что для ребенка из интерната невозможно в иных условиях и потому особенно ценно.

«Н. дала мне деньги и спросила, смогу ли я сам купить колу. И я зашел в магазин, нашел колу, принес ее на кассу, дал деньги и получил сдачу. Сначала я не умел считать бумажные деньги, но теперь уже умею» (И., 13 лет, подопечный).

Также наставники мотивируют своих подопечных с помощью личного примера и примера своей семьи, что имеет более весомый эффект, нежели беседы, не имеющие привязки к реальным ситуациям. Для детей это более наглядно и значимо.

«Я рассказываю ему об учебе, о системе образования, как можно поступить в институт. Как у меня это происходило. Мы часто говорим о разных профессиях, об уровнях доходов и подобных вещах. Мы говорим с ним о том, что будет, когда он выйдет из детского дома. Такие разговоры обязательно нужны» (П., 34 года, наставник, опыт наставничества – 1 год).

«И я, и мои родственники объясняют ему, и он проникается этим, поскольку видит людей, вызывающих у него уважение и внушающих доверие. Он понимает, что нужно заниматься и развивать мозг» (И., 45 лет, наставник, опыт наставничества – 1,5 года).

Таким образом, благодаря заинтересованности и поддержке наставника дети обретают мотивацию к учебе и продолжению образования после выпуска. Такое взаимодействие побуждает детей к более осознанному подходу к образованию и пониманию

необходимости освоения профессии, что в итоге способствует накоплению индивидуальной образовательной мотивации, а также новых знаний и умений, приобретаемых за время работы с наставником.

Роль индивидуального наставничества в образовательном пространстве велика: у ребенка появляется значимый взрослый. Еженедельные очные встречи подтверждают значимость и ребенка в жизни наставника. От этого у ребенка появляется вера в свои силы, мотивация к учебе, соответственно улучшается успеваемость. Дети учатся решать конфликты, а главное, не боятся испытаний, и начинают включаться в работу класса. Для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации важно, что появился человек, который в них верит. У детей развивается уверенность в себе, способность бороться с неблагоприятными обстоятельствами, если с ними обращаются уважительно, а также обеспечивают их четко определенными стандартами ценностей, требований к себе и советами по решению проблем. Развитие уверенности в своих силах наилучшим образом происходит под влиянием хорошо структурированной, требовательной окружающей среды, а не при ограниченной вседозволенности в хаотичном исследовании мира [26].

Традиционно самооценку детей, воспитывающихся в условиях психической депривации, характеризуют как неадекватно заниженную [19]. Самооценка играет огромную роль в получении образования. Обучающиеся с низкой самооценкой легко ранимы, чувствуют себя одинокими, нелюбимыми и недостойными людьми. Им не просто самовыражаться и отстаивать

свои интересы. Они настолько сосредоточены на своей застенчивости и тревожности, что их способность к самореализации весьма неустойчива. Наставник может влиять на успеваемость ребенка не столько за счет того, что «подтягивает» его академическую успеваемость, делая с ним уроки, проводя дополнительные занятия как репетитор, а тем, что своим вниманием к ребенку повышает его уверенность в себе, способствует появлению мотивации к познавательной и учебной деятельности.

Ребенок чувствует себя нужным, у него появляется стремление добиваться успехов, работает личный пример наставника, который, как правило, успешен в социальном плане (имеет работу, образование и т.д.).

В связи с реформой сиротских учреждений и переводом детей в массовые общеобразовательные и коррекционные школы, остро встал вопрос адаптации детей в новых условиях: новый педагогический коллектив, новая группа сверстников, отличающийся уровень образовательных программ (требования к знаниям более серьезные, большая нагрузка). В этой ситуации детям требуется помощь и поддержка, как в усвоении программы, так и в адаптации в новом коллективе. Важную роль в этом процессе играет наставничество. Наставник помогает ребенку наладить социальные связи и контакт со сверстниками и педагогами, помогает разрешить сложные ситуации, которые могут возникать в процессе их взаимодействия (дети-сироты сложно адаптируются ко всему новому, им комфортно в привычной для них среде и обстановке, у них пло-

хо развиты коммуникативные навыки), и также, безусловно, наставник помогает восполнить пробелы в знаниях, усвоить программу.

Для детей, обучающихся в коррекционной школе, отсутствует возможность получения аттестата. Они выходят после окончания школы только лишь со справкой, что существенно снижает для них выбор колледжей и, соответственно, профессий, которые они могут получить, но у многих детей, исходя из их возможностей, есть шанс получить аттестат за 9-й класс, окончив вечернюю школу. К сожалению, не все дети могут справиться с такой нагрузкой. Поддержка и помощь в этой ситуации очень важна, так как параллельно с вечерней школой дети еще и учатся в колледже (в который пошли после окончания коррекционной школы). Это необходимо в случае, если ребенок не освоит программу девятого класса и не сдаст ОГЭ, у него хотя бы будет специальность. Наставник становится тем человеком, который будет сопровождать ребенка в этом процессе, оказывая помощь и содействие. Более того, не все дети знают о такой возможности, и на начальном этапе наставник, видя потенциал ребенка, может проинформировать его, мотивировать на получение аттестата, показывая перспективы данного решения, повышая его уверенность в своих силах (Табл. 4).

Программа наставничества ставит целью поддержать детей при переходе из коррекционной школы в общеобразовательную, такие случаи единичны (2013–2015 годы – три случая), но побуждают и детей с сохранным интеллектом и их наставников работать в этом направлении.

Таблица 4

Получение среднего общего образования детей с ОВЗ при наличии взаимодействия наставника или при его отсутствии (количество человек)

Дети с наставниками	Из них с ОВЗ	Посещают вечернюю школу
180	110	17
Дети без наставников	Из них с ОВЗ	Посещают вечернюю школу
168	90	5

Выбор учреждения профессионального образования у социальных сирот, в отличие от подростков из семей, имеет ряд специфических особенностей. Воспитанник сиротского учреждения практически лишен возможности развивать свои предметные предпочтения и формировать профессиональные планы. Как правило, дальнейшее образование выпускник получает в немногочисленных образовательных учреждениях, которые могут предоставить жилье и материальную поддержку на время обучения. Наставник, который в течение многих лет поддерживает отношения со своим подопечным на регулярной основе, помогает преодолеть сложности при получении образования, при поступлении в ВУЗ, обучении и дальнейшем трудоустройстве.

Воспитание и образование детей-сирот является актуальной социально-педагогической проблемой. Дети-сироты в силу их особого социального статуса часто более подвержены негативному воздействию общественных процессов, таких как апатия, по-

требительское отношение к жизни, асоциальное поведение, наркотизация и т.д. Все эти проблемы отражаются на успешности обучения детей сирот. Вопреки распространённому мнению неуспеваемость школьников далеко не всегда объясняется низкими умственными способностями или нежеланием учиться. Неуспеваемость всегда вызывается совокупностью причин. Наставник как значимый взрослый мотивирует детей к учебе личным примером, а главное, придает уверенность в собственных силах, что является одним из основных мотивирующих факторов в образовательном процессе.

Дети, оставшиеся без попечения родителей и оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, теряют веру в свои силы, и это мешает образовательному процессу. Обретая в лице наставника значимого взрослого, дети стараются оправдать его ожидания, ценят его участие, вдохновляются личным примером и становятся более уверенными в себе. В комплексе это мотивирует их к академическим занятиям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонова В. К., Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Бирюкова С.С., Тындик А.О., Рожкова О.А., Подстрешная Е.С. Дети в трудной жизненной ситуации: преодоление социальной исключённости детей-сирот. М., 2013. 69 с.
2. Горячева А.А., Яценко Р.П., Телицына А.Ю. Наставничество как практика социокультурной реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальное партнерство: педагогическая поддержка субъектов образования. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2014. С. 243–251.

3. Жуйкова Е.Б. Системный подход к анализу принимающей семьи, как основа психологического сопровождения // Проблема сиротства в современной России. Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М., 2015. С. 600–633.
4. Исмагуллина В.И., Белова А.П., Воронин И.А., Малых С.Б. Роль наследственных и средовых факторов в способности планировать у подростков // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. Вып. 4. С. 6–17.
5. Касицина Н.В. О необходимости расширения образовательного пространства выпускников детских домов // Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Научно-методический сборник. 2015. Вып.4. С. 186–197.
6. Курагина Г. Социальная адаптация выпускников детских домов средствами волонтерской деятельности // Социальное обслуживание семей и детей. Научно-методический сборник. Вып. 4: Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. 2015. С. 142–147.
7. Лактионова А.И., Махнач А.В. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России. Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М., 2015. С. 193–224.
8. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот (профессиональная замещающая семья). М., 2006. 368 с.
9. Печникова Л.С. Восприятие семьи и самоотношение у детей и подростков с различным ранним опытом эмоциональной депривации // Проблема сиротства в современной России. Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М., 2015. С. 500–517.
10. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. 3-е изд. СПб., 2007. 416 с.
11. Радина Н.К., Павлычева Т.Н. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей в современных исследованиях // Социальное обслуживание семей и детей. Научно-методический сборник. Вып. 4: Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. 2015. С. 8–104.
12. Семикин В.В., Векилова С.А. Психологические аспекты проблемы отказа от усыновленных и приемных детей: вторичное сиротство // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. 2013. Вып. 7. С. 81–85.
13. Шульга Т.И., Семья Г.В. Особенности сопровождения замещающих семей, воспитывающих детей с ОВЗ: методические рекомендации. М., 2015. 204 с.
14. Фрумин И.Д., Эльконин Б.Д. Образовательное пространство как пространство развития («школа взросления») // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 24–32.

REFERENCES

1. Deti v trudnoi zhiznennoi situatsii: preodolenie sotsial'noi isklyuchennosti detei-sirot [Children in Difficult Life Situations: the Overcoming of Social Exclusion of Children-Orphans]. Antonova V. K., Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V., Biryukova S.S., Tyndik A.O., Rozhkova O.A., Podstreshnaya E.S. M., 2013. 69 p.
2. Goryacheva A.A., Yatsenko R.P., Telitsyna A.YU. Nastavnichestvo kak praktika sotsiokul'turnoi reabilitatsii detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [Mentoring as a Practice of Socio-Cultural Rehabilitation of Children-Orphans and Children Left Without Parental Care] Sotsial'noe partnerstvo: pedagogicheskaya podderzhka sub"ektov obrazovaniya [Social Partnership: Pedagogical Support of Subjects of Education]. The collection of materials of II International scientific-practical conference, 2014. Pp. 243–251.

3. Zhuikova E.B. Sistemnyi podkhod k analizu prinimayushchei sem'i, kak osnova psikhologicheskogo soprovozhdeniya [A Systematic Approach to the Analysis of a Host Family as the Foundation of Psychological Support] Problema sirotstva v sovremennoi Rossii. Psikhologicheskii aspekt [The Problem of Child Abandonment in Modern Russia. The Psychological Aspect] / Resp. edited by A. V. Makhnach, A. M. Parishioners, N. N. Thick. M., 2015. Pp. 600–633.
4. Rol' nasledstvennykh i sredovykh faktorov v sposobnosti planirovat' u podrostkov [The Role of Genetic and Environmental Factors in Planning Ability in Adolescents], Ismatullina V.I., Belova A.P., Voronin I.A., Malykh S.B. // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2014. T. 7. no. 4. Pp. 6–17.
5. Kasitsina N.V. O neobkhodimosti rasshireniya obrazovatel'nogo prostranstva vypusknikov detskikh domov [On the Need to Expand Educational Space for the Graduates of Orphanages] Adaptatsiya k usloviyam samostoyatel'nogo prozhivaniya vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei. Nauchno-metodicheskii sbornik [Adapting to Independent Living of Orphanages Graduates and Children Left without Parental Care. Scientific-Methodical Collection]. Vol. 4. 2015. Pp. 186–197.
6. Kuragina G. Sotsial'naya adaptatsiya vypusknikov detskikh domov sredstvami volonterskoi deyatel'nosti [Social Adaptation of Orphanage Graduates by Volunteering] // Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei. Nauchno-metodicheskii sbornik. Vyp. 4: Adaptatsiya k usloviyam samostoyatel'nogo prozhivaniya vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei. 2015. Pp. 142–147.
7. Laktionova A.I., Makhnach A.V. ZHiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov-sirot [The Vitality and Social Adaptation of Teenagers-Orphans] Problema sirotstva v sovremennoi Rossii. Psikhologicheskii aspekt [The Problem of Child Abandonment in Modern Russia. The psychological aspect] / Resp. edited by A.V. Makhnach, A.M. Parishioners, N.N. Thick. M., 2015. Pp. 193-224.
8. Oslon V.N. Zhizneustroistvo detei-sirot (professional'naya zameshchayushchaya sem'ya) [Living Arrangements of Orphans (Professional Foster Family)]. M., 2006. 368 p.
9. Pechnikova L.S. Vospriyatie sem'i i samootnoshenie u detei i podrostkov s razlichnym ranim opytom emotsional'noi deprivatsii [The Perception of Family and Self in Children and Adolescents with a Variety of Early Experiences of Emotional Deprivation] Problema sirotstva v sovremennoi Rossii. Psikhologicheskii aspekt [The Problem of Child Abandonment in Modern Russia. The Psychological Aspect] / Resp. edited by A. V. Makhnach, A. M. Parishioners, N. N. Thick. M., 2015. Pp. 500–517.
10. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiya sirotstva. 3-e izd [Psychology of Orphanhood. 3rd Ed]. SPb., 2007. 416 p.
11. Radina N.K., Pavlycheva T.N. Deti-sirotы i deti, ostavshiesya bez popecheniya roditel'ei v sovremennykh issledovaniyakh [Children-Orphans and Children Left without Parental Care in Modern Studies] // Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei. Nauchno-metodicheskii sbornik. Vyp. 4: Adaptatsiya k usloviyam samostoyatel'nogo prozhivaniya vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei. 2015. Pp. 8–104.
12. Semikin V.V., Vekilova S.A. Psikhologicheskie aspekty problemy otказа ot usynovlennykh i priemnykh detei: vtorichnoe sirotstvo [Psychological Aspects of the Problem of Waiver from Adopted and Foster Children: Secondary Orphanhood] // Sovremennye lektsii psikhologii sem'i: fenomeny, metody, kontseptsii. 2013. No. 7. Pp. 81–85.
13. Shul'ga T.I., Sem'ya G.V. Osobennosti soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei, vospityvayushchikh detei s OVZ: metodicheskie rekomendatsii [Features Support of Foster Families Raising Children with Disabilities: Guidelines]. M., 2015. 204 p.

14. Frumin I.D., El'konin B.D. Obrazovatel'noe prostranstvo kak prostranstvo razvitiya («shkola vzrosleniya») [Educational Space as a Space of Development (“School of Maturing”)] // *Voprosy psikhologii*. 1993. No. 1. Pp. 24–32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Телицына Александра Юрьевна – кандидат биологических наук, исполнительный директор Межрегиональной общественной организации «Старшие Братья Старшие Сестры России»;

e-mail: Alexandra.telitsyna@nastavniki.org

Гнутова Александра Андреевна – руководитель программы Межрегиональной общественной организации «Старшие Братья Старшие Сестры России»;

e-mail: leksandra.goryacheva@nastavniki.org

Лобазникова Надежда Юрьевна – куратор Межрегиональной общественной организации «Старшие Братья Старшие Сестры России»;

e-mail: nadezhda.lobaznikova@nastavniki.org

Шмагина Наталья Сергеевна – аспирант Столичной финансово-гуманитарной академии, методист отдела сопровождения замещающих семей Центра сопровождения замещающих семей Московского государственного областного университета;

e-mail: nataika01.11@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Telytsina Alexandra Yu. – PhD in Biology, Executive Director of Inter-Regional Social Organization “Elder Brothers Elder Sisters of Russia”;

e-mail: Alexandra.telitsyna@nastavniki.org

Lobaznikova Nadezhda Yu. – curator of Inter-Regional Social Organization “Elder Brothers Elder Sisters of Russia”;

e-mail: nadezhda.lobaznikova@nastavniki.org

Shmagina Natalia S. – postgraduate student of Metropolitan Financial-Humanities Academy, methodologist of the Department of Foster Families Support, Center of Foster Families Support, Moscow State Regional University;

e-mail: nataika01.11@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Телицына А.Ю., Гнутова А.А., Лобазникова Н.Ю., Шмагина Н.С. Социально-педагогическая роль индивидуального наставничества в образовательном пространстве детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, как волонтерская практика преодоления проблем социальной адаптации // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 73–87.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-73-87

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Telitsyna, A. Gnutova, N. Lobaznikova, N. Shmagina. Social role of one-to-one mentoring in education as a volunteer practice for the social adaptation of children in difficult life situation // *Bulletin of Moscow State Regional University*. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 73–87.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-73-87

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.078: 316.47

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-88-97

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОНКУРЕНТОСПОСОБНОМ РАБОТНИКЕ

Веревкина Ю.В., Филинкова Е.Б.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен концептуальный подход к исследованию представлений о конкурентоспособном работнике. Центральным понятием данного подхода является категория «социальные представления». Показано, что представления о конкурентоспособности складываются из представлений о необходимости данного качества у человека, представлений о личности конкурентоспособного работника, о его деятельности. Выявлено, что конкурентоспособность работника является неотъемлемой частью трудовых отношений и в большей степени обусловлена его личностными качествами и характеристиками деятельности.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентоспособный работник, социальные представления, представления о конкурентоспособном работнике.

PROGRAM FOR THE STUDY OF SOCIAL REPRESENTATIONS ON A COMPETITIVE EMPLOYEE

Yu. Verevkina, E. Filinkova

*Moscow State Regional University
10 A Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract: This paper presents a conceptual approach to the study of representations on a competitive employee. The central concept of this approach is the category of "social representations". It is shown that the notions of competitiveness arise from the views about the necessity of having such quality as competitiveness, the ideas of a competitive employee's personality and his activities. It is identified that competitiveness is an integral part of the employment relationship. Besides, competitiveness of a worker is to a greater degree conditioned by his personal qualities and characteristics of his activities.

Key words: competitiveness, competitive employee, social representations, perceptions of a competitive employee.

© Веревкина Ю.В., Филинкова Е.Б., 2016.

Постановка проблемы

Происходящие социально-экономические изменения, обусловленные сменой планового социалистического хозяйства на рыночные отношения, имеют своим результатом не только ценностные изменения, но и изменения в поведении людей, не связанные с трансформацией ценностей – во всех сферах общественной жизни нарастает конкуренция, связанная с борьбой за ограниченные ресурсы. Широкое распространение конкуренции и усиление ее влияния как на экономическое поведение, так и на экономическое сознание людей обуславливает необходимость пристального внимания разных научных дисциплин к данному феномену.

Для психологии важно изучение феномена конкуренции не как стратегии достижения результата (на этом аспекте традиционно сосредоточена экономическая наука), но как детерминанты соответствующего поведения. С этой точки зрения значимым понятием является не «конкуренция», а тесно связанная с ней «конкурентоспособность».

Экономический подход к конкурентоспособности персонала определяет ее как характеристику рабочей силы, отражающую способность к эффективной профессиональной деятельности. Эффективность труда, а следовательно, и конкурентоспособность работника связывается с его социально-демографическими особенностями и профессиональными навыками и умениями, личностные свойства, если и включаются в структуру конкурентоспособности, то не в системе, а по отдельности, в зависимости от профессиональной принадлежности работника.

Подход, который можно назвать психолого-педагогическим (исследования в рамках педагогической психологии, психологии развития, акмеологии и педагогики), напротив, ориентирован скорее на изучение психологических особенностей конкурентоспособного работника, что подчеркивается использованием термина «конкурентоспособная личность». Внутри психологического подхода существует два основных направления изучения конкурентоспособности. Во-первых, изучение *психологических условий и стратегий развития* конкурентоспособности специалиста (Е.А. Подосинникова, Е.А. Токарева, Д.С. Котикова, Г.К. Максимов, А.В. Плугарева, С.В. Евецкая и др.); во-вторых, изучение *процесса формирования* конкурентоспособности в процессе обучения (Д.С. Котикова, В.И. Шаповалов и др.).

Анализ работ, выполненных в рамках психолого-педагогического подхода, показывает, что конкурентоспособность работника описывается через два основных параметра – личность и деятельность. *Характеристики личности* работника, которые имеют отношение к его конкурентоспособности, можно подразделить на:

– *общие*, т.е. не связанные напрямую с профессиональной деятельностью: пол, возраст, уровень образования – то, что в экономической науке называется трудовым потенциалом (Т.В. Хлопова, А.В. Шабурова, В.Н. Лазарев, Е.В. Пирогова и др.), уровень интеллектуального развития (Г.К. Максимов, Е.Л. Холодцева), направленность на достижение целей (А.В. Плугарева), личностная готовность к изменениям (А.В. Плугарева), психологическая готовность к дея-

тельности (Е.Л. Холодцева), лидерские качества (Д.С. Котикова), склонность к риску (Д.С. Котикова), самоэффективность (Е.В. Токарева);

– *профессионально важные*, прямо влияющие на профессиональную деятельность, например, мотивация труда, профессиональные навыки и умения и т.п. (С.В. Евецкая, Л.А. Емельянова, Г.К. Максимов, А.В. Плугарева, Е.Л. Холодцева и др.).

К психологическим *характеристикам деятельности* конкурентоспособного работника мы отнесли две переменные: удовлетворенность результатами труда (Е.А. Подосинникова) и успешность деятельности (Ж.Б. Шаймакова).

Понимание конкурентоспособности как интегрального свойства личности, отражающего ее успешность в конкурентной борьбе, несмотря на широкую распространенность, является ограниченным. Трудовая деятельность работника протекает не иначе как в социуме, точнее, в конкретных малых и средних группах. Соответственно, конкурентоспособность как условие успешности в борьбе за ресурсы определяется не только личностными особенностями, но и *социальными отношениями, позицией* работника в социальном взаимодействии. Социальный аспект конкурентоспособности личности, детерминированный ее включением в социальную среду (взаимодействие с коллегами, руководством, соперниками-конкурентами на рынке труда и т.п.), изучен недостаточно, что обуславливает новизну и актуальность настоящего исследования, **объектом** которого является феномен конкурентоспособности личности.

Обратим внимание еще на один аспект изучения конкурентоспособности: исследователи при рассмотрении данного феномена опираются на собственное, индивидуальное его понимание. Объективная сложность самого феномена конкурентоспособности, а также различия в субъективных подходах к нему обуславливают огромное разнообразие личностных качеств, которые разные авторы включают в конкурентоспособность как интегральную характеристику личности. Перечень личностных свойств настолько обширен, что пересечений между позициями авторов совсем немного. Это, в свою очередь, не позволяет вычлнить главные, центральные личностные свойства, которые являются ядром конкурентоспособности.

На наш взгляд, продуктивным в этом отношении является подход с позиции социальных представлений: содержащиеся в коллективном мнении характеристики будут более объективизированы (будут точнее отражать этот феномен). Однако важнее оказывается тот факт, что конкурентное поведение людей и внутри организации, и на рынке труда обуславливается не только их собственными имплицитными теориями конкурентоспособности, но и общественными *представлениями* о ней. Социальные представления являются инструментом именно группового (не индивидуального) социального познания, поскольку вырабатываются на основе опыта, деятельности группы, апеллируя к почерпнутым в этом опыте житейским соображениям [3]. Социальные представления, кристаллизуясь в специфических социальных структурах, оказывают *принудительное воздействие*, распро-

страняющееся на всех членов данного сообщества [4]. Соответственно, представления о конкурентоспособном работнике, возникающие первоначально в производственной группе и организации и далее распространяющиеся в обществе, определяют в итоге содержание феномена конкурентоспособности работника.

Таким образом, **целью** настоящего теоретического исследования является разработка программы изучения социальных представлений о конкурентоспособном работнике. **Предмет** исследования – социальные представления о конкурентоспособном работнике. **Задачи** исследования: 1) разработка концептуальной основы изучения социальных представлений о конкурентоспособном работнике; 2) выделение структурных компонентов социальных представлений о конкурентоспособном работнике; 3) разработка стандартизированного интервью; 4) апробация программы.

Основная гипотеза исследования: представления о конкурентоспособности работника можно структурировать, выделив три компонента: отношение к конкурентоспособности и представления о характеристиках личности и деятельности работника.

Концептуальный подход к изучению социальных представлений о конкурентоспособном работнике

Как следует из вышесказанного, центральным понятием нашего концептуального подхода является категория «социальные представления», понимаемая как обыденные представления какой-либо группы о тех или иных социальных явлениях, т.е. способ интерпретации и осмысле-

ния повседневной реальности [3]. В структуре социальных представлений традиционно (С. Московичи, Г.М. Андреева, Е.А. Гайдукова) выделяется три компонента: аттитюд (установка – отношение субъекта к объекту представления), информация (определенный уровень информированности – сумма знаний об объекте исследования) и поле представления (иерархизированное единство элементов, отражающих образные и смысловые свойства представлений).

Трудности с выделением отдельных компонентов, предложенных С. Московичи, привели к большей распространенности исследований, основанных на структурном подходе Ж.-К. Абрика, который выделял в качестве основных элементов социального представления центральное ядро (стабильное и устойчивое, связанное с коллективной памятью и историей группы) и периферическую систему (динамичную и изменчивую, обеспечивающую интеграцию индивидуального опыта каждого, позволяющую человеку адаптироваться к конкретной реальности) [5]. С точки зрения данного подхода возможно определить то, что остается неизменным в структуре представлений о конкурентоспособности, и то, что претерпевает изменения и зависит от пола, возраста и профессионального статуса респондентов.

Принимая во внимание позицию С. Московичи, мы считаем, что исследование социальных представлений должно включать два основных компонента: отношение к конкурентоспособности и содержательное наполнение феномена конкурентоспособности. Отношение представителей разных социальных групп к конкурен-

тоспособности, на наш взгляд, наилучшим образом выражается в ее *значимости*, которую можно раскрыть через такие составляющие, как: 1) необходимость конкурентоспособности для разных сфер бытия человека: повседневной жизни, деловых взаимоотношений, трудовой деятельности и 2) функции, которые выполняет конкурентоспособность в производственной жизни человека.

Содержание представлений о конкурентоспособности работника должно отражать тот факт, что конкурентоспособность в данном случае есть свойство *работающего* человека, т.е. представления должны раскрывать два главных аспекта феномена конкурентоспособности работника: во-первых, то, что работник – личность, во-вторых, что он занят производственной деятельностью.

Социальные *представления* о личности не могут не соответствовать в той или иной степени научному знанию, описывающему *личность* конкурентоспособного работника, поэтому, раскрывая содержание данных социальных представлений, мы будем опираться на экономические и психологические исследования личностных свойств конкурентоспособного работника. Личность специалиста, способного выдержать конкуренцию за трудовой пост, в экономической теории раскрывается при помощи понятия «трудовой потенциал» (С.В. Рачек, Н.И. Шаталова, Т.В. Хлопова, Л.Г. Ивановская, О.Г. Кириллова, Ю.Г. Одегов, А.В. Шабурова и др.), отражающего совокупность социологических (пол, возраст), профессионально-квалификационных (уровень образования и стаж работника) характеристик ра-

ботника и его отдельных личностных качеств.

Действительно, нельзя не видеть, что конкурентоспособность мужчин и женщин может быть связана с разными областями деятельности, мужчины могут быть более успешными, а значит, способными к конкуренции в одном деле, а женщины – в другом. Стаж работы так же, как и уровень образования, связан с компетентностью работника, являющейся основой конкурентоспособности [2]. От возраста зависит успешность в тех видах деятельности, где требуется высокое напряжение, выносливость и энергия в работе (например, в работе брокера биржи). Следовательно, социальные представления о конкурентоспособном работнике должны включать в себя данные социально-демографические характеристики и кроме того дополняться переменной «семейное положение». Включение параметра «наличие-отсутствие семьи» обусловлено существующей скрытой дискриминацией на рынке труда: не секрет, что некоторые предприятия не берут на работу молодых замужних женщин (особенно с маленькими детьми), а другие, напротив, ограничивают число неженатых мужчин среди персонала.

Анализ психологических и экономических исследований позволяет констатировать многообразие личностных особенностей конкурентоспособного работника [1]. Изучение представлений о личностных качествах возможно двумя путями. Во-первых, следует создать портрет конкурентоспособного работника, существующий в массовом сознании. Этот портрет должен включать в себя не только представления о свойствах

характера, но и представления о мотивационной направленности конкурентоспособного работника в труде. Дополнительные штрихи к портрету возможно получить, изучив, по каким поведенческим проявлениям коллеги и руководство могут судить о конкурентоспособности того или иного специалиста. Во-вторых, конкурентоспособность – характеристика динамичная, что подразумевает ее возможный рост или, наоборот, снижение. С учетом этого следует изучать не только представления о стабильных личностных свойствах, составляющих базовый образ конкурентоспособного работника, но и детерминанты, в том числе психологические, влияющие, по мнению большинства, на уровень конкурентоспособности работника.

Восприятие конкурентоспособности работника внутри организации невозможно в отрыве от его организационного поведения, взаимодействия с коллегами, руководством и т.п. С этой точки зрения необходимо рассмотреть такие аспекты, как функции, выполняемые работником в группе, отношения соперничества-кооперации с коллегами и руководством, конфликтность, отношение работника к нормам морали и права, отражающее, на что готов пойти работник ради повышения своей конкурентоспособности и карьерного роста.

Результаты пилотажного исследования, посвященного изучению представлений москвичей об особенностях конкурентоспособного работника, демонстрируют устойчивое мнение о том, что конкурентоспособный работник любит конкуренцию и охотно вступает в борьбу [2]. Социальные представления об отношении конку-

рентоспособного работника к своей деятельности будут не полными, если нет ответа на вопрос о том, всегда ли ради повышения собственной конкурентоспособности работник готов идти на риск (будь то финансовые потери, неоправданные ожидания, потеря доверия в глазах других), каков уровень успешности его деятельности, а также в чем проявляется эта успешность, и каков уровень удовлетворенности трудом. Перечисленные выше характеристики (отношение к конкуренции, риску в деятельности, успешность и удовлетворенность трудом) отражают особенности *деятельности* конкурентоспособного работника, т.е. тот факт, что он является производственной единицей.

Представленное выше концептуальное понимание исследования представлений о конкурентоспособности было реализовано в разработанной нами программе опроса, содержащего три основных блока: «Представления о необходимости конкурентоспособности»; «Представления о личности конкурентоспособного работника» и «Представления о деятельности конкурентоспособного работника».

В блок «Представления о необходимости конкурентоспособности» вошли переменные, исследующие необходимость конкурентоспособности в повседневной жизни, в деловых отношениях и в труде (1)¹; цели повышения работником собственной конкурентоспособности (2); качества, необходимые конкурентоспособному работнику в различных сферах деятельности (3); социальное значение конкурентоспособного работника (5).

¹ Здесь и далее в скобках указаны номера вопросов в анкете.

В блок «Представления о личности конкурентоспособного работника» вошли переменные: признаки конкурентоспособного работника (6); представления о факторах повышения-понижения конкурентоспособности (10), социально-демографических характеристиках конкурентоспособного работника (7, 8, 9, 11, 12), его отношении к закону (17), нормам морали (18); представления о личностных особенностях (13, 14, 21, 22); об отношениях конкурентоспособного работника с коллегами (23) и руководством (19); функциях, выполняемых в коллективе (25).

В блок «Представления о деятельности конкурентоспособного работника» вошли переменные, изучающие отношение конкурентоспособного работника к внутрифирменной конкуренции (20), риску, связанному с повышением собственной конкурентоспособности (15, 16); успешность деятельности (27) и востребованность (4) такого работника; оценки его самоэффективности (24, 29) и удовлетворенности деятельностью (26, 28).

Основные результаты исследования. В исследовании социальных представлений о конкурентоспособном работнике приняли участие 291 человек в возрасте от 17 до 54 лет, из которых 138 мужчин и 153 женщины.

Практически все опрошенные полагают, что наличие конкурентоспособности необходимо человеку в деловых отношениях и в труде, менее половины ответивших (44,3 %) связывает конкурентоспособность с личным общением людей. Повышать собственную конкурентоспособность необходимо для того, чтобы иметь возможность лучше трудоустроиться,

продвигаться по службе, реализовать свои знания, умения и навыки, поскольку люди конкурируют за продвижение по карьерной лестнице (59,1 %), получение большего заработка (57 %) и определенной должности (44,7 %). В наименьшей степени конкурентоспособного работника привлекает возможность быть известным (ответ выбрали 5,8 % опрошенных).

Единого мнения о значении конкурентоспособного работника для общества не выявлено. Примерно равные количества участников опроса (по одной трети) придерживаются трех различных точек зрения: конкурентоспособность работает только на самого индивидуума, на его коллег (путем создания позитивного примера) и на предприятие и общество в целом.

Конкурентоспособность работника, по мнению респондентов, только отчасти связана с его социально-демографическими характеристиками: возрастом, полом, образованием: данные характеристики считают значимыми не более половины респондентов. Наличие семьи оказалось еще менее значимым фактором конкурентоспособности.

В коллективном сознании нет единства о направленности конкурентоспособного работника: по мнению половины (56 %) опрошенных конкурентоспособный работник в равной степени нацелен на личные и на производственные интересы. Вторая по численности группа (пятая часть) склоняется к тому, что работник удовлетворяет скорее личные интересы.

Наблюдается значительное сходство мнений относительно отдельных качеств, которыми должен обладать конкурентоспособный работник: это

активный (1,61 – средний балл по 5-ти бальной шкале от -2 до +2), трудолюбивый (1,58), прогрессивный (1,1), ответственный (1,63), стрессоустойчивый (1,52), креативный (1,23), компетентный (1,58), уверенный в себе (1,63), инициативный (1,48), уважаемый в коллективе (1,13), быстрый (1,2), амбициозный (1,17) и приятный (1,13) человек, при этом, скорее, лидер чем ведомый (1,33).

На возможность повышения конкурентоспособности работника в борьбе за определенное место в организации, по мнению ответивших, влияют рост профессиональной компетентности (50,2 % выборки), получение дополнительного образования (49,5 %) и постоянное саморазвитие (45,7 %). Основными факторами снижения конкурентоспособности выступают узкая специализация (43,5 % ответивших), отсутствие саморазвития (42,6 %) и снижение заинтересованности в результате (40,9 %).

Конкурентоспособность работника связана с социально-психологическими характеристиками, однако не все переменные, заложенные в нашу программу исследования, нашли свое отражение в массовом сознании. В частности, близкими оказались представления участников опроса о положительном отношении конкурентоспособного работника к закону (81,1 % всех ответивших) и нормам морали (62,5 %), а также об отношении работника к руководителю: конкурентоспособный работник поддерживает руководителя и стремится обратить на себя его внимание (по 77 % ответов на каждую переменную), признает авторитет руководителя (71,1 %), считает его компетентным в определенных вопро-

сах (66,3 %), предпочитает быть близок к руководителю (65,9 %).

В то же время мнения наших респондентов оказались противоречивыми относительно взаимоотношений работника с коллегами, прежде всего, это касается типовых стратегий взаимодействия. Единственной общей для большинства опрошенных в данной группе переменных характеристикой явилось представление, что конкурентоспособный работник старается быть полезным коллегам по работе (80,1 %). Совершенно разошлись во мнении наши респонденты относительно конфликтности конкурентоспособного работника: диапазон мнений варьировал от «провоцирует конфликты» до «старается избегать конфликтов».

Общими характеристиками представлений о деятельности конкурентоспособного работника являются: представления о высоком уровне его самооффективности в сфере предметной деятельности и удовлетворенности трудом (69,1 %). В массовом сознании конкурентоспособность связана с успешностью. Успешность конкурентоспособного работника проявляется в трудоустройстве (83,8 %), в получении высокого заработка (70,4 %), в карьере (80,1 %), в самореализации (71,4 %), в повышении собственной компетентности, профессионализма (84,2 %) и в работе в целом (81,1 %).

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили наше предположение, что представления о конкурентоспособности работника можно структурировать по трем компонентам: 1) отношение к конкурентоспособности, 2) представления о характеристиках личности и 3) представления о деятельности работника.

В массовом сознании конкурентоспособность лишь отчасти связана с социально-демографическими характеристиками работника, в большей степени конкурентоспособность обусловлена его личностными качествами и характеристиками деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веревкина Ю.В. Конкурентоспособный работник: становление понятия // Вестник современной науки: научно-теоретический журнал. Спецвыпуск по итогам II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы педагогики и психологии: теория и практика». Волгоград, 2015. С. 12–16.
2. Веревкина Ю.В. Представления москвичей о психологических особенностях конкурентоспособного работника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 3. С. 12–16.
3. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987. 128 с.
4. Москвичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18
5. Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations. 1993. V. 2. № 2. P. 75–78.

REFERENCES

1. Verevkin YU.V. Konkurentosposobnyi rabotnik: stanovlenie ponyatiya [Competitive Employee: the Formation of Concepts] Vestnik sovremennoi nauki: nauchno-teoreticheskii zhurnal. Spetsvypusk po itogam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii: teoriya i praktika» [Herald of Modern Science: Scientific-Theoretical Journal. Special Issue on the Results of the II International Scientific-Practical Conference "Actual Problems of Psychology and Pedagogy: Theory and Practice"]. Volgograd, 2015. Pp. 12–16.
2. Verevkin YU.V. Predstavleniya moskvicei o psikhologicheskikh oso-bennostyakh konkurentosposobnogo rabotnika [Moscovites' Representations on the Psychological Specificities of a Competitive Employee] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2015. no. 3. Pp. 12–16.
3. Dontsov A.I., Emel'yanova T.P. Kontseptsiya sotsial'nykh predstavlenii v sovremennoi frantsuzskoi psikhologii [The Concept of Social Representation in Modern French Psychology]. M., 1987. 128 p.
4. Moskvichi S. Sotsial'noe predstavlenie: istoricheskii vzglyad [Social Representation: a Historical View] // Psikhologicheskii zhurnal. 1995. no. T. 16. № 1. Pp. 3–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Веревкина Юлия Владимировна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Jane421@yandex.ru

Филинкова Евгения Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Jane421@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Verevkina Yulia V. – Postgraduate student of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;

e-mail: Jane421@yandex.ru

Filinkova Eugenia B. – PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;

e-mail: Jane421@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Веревкина Ю.В., Филинкова Е.Б. Программа исследования социальных представлений о конкурентоспособном работнике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 88–97.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-88-97

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Yu. Verevkina, E. Filinkova. Program for the study of social representations on a competitive employee // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 88–97.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-88-97

УДК 159.9.075

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-98-105

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЕАТИВНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ И ИНЖЕНЕРОВ-ПРОГРАММИСТОВ

Ивахненко О.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ креативности менеджеров и инженеров-программистов, результаты которого говорят об имеющихся различиях между группами. В каждой из изучаемых групп выделены индивидуальные показатели креативности, которые могут свидетельствовать о проявлении творческих способностей. В целом по критериям креативности менеджеры имеют более высокие показатели, чем инженеры-программисты. Проведенное исследование показало, что при обучении инженера и менеджера необходимо развивать креативность.

Ключевые слова: креативность, проблема креативности, креативность инженеров-программистов, креативность менеджеров, сравнительный анализ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MANAGERS' AND ENGINEERS – PROGRAMMERS' CREATIVITY

O. Ivakhnenko

*Moscow State Regional University
10A, Radio st., Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article presents the comparison of managers' creativity and programmer engineers' one. The comparative analysis of creativity showed that there are certain differences between the two groups: of managers and programmer engineers. In each of the studied groups the criteria of creativity, which may indicate creative abilities of the group, are marked. On the whole, the criteria of managers' creativity have higher rates than of the programmer engineers' ones. This research showed that it is necessary to develop creativity while educating both programmers and managers.

Key words: creativity, problem of creativity, creativity of programmer engineers, managers' creativity, comparative analysis.

Проблема креативности с каждым годом становится все актуальнее не только для работников творческих профессий, но и для представителей таких профессий, как менеджеры и инженеры-программисты. Становится все более очевидным, что современным и эффективным может быть только общество, основанное не просто на знаниях, но и на интеллекте и творчестве людей. К признакам креативности, требующим реализации деятельности, можно отнести множе-

ственность вероятностных решений в жизненных ситуациях современного мира, противоречивость данных в ситуациях, а также непредсказуемость. Креативность обеспечивает развитие как творческой личности, так и общества в целом.

На сегодняшний день не выявлено единого подхода к определению креативности. Общим в понятии является то, что способность к творчеству видится в создании нечто нового, оригинального. В исследовании под креативностью понимается творческая способность человека (дивергентное мышление) порождать необычные идеи, находить оригинальные решения проблем, создавать нечто качественно новое.

Клейберг Ю.А. отмечает, что «важное значение для настоящего мастера имеет духовное богатство внутреннего мира личности творца, его постоянная направленность на творческое действие во внешнем мире» [3, с. 48].

Еще в 90-х гг. XX в. активно изучалась способность к креативности инженеров. Было выявлено, что эти специалисты обладают высоким уровнем пространственных представлений, хорошей памятью, образностью мышления, воображением [6].

В.И. Лившиц [4], рассматривая проблему формирования креативности в процессе обучения инженера, считает, что в современное инженерное образование не достаточно полно реализуется в готовности образовательной системы вовремя реагировать на компьютерную революцию: «Иные интеллектуалы-гуманитарии убеждены, что любая технология, в том числе инженерное дело, подавляет креативность, что от инженеров требуется

прежде всего конвергентное мышление, тяготение к стереотипам, в то время как креативность базируется на дивергентном мышлении – разнонаправленном, а часто и вопреки логике» [4, с. 27].

По данным А.Г. Анацкой [1], 25 % экспериментальной группы менеджеров имеют высокий уровень креативности, 40 % – средний уровень и 35 % – низкий (по тесту Е.П. Торренса, опросник креативности Джонсона).

Результаты исследований уровня креативности студентов менеджеров Оренбургского государственного университета, проведенных В.В. Мороз [5], показали, что без целенаправленной педагогической поддержки происходит снижение креативности к старшим курсам: 1 курс – 48,5 %, 2 курс – 32,62 %, 3 курс – 6,44 %, 4 курс – 8,15 %, 5 курс – 4,29 % (опросник Дж. Кинчера, авторский опросник креативности в обучении).

По результатам опроса «отношение студентов к креативным людям положительное у 91,27 % респондентов, нейтральное у 8,73 %, отрицательно лишь у 0,44 %. Большинство (73,39 %) студентов считают себя креативными, высоко креативными 13,3 %, не креативными – 8,58 %, затруднились ответить – 5,58 %» [5, с. 34]. Также студенты утверждают, что «они более креативны – вне университета 74,55 %, в то время, как только 11,61 % почувствовали, что они креативны в университете. 50 % студентов указали на то, что на занятиях нет необходимости быть креативными, 6 % отметили, что такая потребность возникает очень редко, и только 4 % утверждают, что все занятия способствуют развитию креативности.

40 % студентов отметили, что такие дисциплины, как иностранный язык, философия, психология и маркетинг, требуют от них проявления креативности» [5, с. 34]. Для перехода к инновационной экономике – «экономике знаний», которая базируется на инновациях, открытиях и «прорывах» в теории и на практике, необходим новый креативный подход, поэтому меняется модель современного менеджмента, главными характеристиками которого предстают творчество и креативность – способность специалистов к генерации новых идей, ориентация на современное качество жизни потребителя [7].

Недостаток знаний в области креативности позволяет определить **проблему** исследования: результаты креативности у менеджеров и инженеров-программистов будут различаться.

Цель исследования: провести анализ креативности менеджеров и инженеров-программистов.

Гипотеза исследования: результаты креативности у менеджеров и инженеров будут иметь свои особенности и отличаться в силу своей профессиональной принадлежности.

Задачи исследования:

1. Проверить теоретический анализ изучения креативности.

2. Выявить особенности креативности менеджеров и инженеров-программистов.

3. Описать специфику проявления креативности в группах менеджеров и инженеров-программистов.

В работе использовались следующие методики:

1) **Методика Торренса «Каракули»** – модификация теста «Каракули» батареи креативности Торренса, ко-

торая включала в себя исследование креативности по ряду критериев: «беглость», «оригинальность», «уникальность», «абстрактность названия», «сопротивление замыканию», «разработанность», а также «использование цвета». В методике использовались дополнительные показатели, чтобы расширить диагностику и более подробно и объективно рассмотреть проявления креативности в группах менеджеров и инженеров-программистов.

2) **Методика Э. Вартега «Круги»** – ее критериями для нас явились: «беглость», «гибкость», «оригинальность».

3) **Методика «Предложения»** – направлена на изучение вербальной креативности.

4) **Тест «Креативность» Н.Ф. Вишняковой**

Н.Ф. Вишнякова выделяет следующие критерии: «творческое мышление», «любопытность», «оригинальность», «воображение», «интуиция», «эмоциональность, эмпатия», «чувство юмора», «творческое отношение к профессии». Сравнение двух образов креативности «Я-реальный» и «Я-идеальный» позволяет определять креативный резерв и творческий потенциал личности.

5) **Метод t-критерия Стьюдента**

В исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 21 до 22 лет. Это учащиеся МИРЭА (50 чел) и ГОУ МГИУ (50 чел), студенты 4-го курса, бакалавриат.

Результаты изучения креативности по тесту «Каракули» позволили выделить следующее: общий уровень креативности показывает, что на 1-м месте менеджеры (5,9 балла), на 2-м месте инженеры-программисты (4,63

балла). Результаты индивидуальных особенностей креативности (по самой лучшей картинке) не различаются, а результаты индивидуальных проявлений (самый высокий уровень креативности у одного человека) у менеджеров 9,29 баллов, а у инженеров-программистов 8,71 балла.

По результатам изучения креативности по тесту Э. Вартега «Круги» отмечается следующее: анализ по критерию «оригинальность» показывает, что на 1-м месте инженеры-программисты (34,28 балла), на 2-м месте менеджеры (35,52 балла). По критерию «гибкость» на 1-м месте менеджеры (7,32 балла), на 2-м месте инженеры-программисты (6,22 балла). Результаты по критерию «беглость» не различаются: у менеджеров 18,48 балла, а у инженеров-программистов 18,23 балла. По сумме всех критериев также различий не обнаружено у менеджеров 61,32 балла, а у инженеров-программистов 60,73 балла.

Результаты изучения креативности по методике «Предложения» показывают, что у инженеров-программистов

4,94 балла, у менеджеров наблюдается немного меньший уровень вербальной креативности – 4,18 балла.

Таким образом, результаты изучения креативности по тестам «Каракули», «Круги» и «Предложения» не показали различий между уровнем креативности менеджеров и инженеров-программистов, так как разница в полученных результатах незначительна.

Однако по результатам рисуночных тестов можно выделить некоторые особенности в исследуемых группах. Так, инженеры-программисты используют характерные рисунки и элементы, присущие их профессии, например: «металлический профиль», «светодиод», «осциллограф» и т.д. Результаты их рисуночных тестов инженеров-программистов имеют более узкую техническую направленность. Тогда как менеджеры рисуют более общие понятия или предметы, не имеющие принадлежности к своей профессии [2].

Результаты изучения креативности по тесту «Креативность» Н.Ф. Вишняковой представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели креативности менеджеров и инженеров-программистов

Показатели креативности		Менеджеры		Инженеры-программисты	
		Яр	Яи	Яр	Яи
Творческое мышление	выс	24 %	14 %	16 %	24 %
	ср	64 %	72 %	72 %	66 %
Любознательность	выс	18 %	22 %	16 %	40 %
	ср	74 %	60 %	72 %	48 %
Оригинальность	выс	20 %	26 %	38 %	16 %
	ср	74 %	40 %	54 %	76 %
Воображение	выс	24 %	18 %	16 %	18 %
	ср	60 %	64 %	54 %	72 %
Интуиция	выс	36 %	14 %	26 %	14 %
	ср	62 %	54 %	54 %	50 %

Продолжение табл. 1 на с. 102

Показатели креативности		Менеджеры		Инженеры-программисты	
		Яр	Яи	Яр	Яи
Эмоциональность, эмпатия	выс	46%	42%	22%	30%
	ср	38%	40%	36%	64%
Чувство юмора	выс	44%	24%	32%	30%
	ср	54%	60%	38%	60%
Творческое отношение к профессии	выс	5%	12%	5%	18%
	ср	38%	50%	40%	66%

По критерию «Творческое мышление» больший процент высоких показателей наблюдается у менеджеров (24 %) и меньший процент высоких показателей у инженеров-программистов (16 %), а более высокий процент средних показателей наблюдается у инженеров-программистов (72 %), тогда как процент средних показателей у менеджеров 64 %. Следует отметить, что несмотря на то, что по высокому показателю у инженеров-программистов наблюдается меньший процент, чем у менеджеров, они имеют достаточно высокий потенциал (24 %, процент показателя Я-идеального), в то время как у менеджеров результаты по данному критерию по показателю Я-идеального снижены (14 %).

По критерию «Любознательность» процент высоких и средних показателей не различается. Процент высоких показателей у менеджеров 18 %, а у инженеров-программистов 16 %. Однако инженеры-программисты имеют высокий потенциал (40 %). Процент средних показателей у менеджеров 74 %, а у инженеров-программистов составляет 72 %.

По критерию «Оригинальность» наибольший процент высоких показателей наблюдается у инженеров-программистов (38 %), тогда как процент высоких показателей у менеджеров со-

ставляет 20 %, однако более высокий процент средних показателей по этому критерию наблюдается у менеджеров (74 %), тогда как процент средних показателей у инженеров-программистов составляет 54 %.

По критерию «Воображение» наибольший процент высоких показателей наблюдается у менеджеров (24 %), тогда как процент высоких показателей у инженеров-программистов составляет 20 %, однако более высокий процент средних показателей по этому критерию наблюдается у менеджеров (74 %), тогда как процент средних показателей у инженеров-программистов составляет 54 %, но у инженеров-программистов по среднему показателю имеется высокий потенциал (72 %).

По критерию «Интуиция» наибольший процент высоких показателей наблюдается у менеджеров (36 %), тогда как процент высоких показателей у инженеров-программистов составляет 26 %. Более высокий процент средних показателей наблюдается также у менеджеров (62 %), тогда как процент средних показателей у инженеров-программистов составляет 54 %.

По критерию «Эмоциональность, эмпатия» наибольший процент высоких показателей наблюдается у менеджеров (46 %), тогда как процент высоких показателей у инженеров-

программистов составляет 22 %. Более высокий процент средних показателей наблюдается также у менеджеров (38 %), тогда как процент средних показателей у инженеров-программистов составляет 36 %, но у инженеров-программистов по среднему показателю имеется высокий потенциал (64 %).

По критерию «Чувство юмора» наибольший процент высоких показателей наблюдается у менеджеров (44 %), тогда как процент высоких показателей у инженеров-программистов составляет 32 %. Более высокий процент средних показателей наблюдается также у менеджеров (54 %), тогда как процент средних показателей у инженеров-программистов составляет 38 %. По данному критерию у обеих групп имеется высокий потенциал (60 %).

По критерию «Творческое отношение к профессии» процент высоких показателей у обеих групп одинаковый (5 %). Процент средних показателей немного выше у инженеров-программистов (40 %), процент средних показателей у менеджеров составляет 38 %. По данному критерию у обеих групп имеется небольшой потенциал по проценту высоких показателей: 12 % у менеджеров и 18 % у инженеров-программистов; а по проценту средних показателей – 50 % у менеджеров и 66 % у инженеров-программистов.

Анализ результатов исследования по t-критерию Стьюдента показал различия по критериям: «Творческое мышление» ($p < 0,05$), «Оригинальность» ($p < 0,03$), «Воображение» ($p < 0,04$), «Интуиция» ($p < 0,05$), «Эмоциональность, эмпатия» ($p < 0,04$), «Чувство юмора» ($p < 0,05$).

По критериям «Любознательность» ($p < 0,44$), «Творческое отношение к

профессии» ($p < 0,11$) метод t-критерия Стьюдента различий не показал.

Таким образом, результаты изучения креативности показывают, что между уровнем креативности в группах менеджеров и инженеров-программистов имеются различия. Эти различия обнаружены по критериям: «Творческое мышление», «Воображение», «Интуиция», «Эмоциональность, эмпатия», «Чувство юмора» – у менеджеров более высокие показатели по сравнению с инженерами-программистами. Обнаружено также, что по критерию «Оригинальность» инженеры имеют более высокие показатели. Выявлено, что критерий «Творческое отношение к профессии» у обеих групп имеет низкий показатель, а критерий «Любознательность» находится на среднем уровне. В целом по критериям креативности менеджеры имеют более высокие показатели, чем инженеры-программисты.

В результате проведённых исследований можно сделать следующие **выводы**:

1. Уровень креативности в исследуемых группах менеджеров и инженеров-программистов различий не показал. Результаты изучения креативности по показателям «Творческое мышление», «Оригинальность», «Любознательность», «Воображение», «Интуиция», «Эмоциональность, эмпатия», «Чувство Юмора» показывают, что в группах менеджеров и инженеров-программистов имеются различия (по методу t-критерия Стьюдента). В целом по критериям креативности менеджеры имеют более высокие показатели, чем инженеры-программисты.

2. Показатели креативности в разных профессиональных группах поз-

волили выделить некоторые их особенности. Так, в рисуночных тестах на креативность инженеры-программисты используют характерные рисунки и элементы, присущие их профессии. Результаты рисуночных тестов инженеров-программистов имеют более узкую техническую направленность, тогда как менеджеры рисуют более общие понятия или предметы, не имеющие принадлежность к своей профессии.

3. В каждой из изучаемых групп выделены индивидуальные показатели креативности, которые могут свидетельствовать о проявлении творческих способностей. Исследования показали, что в обеих группах есть отдельные проявления высоких уровней креативности и проявления творческой индивидуальности.

4. При обучении менеджеров и инженеров-программистов необходимо учитывать необходимость развития креативности. При создании определённых условий непрерывного развития креативности в группах инженеров-программистов можно добиться высокого уровня ее развития, о чем свидетельствуют результаты исследований. В группе инженеров-программистов выявлен потенциал развития креативности.

5. Одним из способов развития креативности является использование средств актерского мастерства. Более подробно применение средств актерского мастерства на развитие креативности будет описано в следующем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анацкая А.Г. Развитие креативности в сфере применения информационных технологий при обучении информатике студентов – будущих менеджеров : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.
2. Ивахненко О.Н. Особенности взаимодействия студентов технических и гуманитарных направлений // Сборник тезисов по материалам международной научно-практической конференции XI Левитовские чтения «Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса». 2016. С. 154–157.
3. Клейберг Ю.А. Креативная девиантология: опыт институализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 1. С. 47–52.
4. Лившиц В.И. Формирование креативности при подготовке инженеров массовых профессий // Инженерное образование. 2012. № 9. С. 26–37.
5. Мороз В.В. Аксиологические основания развития креативности студентов университета : автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Оренбург, 2015. 44 с.
6. Чугунова Э.С. Комплексная социально-психологическая методика изучения личности инженера. Л., 1991. 181 с.
7. Якубов М.Р. Креативный менеджмент: практический аспект // Креативная экономика. 2010. № 11(47). С. 19–24.

REFERENCES

1. Anatskaya A.G. Razvitie kreativnosti v sfere primeneniya informatsionnykh tekhnologii pri obuchenii informatike studentov – budushchikh menedzherov : avtoreferat dissertatsii ... kandidata pedagogicheskikh nauk [The Development of Creativity in the Application of Information Technology in Teaching Informatics for Students – Future Managers : Thesis ... of Candidate of Pedagogical Sciences]. Ekaterinburg, 2013. 23 p.

2. Ivakhnenko O.N. Osobennosti vzaimodeistviya studentov tekhnicheskikh i gumanitarnykh napravlenii [The Peculiarities of Interaction between Students of Technical and Humanitarian Directions] Sbornik tezisov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii XI Levitovskie chteniya «Sotsiokul'turnaya determinatsiya sub"ektiv obrazovatel'nogo protsessa» [Abstracts of the International Scientific-Practical Conference XI Levitskii Readings "Socio-Cultural Determination of Subjects of Educational Process"]. 2016. Pp. 154–157.
3. Kleiberg YU.A. Kreativnaya deviantologiya: opyt instutualizatsii [Creative Deviantology: the Experience of Institutionalization] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2015. no. 1. Pp. 47–52.
4. Livshits V.I. Formirovanie kreativnosti pri podgotovke inzhenerov massovykh professii [Formation of Creativity in Training Engineers of Mass Professions] // Inzhenernoe obrazovanie. 2012. no. 9. Pp. 26–37.
5. Moroz V.V. Aksiologicheskie osnovaniya razvitiya kreativnosti studentov universiteta : avtoreferat dissertatsii ... doktora pedagogicheskikh nauk [Axiological Bases of Development of Creativity of University Students : Abstract of Thesis ... Doctor of Pedagogical Sciences]. Orenburg, 2015. 44 p.
6. Chugunova E.S. Kompleksnaya sotsial'no-psikhologicheskaya metodika izucheniya lichnosti inzhenera [Complex Socio-Psychological Methods of Studying of the Person of Engineer]. L., 1991. 181 p.
7. Yakubov M.R. Kreativnyi menedzhment: prakticheskii aspekt [Creative Management: Practical Aspect] // Kreativnaya ekonomika. 2010. no. 11(47). Pp. 19–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивахненко Ольга Николаевна – соискатель кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: muravina@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivakhnenko Olga N. – Applicant at the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;
e-mail: muravina@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ивахненко О.Н. Сравнительный анализ креативности менеджеров и инженеров-программистов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 98–105.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-98-105

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Ivakhnenko. Comparative analysis of managers' and engineers –programmers' creativity // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 3. Pp. 98–105.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-98-105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР

VII Всероссийской выставки-форума «Вместе – ради детей! Вместе с детьми»

REVIEW

Of the VIIth All-Russian exhibition-forum “Together – for the sake of children! Together with children”

В Москве с 7 по 9 сентября 2016 г. в гостинице «Космос» состоялся Всероссийский ежегодный форум, объединяющий профессионалов, оказывающих помощь, поддержку, сопровождение различным категориям семей и детей, из большинства регионов Российской Федерации.

В рамках выставки-форума организованы профессиональные площадки:

- для распространения эффективных технологий и методов работы, направленных на сокращение детского и семейного неблагополучия, оказания помощи детям и семьям с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации;

- развития межведомственной и межсекторной координации в решении проблем детского неблагополучия на уровне субъектов Российской Федерации, выработки успешных моделей построения такой работы на местном уровне;

- эффективного использования программно-целевого подхода в решении задач по улучшению положения и защиты прав детей;

- усиления взаимодействия с некоммерческими, коммерческими организациями, координации работы и объединения ресурсов для осуществления мероприятий и социальных проектов по поддержке детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

- улучшения доступности, качества и вариативности услуг, содействия максимальному приближению государственной политики в отношении семей с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, к адресатам помощи;

- выявления и продвижения актуальных эффективных способов формирования ценностей семьи, ребенка, ответственного родительства;

- повышения профессионального уровня руководителей и специалистов сферы поддержки семьи и детей.

В выставке-форуме участвовало около 500 членов делегаций субъектов Российской Федерации и организаций, около 5000 посетителей, представляющих органы власти субъектов Российской Федерации; организации,

обеспечивающие внедрение в регионах России эффективных подходов, технологий и методик, адресованных детям и семьям; представители муниципальных образований, реализующих программы, направленные на социальную поддержку детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; социально-ориентированные некоммерческие организации, обладающие уникальным опытом работы с детьми и семьями; бизнес-организации, воплощающие идеи корпоративной социальной ответственности и социального партнерства в сфере поддержки детства; федеральные и региональные профессиональные научные сообщества; федеральные и региональные СМИ, детские общественные организации и объединения.

Актуальными темами работы выставки-форума являлись следующие:

1. Консолидация усилий и ресурсов государства, некоммерческих организаций и общественных объединений, социально ответственного бизнеса, добровольцев в решении проблем детей и семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации.

2. Развитие и поддержка социально значимых детских, семейных и родительских инициатив, участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

3. Укрепление института семьи, пропаганда ответственного родительства, формирование дружественной социальной среды для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, противодействие жестокому обращению с детьми.

4. Развитие институциональной системы профилактики семейного неблагополучия и поддержки семей с

детьми, масштабирование эффективных технологий и практик, обеспечивающих улучшение положения детей и семей с детьми:

– внедрение в практику социальной поддержки семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, механизма социального сопровождения;

– развитие системы ранней помощи и сопровождения детей с инвалидностью и воспитывающих их семей;

– организация системы комплексной помощи детям с расстройствами аутичного спектра;

– создание условий для социальной адаптации детей-инвалидов средствами адаптивной физической культуры и спорта;

– организация самостоятельного проживания выпускников домов-интернатов для умственно отсталых детей системы социальной защиты населения (сопровожаемое проживание) в первые годы после выхода из учреждений;

– профилактика отказов от новорожденных и малолетних детей;

– внедрение эффективных форм семейного устройства детей старшего возраста и детей с ограниченными возможностями здоровья – воспитанников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

– внедрение технологий и методик восстановительного подхода, примирительных процедур и прочих методов воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, не связанных с применением наказания;

– распространение эффективных технологий и методов профилактики правонарушений несовершеннолетних,

социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом;

– влияние независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания на повышение доступности и качества услуг для детей и семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Выставка-форум объединила 49 территорий Российской Федерации и была разделена на следующие тематические зоны: 1) «Право ребенка на семью»; 2) «Защитим детей от насилия»; 3) «Право быть равным»; 4) «Не оступись». Кроме того, 11-ю территориями была представлена тематическая зона «Муниципалитет – территория социальной сплоченности». Фойе конгресс-зала представляли 19 государственных и некоммерческих общественных организаций.

В Москве, как и в других субъектах Российской Федерации, были разработаны дорожные карты внедрения профстандартов в социальной сфере. В Москве Департаментом труда и социальной защиты населения под руководством заместителя Департамента к.п.н. Т.М. Барсуковой проведена организационная работа в Центрах помощи семье и детям г. Москвы. На выставочной площадке «Муниципалитет – территория социальной сплоченности» специалистами г. Москвы в рамках внедрения профессионального стандарта специалиста по работе с семьей показан опыт работы. Он включал разработку Программы и проведение курсов повышения квалификации специалистов по работе с семьей. Проведены профессиональные конкурсы специалистов по работе с семьей: «Социальный технопарк “Долина семьи и детства”». Представлен атлас социаль-

ных технологий в рамках внедрения профессионального стандарта. Профессиональный конкурс включал 10 номинаций: сдача профессионального экзамена в виде теста в рамках выполнения трудовых действий профессионального стандарта, практические конкурсы, направленные на выявление профессиональных умений: гибкость, умение работать в команде, эффективное решение сложных проблем, поиск нетрадиционного решения проблем семьи и детей.

Результатом адаптации и внедрения профессионального стандарта специалиста по работе с семьей в социальной сфере является социальная практика московских инноваций, которая направлена на разработку и применение эффективных технологий организаций поддержки семьи и детства, повышения качества и расширение спектра услуг семьям, детям и подросткам. Департаментом труда и социальной защиты населения г. Москвы совместно с Городским ресурсным центром поддержки семьи и детства «Отрадное» разработан и представлен комплекс методических пособий, который является оригинальным опытом разработки и применения на практике технологий деятельности нового специалиста по работе с семьей в рамках реализации Профессионального стандарта. Наиболее важными направлениями деятельности специалиста по работе с семьей, реализованными в представленном комплексе 18-ю методическими пособиями, являются:

«Социальный аудит: инструмент оценки деятельности организаций поддержки семьи и детства», «Реинтеграция подростков, находящихся в конфликте с законом и их семей»,

«Организация работы с детьми и женщинами, подвергшимися жестокому обращению», «Инновационные технологии работы с детьми из разных этнокультур и их семьями в мегаполисе», «Технологии профилактической работы с зависимыми подростками», «Раннее развитие позитивных интересов и творческого потенциала семьи и детей», «Социальное партнерство с НКО – инструмент повышения эффективной работы с семьей», «Эффективные методики работы с семьями, воспитывающими “особого” ребенка», «Развитие сети взаимопомощи семьям с детьми “Семья семье”», «Дети в неполных семьях: проблемы, решения», «Комплексная модель социальной реабилитации родителей, страдающих алкогольной зависимостью», «Инновационные методы работы с подростками и их семьями “Шаг в будущее”», «Технологии работы с молодыми семьями “Счастливое родительство”», «Профилактика отказов от новорожденных среди молодых матерей в контексте проблем социального сиротства», «Раннее выявление семейного неблагополучия “Шаги на встречу”», «Комплексная работа с семьей на территории муниципального образования “Мой двор – мой подъезд”», «Выездные технологии работы с семьей и детьми “Маршрут доверия”».

Данные методические пособия ох-

ватывают оригинальный авторский опыт всех направлений работы специалистов по работе с семьей и детьми. Авторы каждого методического пособия удачно спланировали возможность создания реального продукта: это оригинальная технология работы специалиста с семьей.

Положительным моментом является то, что Департамент труда и социальной защиты населения г. Москвы разрабатывает политику максимально эффективной помощи семье и ребенку для самостоятельного нахождения семьей решения проблем с использованием собственных ресурсов и возможностей.

Впервые в России Центры поддержки семьи и детства г. Москвы разработали авторские технологии, провели адаптацию современных зарубежных технологий применительно к условиям крупного мегаполиса, апробировали их на практике, провели анализ результативности, обобщили уникальный опыт работы для его диссимилиации в регионы РФ.

Специалисты, посетившие VII Всероссийскую выставку-форум «Вместе – ради детей! Вместе с детьми» высоко оценили все представленные площадки, провели интересные круглые столы, обсудили наиболее важные вопросы, связанные с деятельностью специалистов по выполнению ФЗ № 442.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета, член экспертного совета Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, эксперт Рабочей группы «Равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства» Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы;
e-mail: shulgatiana@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shulga Tatyana I. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State regional University, member of the council of experts of the State Duma Committee on Family, Women and Children, expert of the Working Group “Equal Opportunities for Children in Need for Special Care of State”; member of Coordinating Council on National Strategy of Following Children’s Interests for the Period of 2012–2017;
e-mail: shulgatiana@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2016. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор Т.С. Павлова
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор А.С. Барминова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,5 усл. пл. 7.
Подписано в печать: 31.10.2016. Выход в свет: 28.11.2016. Заказ № 2016/09-05.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а